

ПИОНЕР 6

ИЮНЬ • 1974 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

ИЮНЬ 6

Издательство «Правда»
Москва 1974 г.

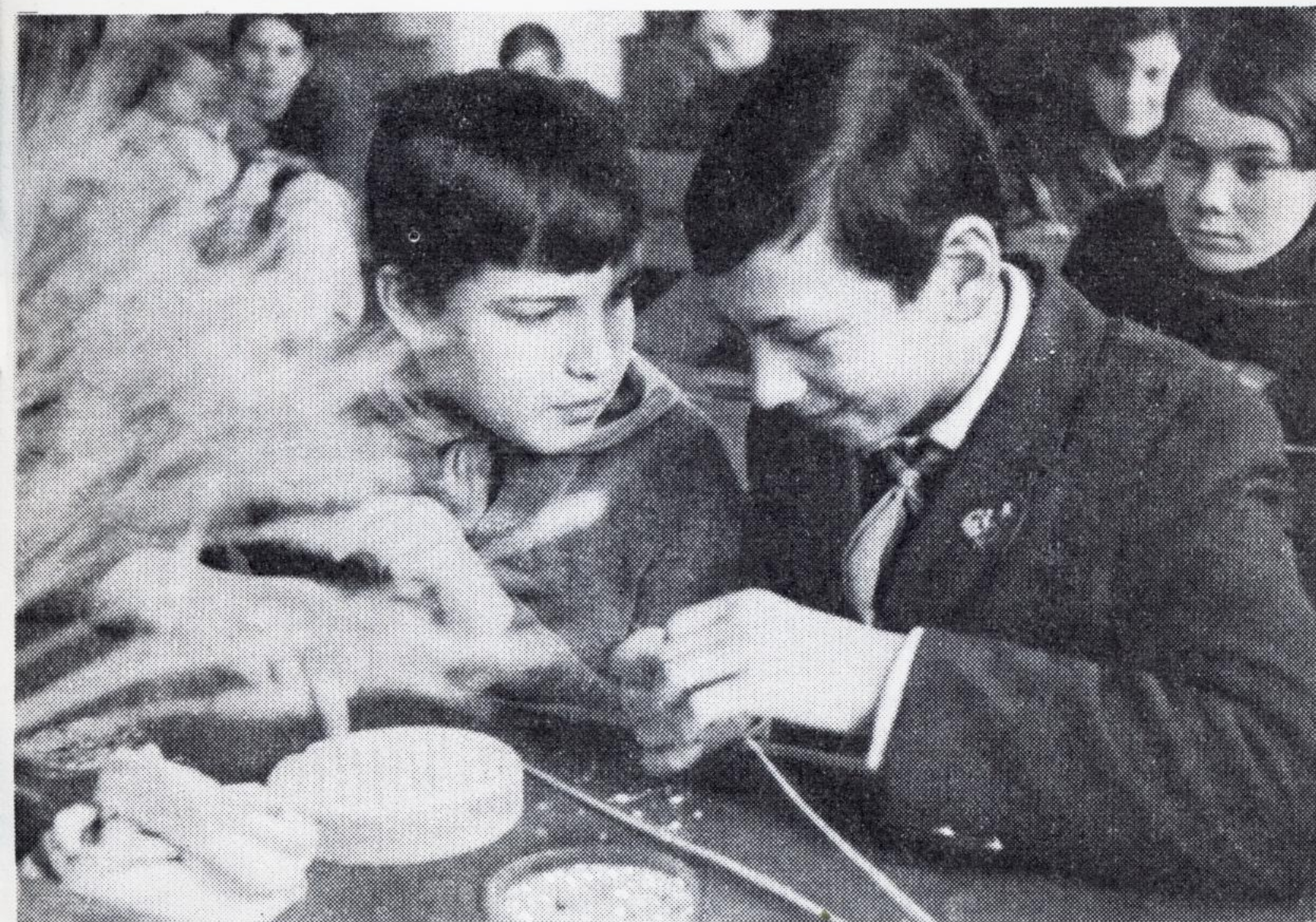
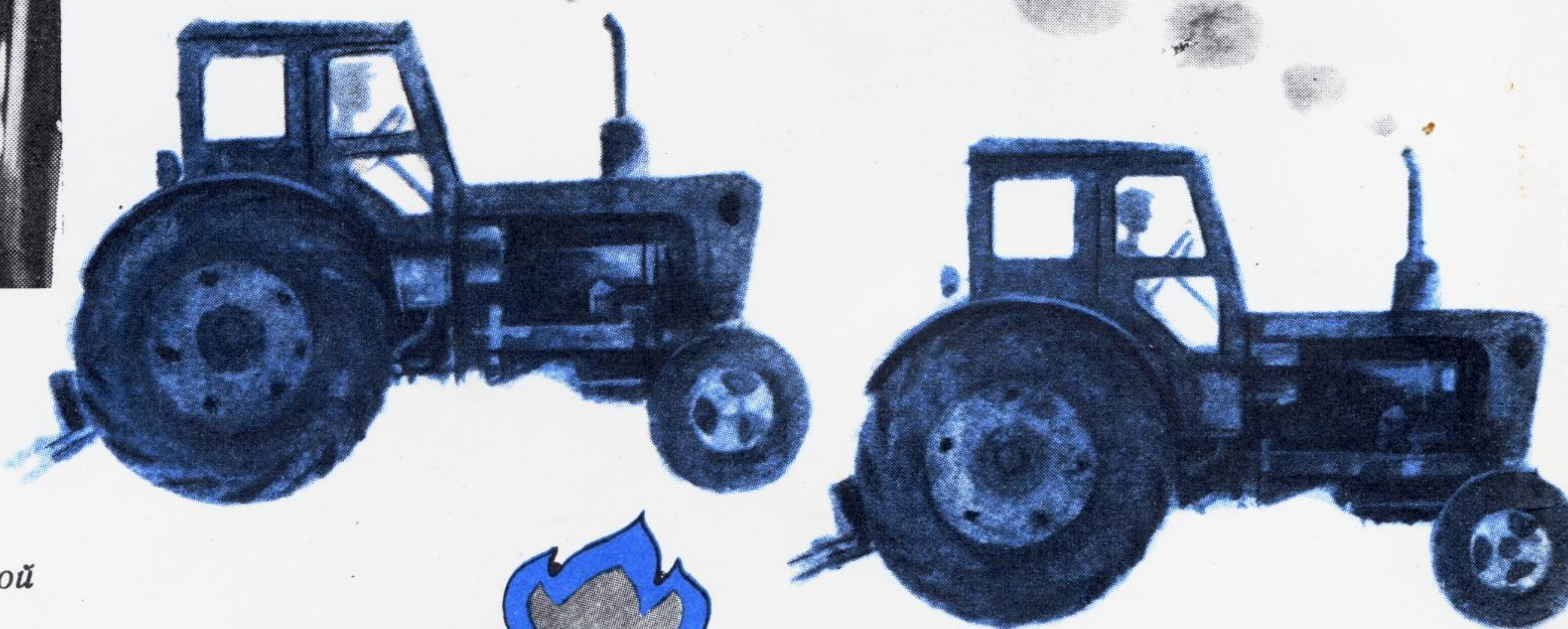
Ваня Кривошея,
Оля Овчаренко:
«Да, конечно, в колхозе
останемся».

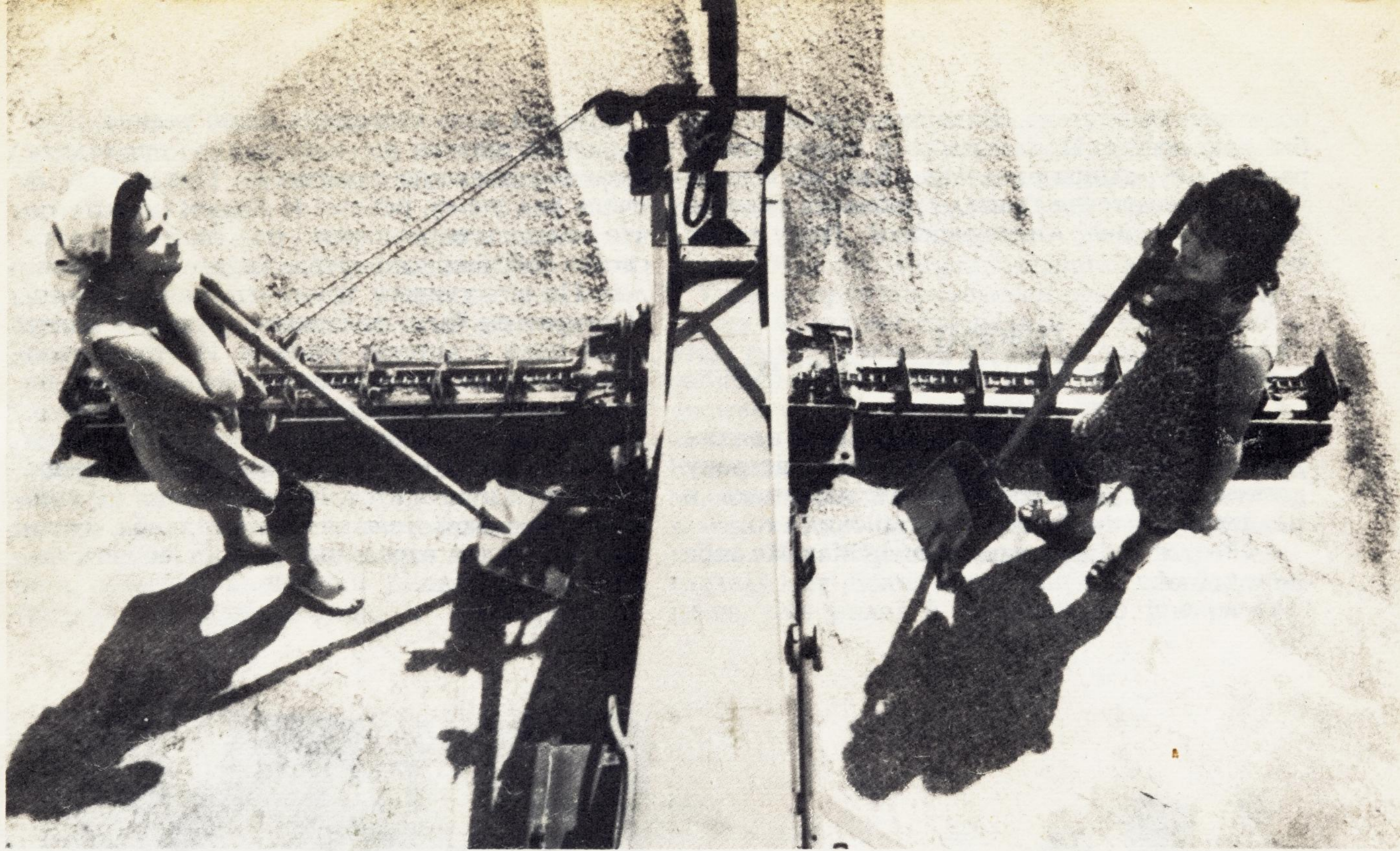
Люба Куцуба:
«Что ж, разве девчонки
не могут быть механизаторами,
что ли?»

— Погоди, погоди. Значит, какой
у нее процент всхожести?

Учимся работать

Саша Чеботаренко:
«Обязательно буду водить
радиотрактор».

**ОБ ЭТОМ ГОВОРИЛИ
НА XVII СЪЕЗДЕ КОМСОМОЛА**

*Оля Цьома, Нина Поповыченко:
«Урожай в этом году отличный,
вот и решили после школьной практики
еще поработать, помочь колхозу».*

ГОЛОВОЙ и руками

В. ЛАРИН

Фотографии В. АРСИРИЯ.

Рисунки В. ДУДКИНА.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Мы послали наших специальных корреспондентов в село Камышеватое, Кировоградской области, вот по каким причинам.

ПРИЧИНА ПЕРВАЯ. Здесь и земля золотая, черноземная и люди умеют трудиться так, что диву даешься. Потому-то из года в год пшеница встает здесь стеною. Украина — хлебная житница страны. Кировоградчина — самое сердце этого хлебного края.

ПРИЧИНА ВТОРАЯ. Именно здесь работает механизатор, хлебороб, дважды Герой Социалистического Труда Александр Васильевич Гиталов. Сейчас начало лета — начало трудовой школьной четверти, трудового пионерского лета. Что пожелает ребятам известный всему миру рекордсмен урожая?

ПРИЧИНА ТРЕТЬЯ. В селе Камышеватом, в школе, есть отличная ученическая произ-

*Валя
Тараненко:
«В бригаде
у нас
здорово!»*

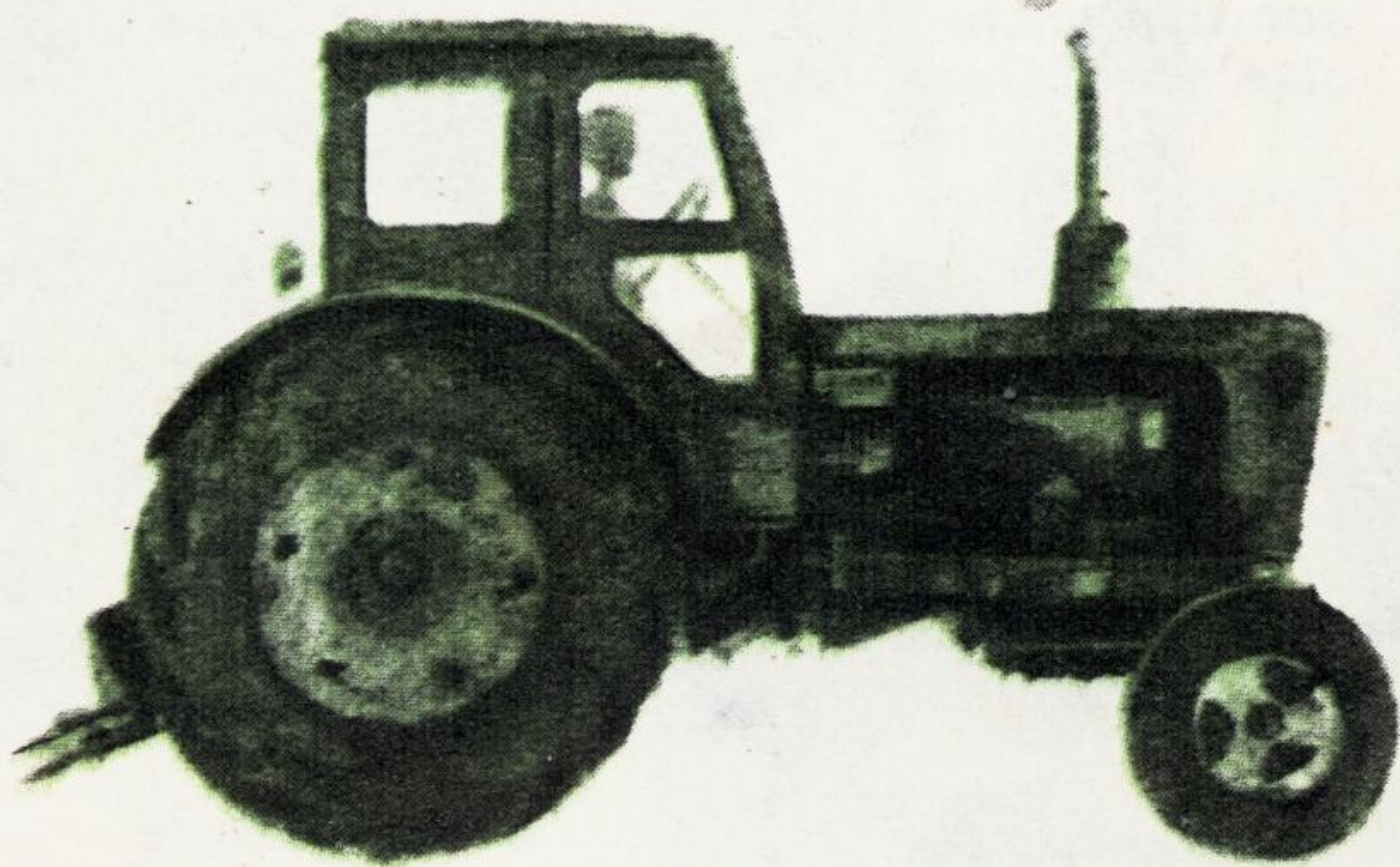
*Толя Манзик:
«После школы
надеюсь
работать
в бригаде
А. В. Гиталова».*

водственная бригада. Наверное, такой она была не всегда. Приходилось и трудности и разные неурядицы одолевать. Как же все-таки камышевская бригада добилась своего? Что у них сейчас интересного? Чему стоит поучиться?..

ГОВОРIT
АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ГИТАЛОВ

Это случилось в Кировограде. Иду однажды по улице и вижу. Шагает мне навстречу десяти- или двенадцатилетний парнишка и подфутболивает булку. Я остановил его:

— Что ж ты делаешь, хлопец? Как же тебе не стыдно!..

Сейчас уже не помню точно, что я ему говорил. Возмущение подступило к самому сердцу. Хотел говорить спокойнее, убедительнее. И не мог быть спокойным... Но очень хорошо помню его ответ:

— Да бросьте вы, дядя! Ей цена-то всего, этой булке, семь копеек. А вы мне лекцию здесь читаете!..

Таков был его ответ. И так, к сожалению, думает далеко не он один!.. Как рассказать этим ребятам, что хлебу нет цены — ни в копейках, ни в рублях. Истинную цену хлебу знает агроном, что ночами напролет ломает голову в своей лаборатории, какой же сорт ему выбрать, и тракторист, что работает в поле от утренней зорьки до вечерних звезд, и летчик, что на бреющем полете пронесется над молодым хлебом — проводит химическую прополку, вносит удобрения (работа эта и сложная и опасная). Кого же еще я не назвал? Многих и многих! Комбайнера, шофера, бригаду, что стоит у зерносушилки, бригаду на току, работников элеватора...

Пришло лето, кончилось ваше учение. Сейчас очень многие из вас будут проходить производственную практику. Признаюсь, я очень рад этому, ребята! И совсем не потому, что надеюсь переложить на кого-то часть своего собственного труда. Труд — дело взрослое. Но вот учиться труду надо с юных лет! И стараться быть полезным другим — этому тоже надо с детства учиться. И стремление помочь людям — стремление, без которого не проживешь в нашей стране, его тоже, думаю, надо начинать воспитывать в себе в вашем возрасте. Каждому стоит поработать. Честное слово, это пригодится. Не поработав, не поймешь, сколько стоит тот кусок хлеба, который ты щедро отрезаешь себе от общего народного каравая.

А. В. Гиталов:

«Пришла уборочная. Теперь работы хватит всем — и людям и машинам. Теперь некогда думать, утро сейчас, день или ночь наступила».

ГОВОРIT ДИРЕКТОР ШКОЛЫ
НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА КАЛИНИЧЕНКО

Поначалу, конечно, трудно было... Что за производственная бригада? С какого конца за это дело приниматься? Спасибо, пришел в школу Александр Васильевич Гиталов, рассказал об опыте ставропольских ребят. Так что он у нас вроде как за батьку. Всегда поможет и подскажет. А впрочем, Александр Васильевич не только для нас так. Ему письма от школьников со всей страны приходят.

Хозяйство наше ученическое немалое! Свои трактора, и грузовики, и сеялки. Своя земля. Колхоз не поскупился — всего отмерил полную мерой.

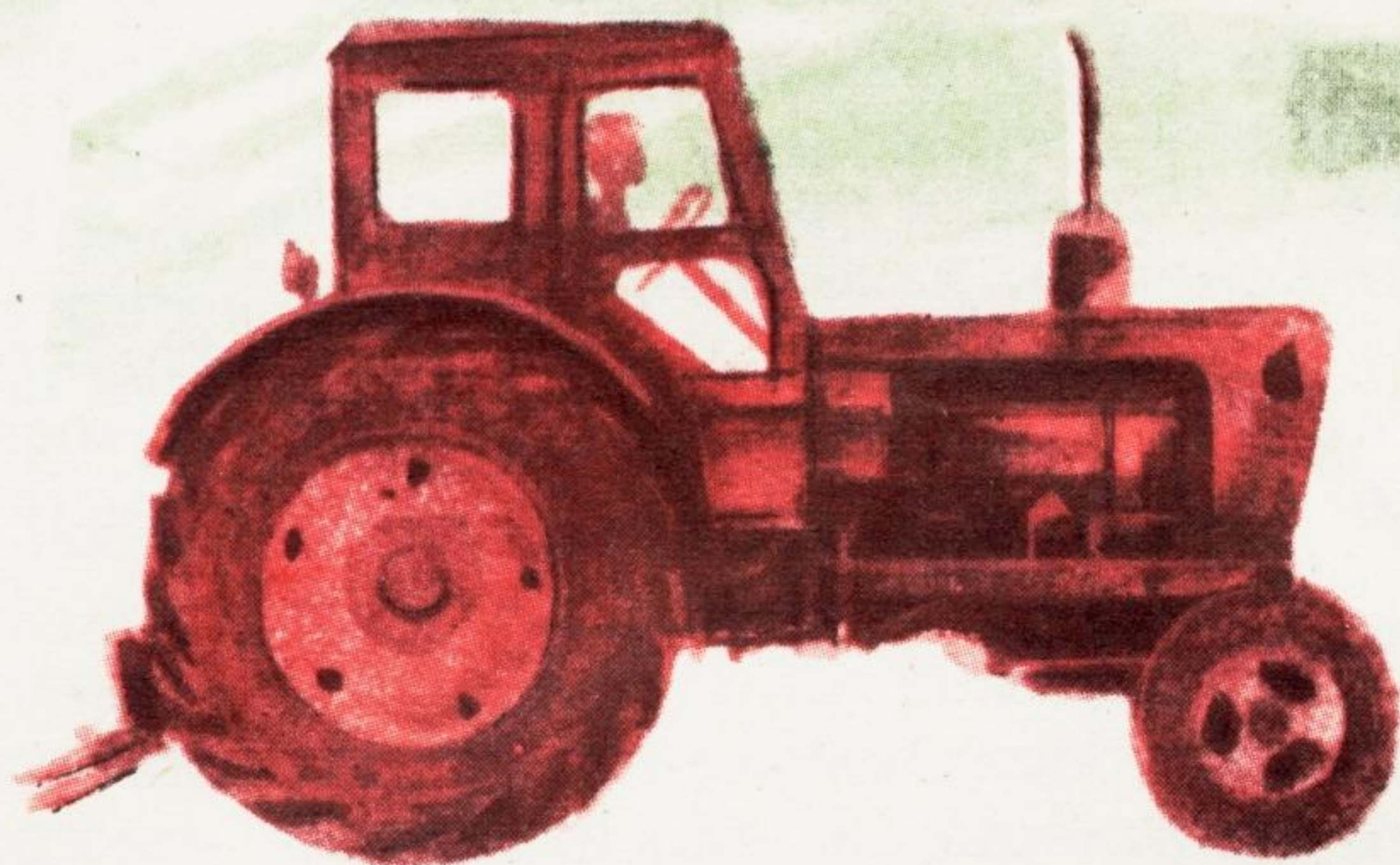
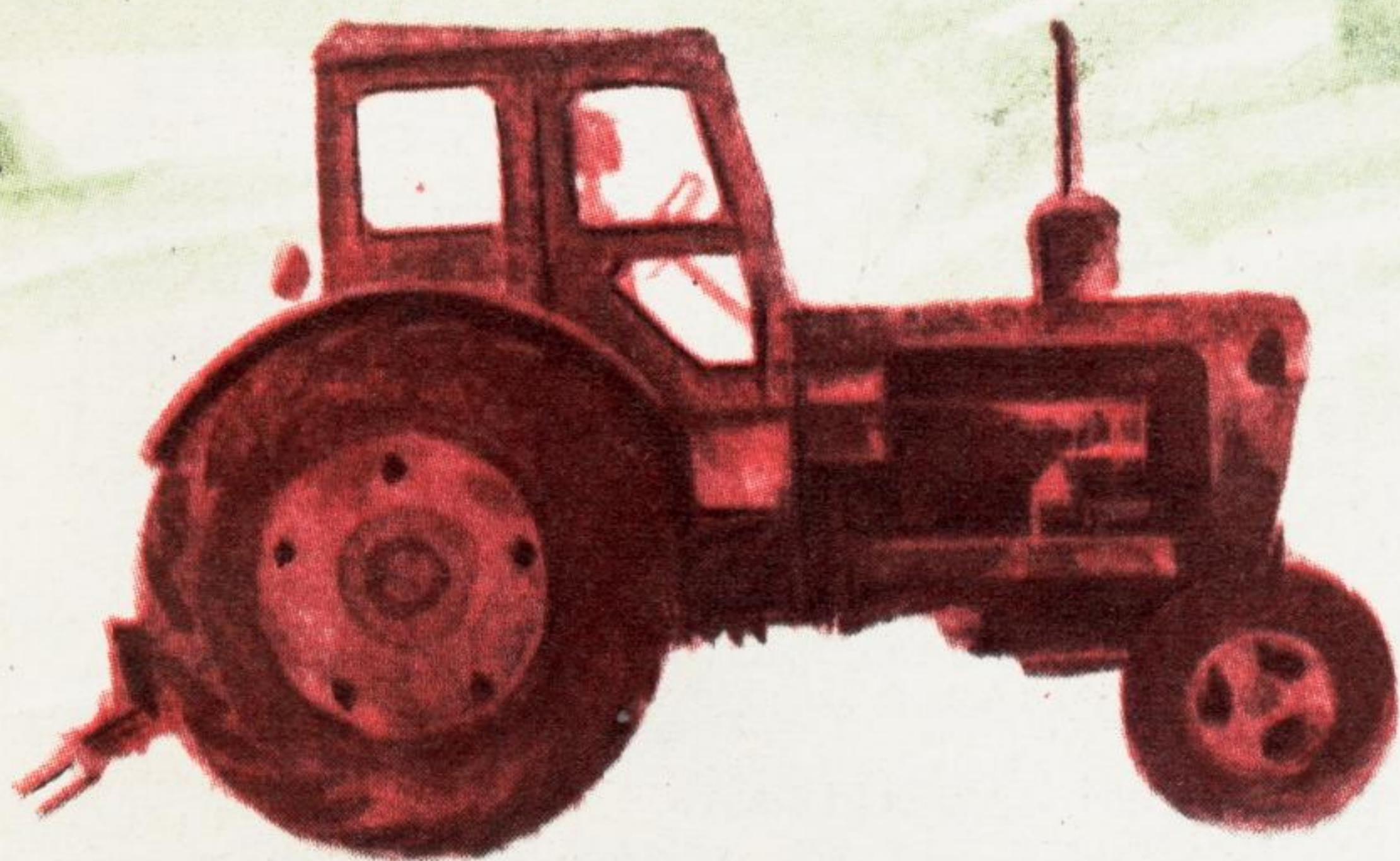
У нас как-то сразу все началось по-серьезному, по-хозяйски. Взрослые говорят: «Вот вам земля, вот машины. Машины должны быть в порядке, а земля должна давать урожай».

И ребята этот разговор поняли правильно. Им по душе, когда с ними не в игрушки играют, а настоящее дело дают.

Бригада наша появилась в 1958 году. С тех пор, сами понимаете, много воды утекло, многое изменилось. Сейчас главное для нас — работа плюс наука. Без науки какое же теперь сельское хозяйство? Да и ребятам интересно: ты одновременно и тракторист и

Главное здесь то, о чем не устает говорить Гиталов, о чем постоянно думает Калининко да и все мы: бригада учит ребят быть хорошими хозяевами на своей земле, учит любить труд хлебороба. А это приходит, лишь когда сам в поле выйдешь на тракторе.

У ребят производственная практика 144 часа, это примерно три недели. А потом думается: гуляй, вольный казак. Да только наши ребята не очень спешат в вольные казаки записываться. После практики просят еще в колхозе поработать... Что говорите? Деньги? Конечно, и это есть. Потому что деньги мы платим немалые, взрослые. И для семьи это важно. Но не только в этом дело, честное слово. Как уйдешь, когда только полработы сделал? Нет! Болит душа: как там оно без меня-то, мое поле? Я их понимаю прекрасно.

ученый. И опять это не игра, а серьезное дело. Нашими селекционными опытами, знаете, кто руководит? Главный агроном колхоза Николай Илларионович Белоконь.

Наши ребята готовятся стать настоящими хозяевами своей земли. А настоящий хозяин должен быть не только старательным, но и знающим, образованным, умным. Без этого в двадцать первом веке нам делать нечего!

**ГОВОРIT ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА
ИМЕНИ XX СЪЕЗДА КПСС
ВАСИЛИЙ КАРПОВИЧ ПОПОВКИН**

Да, верно: колхоз многое делает для ученической бригады. И хорошо, что ребята это понимают. Но и бригада, скажу прямо, многое делает для колхоза. Суть даже не в тех обработанных гектарах, хотя и они должны быть обработаны хорошо — такой был у нас уговор с самого начала.

Раньше, чего греха таить, некоторые выпускники школы бросали родное село. Теперь, замечая, жизнь повернула в другую сторону. Мне радостно! И во многом так происходит из-за бригады. Не хотят ребята уезжать от своего дела.

Село растет. Хозяйство становится более сложным, более интересным. Приходит ко мне паренек: «Хочу учиться». Учись! Колхоз тебе еще и стипендию назначит. Нам нужны сейчас свои врачи, строители, учителя, хорошие библиотекари, работники культуры (вон какой дворец-то отгрохали!), ну и в первую очередь специалисты по сельскому хозяйству, конечно. Квалифицированные специалисты.

Ребята уезжают на несколько лет, я на них надеюсь: выучатся, вернуться. Мои ближайшие помощники: главный инженер колхоза Владимир Клыкач — «выпускник» бригады, знатный комбайнер, орденосец Аркадий Колотилин — тоже из нее, парторг колхоза Владимир Тарасенко — оттуда же. Да и

все село у нас молодое. Например, у А. В. Гиталова каждый второй механизатор из ученической бригады.

СЛОВО ЧЛЕНУ УЧЕНИЧЕСКОЙ БРИГАДЫ ЛЮБЕ КУЦУБЕ

Конечно, мальчишкам все проще! Трактор — силища, больше дело мужское. А что же, если мне нравится? Если я себе такую профессию решила выбрать? Знаете, как интересно... И не отступлюсь ни за что. Я и двигатель знаю «на отлично» и по вождению не хуже мальчишек. Не верите? Да у кого хотите можете спросить... Поработаю, а потом обязательно в сельскохозяйственный институт пойду учиться. Я механизатором хочу быть и буду!

СЛОВО САШЕ ЧЕБОТАРЕНКО

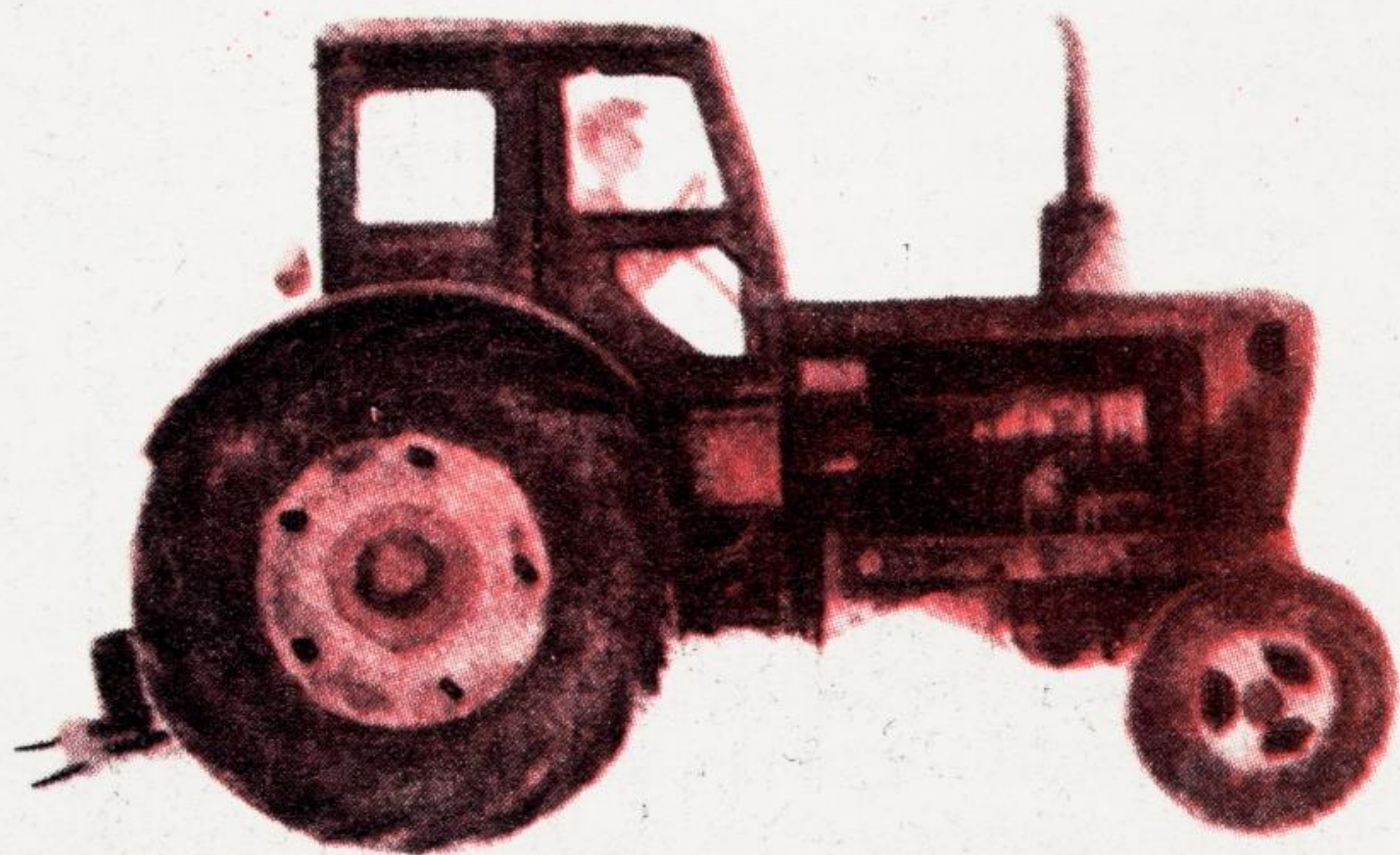
Нет, я не в бригаде пока. Я в «спутнике», в «спутнике» бригады. Мне машину еще не очень доверяют. Но если интересуешься по-настоящему, все равно же тебе разрешат, сами знаете. Тем более у нас люди понимающие. Говорят: «Раз хочет, пусть понемногу привыкает».

Еще загадывать рано. Но вообще-то я радиоинженером, наверное, буду, электронщиком... Что трактор! А думаете, радиотрактора с дистанционным управлением не интересно водить? Чтоб по десять штук сразу?..

ОТ РЕДАКЦИИ

Вот такие люди в селе Камышеватом, такая ученическая бригада. Да, верно, они многого добились. Урожай богатые. На занятиях в школе ребята сельхознаукой занимаются. В поле у героев труда учатся.

Кое-кому за камышеватской ученической бригадой еще тянуться да тянуться. Но тянуться все равно надо. Без этого, как верно сказала Н. А. Калиниченко, нам в двадцать первом веке делать нечего!

«Пятая» Трудовая

В летние каникулы минувшего года ты первый раз услышал такие слова: «пятая» трудовая четверть. В конце этой четверти никому не выставляли оценок. Зато шесть миллионов ребят после каникул вернулись в школу загорелыми, окрепшими и очень самостоятельными. За плечами у них была настоящая, взрослая работа. Где они проводили свои каникулы? В школьных производственных бригадах, в лагерях труда и отдыха, школьных лесничествах, в ремонтных и строительных отрядах...

Если бы мы с тобой стали перечислять все, что они сделали, то нам понадобилось бы очень много времени. Посуди сам: разве можно перечислить все школы, в ремонте и строительстве которых принимали участие отряды старшеклассников, сколько они оборудовали лабораторий и учебных кабинетов, сколько посадили деревьев и собрали ягод, грибов, лекарственных трав, сколько помогли продать книг, сколько писем и телеграмм разнесли адресатам!

Одни только ребята из Казахстана вырастили 700 тысяч центнеров сахарной свеклы, 240 тысяч центнеров зерна. Школьники из Донецкой области не работали в поле. Они участвовали в ремонте и строительстве школьных зданий и выполнили различных работ на 700 тысяч рублей. У них даже своя организация появилась — «Донецкшколстрой». В Белоруссии ребята засадили лесом 2300 гектаров... Этот отчет можно было бы продолжать очень долго. Но дело не только в той помощи, которую получило наше государство от ребят, таких, как ты. Важно, что сами они, закончив «пятую» трудовую четверть, поняли, что значит трудиться по-настоящему, что значит быть полезным своей стране. Девиз летней трудовой четверти — «Мой труд вливается в труд моей республики».

Многим ребятам «пятая» четверть помогла задуматься над выбором профессии. А 222 твоих сверстника за ударный труд в решающем году пятилетки отмечены высокими наградами Родины — правительственными орденами и медалями. Это самые юные гвардейцы пятилетки. На них надо держать равнение.

Борис КАЛАШНИКОВ,
заместитель командира Центрального штаба
студенческих отрядов ЦК ВЛКСМ.

Сказка для летнего номера

С. ИВАНОВ

Рисунок П. БАГИНА.

Мне сказали написать сказку для летнего номера. Но сказку я написать не сумел. Может быть, потому, что сказки по заказу не пишутся...

Если срезать ивовый прут и осторожно оббить его с того конца, который потолще, то потом можно аккуратной трубкой снять кожуру. И сделать из этой трубки свистульку. Она будет петь тонко и чуть глуховато: «Ти-ли-и-и-лиии...» Если сорвать в придорожной канаве спелый цветок одуванчика, взять не очень длинный кусок его полого стебля, и придавить пальцами с одной стороны, и потом подуть, то услышишь голос одуванчика — смешной, чуть дурашливый, похожий на голос деревенского рожка: «Ду-ду-у-ду...» Если сорвать тонкую саблю травинки, зажать ее между большими пальцами и сильно дунуть, то раздастся крик травы — резкий, жалобный.

Голоса, они есть у всего живого. Чтобы услышать их, не обязательно резать и срывать. Надо просто внимательно слушать. Голос одинокой сосны на песчаном холме. Вы слышали его? Тихое: «Шу-у-у», — когда иглы ее расчесывает ветер на тонкие прядки.

Осинник звенит миллионами тонких серебряных монеток: «Тинь-тинь-тинь». А березняк смеется под несильным июньским ветром.

Колхозное поле клевера большое, розово-красное, гудит тихо и грозно: сюда слетелись пчелы со всех пасек и шмели со всех лугов.

Живые голоса живого... А я теперь и не знаю, что есть неживого на свете. Особенно если долго живешь на одном месте, то речка, и холмы, и лес, и облако над лесом, и трава на лугу... Хотя облака — это особое. Они всегда другие, большие летние облака.

Живое, родное. Мы говорим: «Родина... Наши солдаты шли на войну защищать Советскую Родину...» Какая она, наша Родина? Мы знаем, — огромная. От Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей. И от западных границ до самого дальнего Дальневосточья. Да, это наша Родина. И еще — рябина у родного забора, и белая теплая дорога, и дом со скрипучими ступеньками. И об этом тоже помнили наши солдаты, когда говорили: «Отступать больше нельзя!» Они сделали так, что это наше — живое, родное — осталось нашим, живым и родным.

Нам это надо беречь!

«И нам должны быть дороги каждая ветка, каждый родник холодной воды, каждый клочок земли, дышащий травой и листвой».
К. Паустовский.

ЗАЩИТНИКИ ПРИРОДЫ, ДЕЛО ДЛЯ ВАС!

ДОЗОРОМ ОБХОДИМ ВЛАДЕНЬЯ СВОИ

Когда лесу хорошо

В лесу под Можайском можно увидеть щиты с такой надписью:

**«ЭТОТ УЧАСТОК
НАХОДИТСЯ ПОД ОХРАНОЙ
ПИОНЕРСКОГО ЛАГЕРЯ
«ДРУЖБА»
КУСКОВСКОГО
ХИМЗАВОДА»**

Восемь лет ребята из этого лагеря изучают и охраняют свой заповедный лес, свою чистую речку Ведомку, шефствуют над делянками с молодыми елочками, помогают соседнему совхозу. И теперь нет в лесу залежей сушняка и гниющих деревьев, заботливо огорожены и взяты на учет все муравейники, а на деревьях сотни птичьих домиков.

Недаром пионерский лагерь «Дружба» получил **Большую памятную медаль Всероссийского общества охраны природы.**

Немало в нашей стране пионерских лагерей, где ребята крепко дружат с лесничествами. В июне они принимают лес — пусть небольшой участок! — под свою охрану, а осенью снова сдают его лесничеству таким же могучим и зеленым.

Пусть же и твой пионерский лагерь встанет на летнюю вахту!

Как помочь лесу, реке, птицам? Об этом мы будем рассказывать в летних номерах «Пионера».

Сегодня ты и твой лагерь получаете **первое задание.**

ИЮньское задание:

«Зеленому патрулю»

Ваши подшефные — лес, поля, луг рядом с лагерем и, конечно, все зеленые насаждения в самом лагере.

С чего начать?

Вместе со взрослыми отправиться в ближайшее лесничество. Лесничий расскажет вам о лесах, окружающих лагерь, и выделит участок под вашу охрану. Вы узнаете, чем можете помочь, какая работа нужна в лесопитомнике, на делянках с молодыми саженцами. Во время походов определите породы деревьев в лесу, под особую охрану возьмите цветущие поляны, деревья-долгожители, места гнездования птиц.

Не откладывая, приступайте к главному летнему делу — санитарной обработке леса (уборка сушняка, валежника, уничтожение вредителей леса). Сушняк можно подтаскивать к местам, где обычно останавливаются туристы, — так вы сэкономите хороший лес от туристских костров.

Позаботьтесь о том, чтобы и в самом лагере не было вытоптаных, безрадостных участков. Берегите не только газоны и клумбы — берегите живую зеленую траву и цветы.

И пусть ни у кого не поднимется рука вбить гвоздь в живое дерево...

Все, что узнаете о подшефном лесном участке, — нанесите на самодельную карту-схему. Не обязательно точно соблюдать масштаб — главное, чтобы на карте было все самое важное и интересное. Восклицательным знаком отметьте места, где нужна и где уже проводится срочная помощь.

Побывайте и в соседнем колхозе или совхозе — узнайте, какая помощь требуется от вас.

«Голубому патрулю»

Ваши владения — река, озеро и все ближайшие водоемы. Конечно, и эту работу нужно вести вместе со взрослыми. Здесь вам поможет советом учитель местной школы или члены Общества охраны природы.

Обследуйте реку, протекающую по вашей лесной зоне, ее притоки и особенно ручьи и родники по берегам. Под особую охрану возьмите ручьи и родники: они питают реку, и от

их чистоты зависит жизнь и будущее реки.

Ручьи и родники надо очистить от ила, каждому дать номер и пометить его на карте.

Выясните, какие деревья и кустарники растут по берегам, не осыпается ли берег. Укрепите берега — осенью посадите деревья и кустарники.

Узнайте, кто обитает в водоеме, есть ли рыба.

Чистая ли в вашей реке вода, какие предприятия расположены по берегам?

**ВСЕ, ЧТО УЗНАЕТЕ,
НАНЕСИТЕ НА КАРТУ.**

Участникам операции «Муравей»

Вам доверяется все муравьиное население охраняемой лесной зоны. Муравьи уничтожают вредителей, они санитары леса. Проведите учет муравейников. Каждый из них обозначьте номером и укажите на вашей карте. Измерьте высоту и площадь каждого муравейника, определите вид муравьев (с помощью лесничего или учителя). Если поблизости пасется скот — поставьте ограждение (три-четыре колышка и поперечные жерди).

Юным ботаникам и зоологам

Подробное задание — в следующем номере. А пока, в июне, нужно хорошо познакомиться с ближайшим лесом, провести «перепись» его обитателей, — делать это надо осторожно, не нарушая жизни птиц и зверей.

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Каждый пионер должен знать: **СТРЕКОЗЫ, ПЧЕЛЫ, ШМЕЛИ, ЕЖИ, БЕЛКИ, ЖАБЫ, ЛЯГУШКИ, СОВЫ, ЛЕТУЧИЕ МЫШИ** и, конечно, все **ПТИЦЫ** нуждаются в нашей заботе и охране.

Ни одной сломанной ветки в лесу!

Объявите запрет на сачки и охотки цветов!

Июнь — месяц тишины. Ваши походы и трудовые дела не должны нарушать спокойной жизни леса и особенно птиц.

**ТИХО — ПТИЦЫ
НА ГНЕЗДАХ!**

Ждем от вас писем с пометкой «Июньское задание». Карту-схему можно вложить в этот конверт, а можно работать над

ней все лето и прислать, выполнив июльские и августовские задания. Не забудьте о фотографиях.

Лучшие карты получают премии журнала «Пионер» и Всероссийского общества охраны природы. Какие? Пока секрет.

Марк ВЕЙЦМАН

Какое мне дело?

Новая девочка
В нашем дворе появилась
В бантиках белых.
А какое мне дело,
Скажите на милость?
Какое мне дело?

Ну какое мне дело,
Что она задается,
Со скакалкой так весело
Скачет,
Что она так негромко
И так мелодично смеется
И так жалобно плачет?!

Я стоял на воротах
И взял столько мертвых мячей,
Прыгал с крыши,
Ходил на руках —
Хоть бы раз поглядела!
Ведь я видел,
Я глазом косил на нее,
А зачем?
Ну какое мне дело!

И когда
Из далекого города
Прибыл за нею отец
И они уезжали,
Колесами пыль приминая,
Что-то клюнуло в сердце мое
Изнутри, как птенец.
А какое мне дело?
Не знаю,
Не знаю...

Наталья ЮРКОВА

Вечер у костра

Сидели с другом у костра,
Сидели и молчали.
Идти домой давно пора,
Но мы чего-то ждали.
И вдруг
Ежонок прибежал
И сел перед огнем.
Молчали мы.
И он молчал.
Молчали мы втроем.

Костер так весело горел.
Трещал сушняк в огне.
Костер негромко песню пел
Ежонку,
Другу,
Мне

Про синий вечер над землей,
В котором бродит лес
И тени водит за собой —
А в них полно чудес.
Нам в песне слышалось
О том,
Что травы и цветы
Не спят
И тянутся кругом
К костру из темноты,
О том,
Что искры от костра,
Как звездочки вдали...
Костер погас.
Идти пора.
И мы втроем ушли.

Чудо

Мне с утра хотелось чуда.
Я искал его повсюду.
Шарил в темном коридоре,
Через щель смотрел в заборе,
Раз пятнадцать обежал
Вдоль и поперек квартал.
Запыхался и устал.
Чуда
Не нашел нигде.
Просто так присел к воде —
Чуда я уже не ждал.
Было тихо,
Пруд дремал,
Вниз спускался со дна круг...

Рыбина взлетела вдруг
Над водой из глубины,
Выгнувшись, как серп луны.
Вот так чудо!
Лишь сверкнула,
Снова рыба в пруд нырнула.
Рыбы нет.
Но чудо тут.
Дышит им заросший пруд,
Шелестит о чуде сад,
Закружив в листве закат.

Понял я тогда,
Что чудо
Можно увидеть повсюду —
В дереве,
Цветке,
Звезде,
В отраженьях на воде,
И в закате,
И в звезде...
Чудо —
Рядом и вдали,
Дома,
На краю земли.
Чудо
К тем, кто очень ждет,
Обязательно придет!

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Владислав КРАПИВИН
ПОВЕСТЬ

МАЛЬЧИК СО ШПАГОЙ

Рисунки С. ТРОФИМОВА
и В. ДУДКИНА.

Окончание. Начало в № 3.

Проснулся Сережа поздно. Все тело болело, будто накануне он весь день тяжести таскал. Зато настроение было прекрасное. Он отлично помнил, что случилось вчера, и чувствовал спокойную гордость. А чего ж не гордиться? Он до конца держался в неравной схватке. Он был победитель.

Все было хорошо. Уютно пощелкивали батареи, смеялась за дверью Маринка, весело говорил с тетей Галей отец. А за окнами опять сыпал крупный снег.

Даже пенопластовый замок с узорным флюгером на главной башне и синим крабом над воротами снова показался Сереже красивым и почти настоящим.

Сережа откинул одеяло, сделал десяток приседаний, чтобы прогнать боль из мускулов. Потом побежал в ванную. В прихожей он столкнулся с тетей Галей.

Она ахнула:

— Сереженька! Что с тобой?

— А что?

— Ты в зеркало посмотри!

Он посмотрел. «Маскировка» слезла, и синяк цвел во всю щеку.

— Кто тебя? — все больше волновалась тетя Галя. — Батюшки, да что же это? Володя, иди сюда!

Пришел папа. Посмотрел, присвистнул. Сказал:

— Давай, дружище, выкладывай. Пойдемка в комнату.

*Он сидел на тахте, приткнувшись к отцу,
и чувствовал себя, как котенок в добрых руках.*

И Сережа рассказал. Да он и не собирался отмалчиваться. Одно дело вчера, другое — сегодня.

Он сидел на тахте, покрытой мохнатым, ласково щекочущим пледом, приткнулся к отцу и чувствовал себя, как котенок в добрых руках. Рассказывал спокойно и подробно. Не скрывал ни страха, ни мыслей, которые были в тот момент, ни злости, которую влил в удары своей деревянной шпаги. Папе можно было говорить все. Конечно, зря здесь была тетя Галя: не женское это дело — слушать о таких вещах.

Но разве ее уговоришь не слушать! И Маринку тоже. Маринка сидела верхом на Ноке и держала его за уши, как за вожжи. Нок терпеливо улыбался розовой пастью.

Маринка слушала серьезно и молча. Только один раз она спросила:

— А они были кто? Шпионы?

Сережа и папа рассмеялись. А тетя Галя несколько раз повторила: «Господи... Господи», — хотя в бога верила, конечно, не больше Сережи.

— Ну, вот и все. Жалко только, что нож не нашли, — закончил Сережа.

Отец коротко вздохнул, приподнял его и, как в давние времена, усадил на колени. Притиснул к груди.

— Маленький ты мой...

Сережа не прочь был на несколько минут оказаться маленьким. Он притих и зажмурился. Почти замурлыкал.

Маринка ревниво следила за ним.

— А ты почему не в садике? — спросил Сережа, выглядывая из-за папиного локтя.

— А я в субботу не хожу.

— В субботу мы вдвоем домашней работой занимаемся, — сказала тетя Галя и увела Маринку на кухню.

Вот как! Сегодня суббота! А он и забыл.

Продолжая играть маленького, Сережа капризно сказал:

— У всех в субботу выходной, даже в детском садике. А мы учимся. Почему? Не хочу, и все...

— А не ходи сегодня в школу, — неожиданно сказал папа.

Сережа вскинул голову.

— Да я же пошутил. Что ты, папа!

— А я не шучу. Давай хоть одну субботу побудем вместе. Не останешься ведь ты из-за этого на второй год?

— Не останусь... Папа! Скажи по правде, ты боишься меня в школу отпускать, да? Думаешь, опять что-нибудь случится?

— Ну вот, глупости! Просто надо тебе отдохнуть после встряски. Ты же вчера перед вражеским оружием стоял. Как на войне. Даже взрослым после такого дела передышка нужна.

Сережа не чувствовал, что ему нужна передышка. Но неожиданный выходной — это было заманчиво. Можно не торопясь доделать крышу у замковой галереи и покрасить на ней мелкие картонные квадратики в оранжевый цвет — под черепицу. Можно срисовать из книги «Архитектура средневековья» несколько крепостей. Можно поваляться и почитать. Можно починить, наконец, маленькую кровать для Маринкиной куклы Тамары. А то он совсем забросил Марину: со Стаськой Грачевым возится больше, чем с собственной сестрой.

Но эти мысли мелькнули между прочим, главная мысль была все о том же, о вчерашнем.

— Папа, а тебе приходилось так?.. Ну, чтобы на тебя с оружием?

Отец улыбнулся:

— Было несколько случаев. Я же лесной человек... Один раз три мерзавца застрелили лосиху и — мало им еще — хотели прирезать лосенка. Тут я на них и вышел. На моей стороне был закон, а на их стороне — сила. А что им закон, если у них шесть стволов, а у меня два? Долго мы стояли друг против друга, беседовали. Многими любезностями обменялись.

— Они отступили?

— Да, ушли в конце концов. Они меня знали. Понимали, что если даже продырявят навывлет, один ствол я успею разрядить и не промахнусь. А каждый из них считал, что его паршивая жизнь дороже лосенка, хотя, по-моему, ошибался.

— А их нашли потом?

— Нашли. Я же их знал. Трудно было доказать, что именно они стреляли в лосиху, но ничего, доказали... Я потом не выдержал и признался им, что у меня в стволах патронов не было. Вот они локти кусали! Давно это было, еще ты не родился... А сейчас ты вон какой длиннющий! Ну-ка, беги умываться, герой!

Сережа задумчиво сказал:

— И не капельки я не герой. Вот ни на столько. — Он показал ноготь.

Отец взъерошил ему макушку.

— Помнишь, ты мне про случай с ремнями рассказывал? — спросил он. — Вы тогда трех человек исключили... Ты рассказываешь, а я все время чувствую: какая-то мысль тебя грызет.

— Какая?

— А такая: «Что я сам-то делал бы на их месте? Не струсил бы?» Так?

— Так... — признался Сережа.

— Ну вот. А теперь ты по крайней мере знаешь: не струсил. В общем, это был твой звездный час.

— Что было?

— Звездный час. У каждого человека бывают в жизни звездные часы. Это когда у него большая победа, или большая радость, или успех в трудном деле. В общем, торжество.

— А-а... — сказал Сережа.

Торжества он не чувствовал. Победа — это, конечно. Гордость. Но не торжество. И радости особой не было. И не очень-то хотелось вспоминать, как Гусыня сидел на корточках, держась за разбитое лицо. И как бледно улыбался Гаврик, взмахивая поднятыми руками... Лучше бы совсем не было на свете этих Кис, Гусынь, Гавриков. Ну, что они за люди? Что им надо на свете? Почему они мешают жить другим? Ну, что они, из племени людоедов или с другой планеты? Живут вместе со всеми. И когда кино про войну смотрят, не за фашистов же они болеют!

Но спорить с отцом Сережа не стал.

— А у тебя были звездные часы?

— Конечно, были, — без улыбки сказал папа. — Когда мы добились, чтобы район Черного озера объявили заповедником. Не представляешь, какой был бой, четыре раза пришлось

нам с дядей Володей в Москву вылетать... А еще, когда взял первый приз за стрельбу на круглом стенде. Это в шестьдесят четвертом году... А еще... когда твоя мама согласилась выйти за меня замуж.

Они помолчали.

— Па... — сказал Сережа. — А Кузнечик влюбился в Наташку.

— Надо же... Ну, ты смотри, над этим не смейся.

— Разве я смеюсь? Я сегодня к нему бегаю, ладно?

Генка сидел с ногами в кресле, в обнимку с гитарой. Он опять был как настоящий кузнечик. Большой кузнечик с обмотанным горлом.

Ух, как он обрадовался! Вскочил, сунул ноги в тапочки, завернулся в длинный мохнатый халат и зашлепал к Сереже.

А подойдя вплотную, тихо сказал:

— Я все знаю.

— Откуда?

— Наташа утром приходила.

— Все девчонки одинаковы, — ворчливо заметил Сережа. — Язык на привязи не держат.

Но в глубине души он был рад, что не надо рассказывать опять эту историю.

— Ты не обижайся на нее, — попросил Кузнечик. — Она, знаешь, как за тебя волнуется.

— Теперь-то уж чего волноваться?

— А все равно... И еще она за Стаську беспокоится. Он какой-то пришибленный.

— Перепугался. Я и то чуть не помер, когда этот тип с финкой появился.

Генка поежился.

— Я бы точно помер.

— Ты? Вот уж чушь-то, — искренне сказал Сережа.

Генка сипло, словно вспомнив, что у него ангина, произнес:

— Если бы чушь... Это ведь не на гитаре тренькать.

— Да перестань ты! — прикрикнул Сережа. — На гитаре... Тот парень в Чили, Виктор Хара, тоже был с гитарой, а не с автоматом. А эти сволочи ему руки отрубили и голову разможжили прикладами. Сам, наверно, слышал...

— Сравнил... — вздохнул Кузнечик. Поддернул подол халата и опять полез в кресло.

— Ну и сутана у тебя, — сказал Сережа. — Как у кардинала Ришелье.

— Это Сашин халат, боксерский.

Саша, Генкин брат, был неуловимой личностью. Он окончил физико-математический факультет и работал в какой-то «очень интересной» лаборатории. Сережа видел его лишь один раз, мельком, потому что дома Саша только ночевал. Да и то не всегда. Кроме того, он часто уезжал — то в Новосибирск, в Академгородок, то в Москву. Но все дома у Генки было связано с братом Сашей: книги на самодельных стеллажах, боксерские перчатки на гвозде, индейская маска, привезенная из Чили, морские карты на стенах. На картах были

налеплены почтовые марки с кораблями всех времен и стран. Это так необыкновенно Саша и Генка собирали коллекцию.

Раньше карт было четыре. А сейчас осталось три. На месте четвертой — английской карты с изображением порта Александрии — темнел пустой квадрат.

— Куда Александрию девали? — поинтересовался Сережа.

— Митьке отдали. Он вчера пришел и как прилип к этим картам, так больше ни на что другое не смотрел. Поразговаривает-поразговаривает, а потом опять к ним... Вот так. Он, конечно, сперва отказывался изо всех сил...

— Там ведь кубинская серия с парусниками была, — вспомнил Сережа.

— Была... Митька два апельсина притащил. Хочешь?

— Лопай сам. Ты больной.

— Никакой я не больной! Это врач выдумывает! Все равно завтра в клуб пойду!

Сережа внимательно поглядел на него и понял: в самом деле пойдет. А может, это и лучше. А то от одиночества можно заболеть.

— Слушай, Кузнечик, — ласково сказал он. — Я тебя очень прошу: не рассказывай завтра об этом деле в клубе. Хорошо?

— Ну... хорошо, — слегка растерянно отозвался Генка. — Только зря ты так. Это уж не скромность, а черт знает что.

— А я не из-за скромности. Просто хочется, чтобы завтра все было, как всегда. А то начнутся разговоры, расспросы... Если тридцать девять человек начнут расспрашивать, тут хоть кто завоюет.

— Сорок, — сказал Кузнечик. — Мосин, видимо, вернется.

— Как так?

— Митька рассказал. Мосин поймал после уроков Лысого, прижал к стенке и говорит: «Гони обратно ремень». Лысый, конечно, засиховал: «Я сейчас наших позову!» Мосин говорит: «Зови. Пока зовешь, я тебя в стенку вколочу, будут стамеской выковыривать». Тут прибежал приятель Лысого по кличке Бобочка. Начали они с Мосиным разговаривать нахально. И вдруг подходит Андрюшка Гарц... Они же все вместе в сорок шестой учатся. Подошел да без всяких слов ка-а-ак вделает Бобочке портфелем по хребту. Тот сразу в бега...

— Ай да Андрюшка! — со смехом сказал Сережа. — А я ему, бедному, в среду наряд вне очереди вклепал за то, что нашивка еле-еле на рукаве держится.

— Ничего, он не обидится... Ну, вот, Бобочка драпать, а Мосин и Гарц стали беседовать с Лысым. Он начал врать, что нету ремня, сменял кому-то. Мосин тогда отобрал у него сумку и говорит: «Принесешь ремень — отдам».

— Принес?

— Куда он денется! А вчера Мосин ремень нацепил и пришел в клуб. Записываться опять.

— Надо взять, — сказал Сережа. — Он все-

таки парень хороший. Не то что Сенцов, шкура такая. Правильно я ему вчера врезал.

— Сенцову? За что?

— Разве Наташка не сказала?

— Нет. Да она вообще запутанно рассказывала. Больше охала, чем говорила. Ну-ка давай, рассказывай подробно.

В воскресенье с утра Сережа пришел в клуб. Там было весело, спокойно и хорошо. Олег в

«Эспада» жила своей жизнью: в спортзале шли соревнования барабанщиков, братья Воронины рисовали эскизы для фильма «Три мушкетера», Кузнечик тренькал на гитаре...

спортзале проводил с Данилкиной группой внеплановые соревнования на личное первенство среди барабанщиков. Впервые участвовал Вадик Воронин. Правда, вне конкурса. Его братья в кают-компании рисовали эскизы костюмов для фильма «Три мушкетера». Андрюшка Гарц приставал к ним:

— А почему д'Артаньян в валенках? Разве бывают валенки со шпорами? И штаны у него современные.

— Это чтобы смешнее, — терпеливо объяснял Валерик Воронин.

— А почему он верхом на палке, а не на лошади?

— Тебе же говорят: чтобы смешнее было. Это же фильм-шутка. Будто игра.

— С лошадью все равно лучше.

— А у тебя есть лошадь? — рассердился второй художник, Вовка. — Если есть, веди сюда. Если нет — отцепись.

Лошади у Андрюшки, видимо, не было, потому что он отцепился.

Кузнечик сидел в тепле, у батареи, тренькал на гитаре и заглядывал в бумажку со словами песни о горнисте и всадниках.

Пришел Андрей Ткачук, сказал, что вчера гонял шайбу на застывшем пруду и, конечно, провалился. Хорошо, что неглубоко, по колена.

Володя Огоньков на подоконнике чинил за-

езженный кинопроектор. Оторвался на минуту и спросил у Сережи:

— Ты, говорят, модель крепости строишь?

— Макет. Не крепости, а замка.

— А его можно будет в фильме снять?

— Он же маленький.

— А мы бы его близко сняли. На экране будет большой, как настоящий. Дашь?

— Ну и вопросы ты задаешь, — обиделся Сережа. — Неужели не дам?

...Вечером он сел доделывать висячий мост. Цепи сделал из цепочки от старых часов с гириями, а поперечный настил — из крашенных в коричневый цвет спичек. Мост получился что надо. Снимай хоть на «Мосфильме».

Последнее время Сережа все больше думал о старых городах.

Сереза направил на замок свет настольной лампы и лег на кровать.

Белые башни, зубчатые стены с тонкими карнизами и выступами светились, как под южным солнцем. Оранжевые кусочки картона казались издали настоящей черепицей. Синий краб таинственно поблескивал над полукруглой аркой ворот. Это было похоже на сказку.

В последнее время все чаще думал Сереза о старых-старых городах, где под горбатыми мостовыми пролегли подземные ходы, а в сводчатых подвалах библиотек не до конца еще разобраны желтые свитки и хрустящие от древности книги. О заросших буграх со следами оборонительных стен, где можно отыскать ржавые клинки и ядра. Об остатках крепостей и о серой полыни, в корнях которой прячутся осколки византийских ваз и монеты с профилями забытых императоров. Об острове Пасхи, о ступенчатых пирамидах Южной Америки... Тайны, упрятанные в глубину земли, в заросли и камни, казались ему живыми. Они ждали открытий, как пленники ждут освобождения...

Понедельник в школе прошел спокойно. После уроков Сереза вышел на улицу и увидел тетю Галю. Она гуляла с Ноком.

— Меня ждете? — с мягким упреком спросил Сереза.

— Просто гуляем. Нок все принохивается, не идешь ли ты. Вот и решили пойти навстречу.

— Не надо меня встречать. Ну, честное слово, ничего со мной не случится.

Во вторник вечером «случайно» мимо школы проходил отец и тоже встретил Серезу. Тот лишь вздохнул.

В среду Серезу вызвали с третьего урока. В кабинете директора сидели двое мужчин. Один — в коричневом костюме, с узким, как топор, лицом и черными внимательными глазами. Второй — в мягкой куртке, невысокий, полный. Анатолия Афанасьевича не было, зато присутствовала завуч Елизавета Максимовна.

Мужчина в куртке попросил:

— Сереза, будь ласков, расскажи, как было дело в тот вечер.

Сереза вопросительно глянул на Елизавету Максимовну. Она сухо сказала:

— Это из милиции.

— Я же рассказывал в милиции.

Человек в куртке терпеливо объяснил:

— Я понимаю. Но меня там не было, а следствие придется вести мне. Хочется самому послушать. А, кроме того, ты сгоряча тогда мог что-нибудь забыть. Постарайся сейчас изложить подробненько, в деталях.

Сереза начал рассказывать.

Елизавета Максимовна перебила:

— Извините, у меня урок. Мне прислать кого-нибудь вместо себя?

— Как хотите, — сказал полный мужчина.

— Я слышала, что при допросе обязан присутствовать кто-нибудь из старших.

Следователь поднял на нее светлые глаза.

— Какой же это допрос? Допрашивают обвиняемых, а здесь... наоборот.

Завуч попрощалась и ушла.

Сереза заговорил опять.

Человек с острым лицом молча и быстро писал в черном блокноте. Следователь делал пометки на листе бумаги.

— Спасибо, — сказал он в конце. — Извини уж, что оторвал от урока... Вот и учительница ваша недовольна.

— Это завуч, — объяснил Сереза. — Знаете, что? Вы ей скажите, пожалуйста, в чем дело. А то она, кажется, думает, будто я в чем-то виноват.

Следователь засмеялся:

— Да что ты! Она все знает. Но мы еще раз скажем, не волнуйся. Скажем как следует.

Вечером Серезу никто уже не встречал. Прямо из школы он побежал в клуб, на линейку. На линейке приняли в кандидаты «Эспанды» Леню Мосина.

В четверг на первом уроке объявили, что в перемену состоится школьная линейка. Общая, всей второй смены. Это известие вызвало шум и удивление. Все понимали, что за десять минут линейку не проведешь. Значит, что-то важное случилось, если жертвуют уроками.

После звонка классы начали сходиться в зал. Шеренгами выстраивались вдоль стен. Гомон стоял, и колыхались на окнах шторы.

Потом все стихло. Вошла Елизавета Максимовна, а с ней два милиционера.

Сереза их сразу узнал. Один из милиционеров был хмурый капитан, с которым они беседовали в отделении, второй — лейтенант Сереза.

Завуч и милиционеры прошли на середину зала.

У Серезы от волнения засосало под сердцем. Он понял, что без него здесь не обойдется. Но что же будет?

— Ребята! — громким голосом начала Елизавета Максимовна. — У нас гости. Представители нашей славной милиции...

— Про уличное движение будут говорить, — раздался громкий шепот.

— Краснов! — безошибочно определила Елизавета Максимовна. — Хотя бы здесь воздержись от своих реплик! — Она повернулась к хмурому капитану. — Извините...

— Ничего, — сказал капитан и улыбнулся так, что Сереза сразу увидел: он совсем не хмурый. Ни капельки.

Капитан шагнул вперед.

— Хочу я вам рассказать про двух славных и храбрых людей, — сказал он. — Про двух ребят. Они среди вас. Один еще совсем небольшой, это Валера Шагаев. А второй постарше — Сереза Каховский. В пятницу на прошлой неделе эти ребята оказали нам большую услугу, помогли поймать преступника. Как это было, долго сейчас рассказывать. Вам потом на собраниях в классах расскажут. Я скажу

только, что Валера проявил смекалку и быстроту: выскочил на дорогу и остановил машину с нашей оперативной группой. А Сергей, столкнувшись с преступником, вел себя как настоящий мужчина. В общем, храбрые люди. Вот Елизавета Максимовна говорила, что директор школы готовит им приказ с благодарностью.

— К сожалению, Анатолий Афанасьевич сейчас на совещании в облоно, — перебила завуч. — Он прочитает этот приказ по школьному радио. Мы готовим специальную передачу.

— Это хорошо, — сказал капитан. — А мы... Короче говоря, от милиции есть для этих ребят подарок. Раньше за храбрость награждали именным оружием. Ну, а для вас главный фронт — учеба. Вот мы и решили, что для учебы тоже хорошее оружие не помешает. Давайте-ка, лейтенант...

Лейтенант расстегнул портфель и достал две плоских черных коробки — большие готовальни.

— Валере-то еще, наверно, рановато ею пользоваться, но в будущем пригодится, — сказал капитан.

Сережа стоял, как назло, в первой шеренге и видел сотни глаз, которые разглядывали его. С любопытством. С дружеским пониманием. С удивлением. С завистью. А сзади удивленно и обрадованно шептали что-то одноклассники. Кто-то разик уже весело прахнул его между лопаток.

От неловкости Сереже хотелось спрятаться за вторую шеренгу. Но чувствовал он и радость. Только в радости было беспокойство. Это сверлила его мысль, которая появилась еще вчера. Мысль о случайности.

А вот Валеру Шагаева ничто не беспокоило. Его красивое лицо сияло счастливой и гордой улыбкой.

«Стаське, наверно, обидно», — подумал Сережа. Отыскал Стасика глазами. Тот стоял покурый и, кажется, очень бледный. Это сильно испортило Сереже радость.

— Валера Шагаев и Сережа Каховский, подойдите, пожалуйста, — позвал капитан.

Они подошли. Капитан вручил им готовальни. И он и лейтенант каждому пожали руки. Лейтенант незаметно подмигнул Сереже.

Валера громко сказал:

— Большое октябрятское спасибо.

В строю засмеялись.

Сереза тоже сказал спасибо, но тихо и неуверенно. Когда он подошел к своей шеренге, его окликнула Татьяна Михайловна, она стояла рядом с ребятами.

— Каховский! Что же ты не поблагодарил как следует?

Сереза повернулся к середине зала.

— Спасибо, — произнес он теперь уже громко. И подумал: «Сказать или не сказать?» Сказать было нужно. Сейчас. Чтобы слышали все. Сказать о том, что беспокоило его. Но страшновато было.

«Три. Два. Один...» — отсчитал он. И повторил:

— Спасибо. — Затем твердо добавил: — Но это была случайность.

Прошелестел по шеренгам удивленный шумок. А Сереза продолжал. Все громче и звонче:

— Случайность! Ведь провожать их должен был не я, а Наташа Лесникова. Она у них вожатая. И что было бы тогда?.. Или даже пускай я, но если бы мне рейка под руку не попала? Или если бы я не знал, как ею действовать? Тогда что?! Я думаю, не надо малышей задерживать допоздна, вот и все.

Настала тишина. В ней была растерянность и удивление. И вдруг щелкнули одинокие аплодисменты. Они словно прорвали плотину. Сработала привычка: раз окончена речь, надо хлопать. Под шум аплодисментов Сереза встал в строй.

Елизавета Максимовна подняла руку и объявила, что линейка закончена.

Когда шли обратно, строй рассыпался. Серезу догнала Татьяна Михайловна.

— Ты и здесь не мог обойтись без скандала, — сказала она не то что с упреком, а скорее удивленно.

— Вы не обижайтесь, Татьяна Михайловна. Я просто не удержался... Но я же правду сказал.

— Смешно даже, Сереза. Ты думаешь, что один о маленьких беспокоиться? Мы об этом еще в субботу на педсовете говорили. Не надо считать, что ты умнее всех.

Сереза так не считал и промолчал. Татьяна Михайловна отошла.

Его обгоняли ребята. Оглядывались. Одноклассники хлопали по спине и называли Гераклом.

Пробежала Наташа. Крикнула на ходу:

— Это я начала аплодировать. Цени.

Одна девчонка из шестого «Б» сказала другой громким шепотом: «Симпатичный».

«Ну и жизнь, — подумал Сереза. — Даже дурами не обзовешь, сразу скажут: воображает».

Кто-то взял его за плечо. Это был капитан.

— Ты уж извини, — сказал он. — Неудобно после торжества, а надо все равно один вопрос уточнить.

— К завучу пойдем? — спросил Сереза. И подумал: «Неужели ругать будет за мое выступление?»

— Да нет, здесь поговорим. Только пусть народ схлынет... Завучей я до сих пор боюсь.

Он, как мальчишка, уселся на подоконник. Улыбнулся.

— Совсем будто в детстве. Выгонят, бывало, из класса, сидишь так в коридоре и гадаешь: «Потянут к завучу или обойдется?» А чего боялся? Завуч Вера Константиновна добрейшая женщина была... В блокаду погибла в Ленинграде...

Наконец коридор опустел. И в это время подошел лейтенант Сереза.

— Ну что, Георгий Матвеевич?

— Не говорили еще, — сказал капитан. —

— Совсем будто в детстве,— улыбнулся капитан.—
Выгонят из класса, сидишь и гадаешь: «Потянут
к завучу или обойдется?»

Сейчас... Вот какое дело, Сергей... Может быть, и трудно вспомнить, но постарайся. Как выглядел нож? Говоришь, свет на него падал? Ты сразу не отвечай, подумай, если не помнишь.

— Да помню я! — воскликнул Сережа. И, как на фотоснимке, увидел снова короткие пальцы Гаврика с выпуклыми грязными ногтями и блестящий клинок. Рука и нож словно светились в темноте. — Он такой, короткий... Тяжелый... Ну, по виду тяжелый. По-моему, самодельный...

— Почему ты так думаешь?

— У него медная перекладинка, а на ней следы от напильника. Похоже, что вручную сделали.

— Ты все это заметил? — усомнился капитан Георгий Матвеевич.

Сережа кивнул.

— Это бывает в такие моменты, — вмешался лейтенант. — В прошлом году, когда Пеликан мне в пузо «вальтер» навел, я тоже царапину на стволе заметил.

Георгий Матвеевич усмехнулся:

— Два Сережи, две геройских... фигуры.

Лейтенант Сережа, кажется, обиделся:

— Я же для пользы дела вспомнил.

— Для пользы дела продолжим разговор. Скажи-ка, Сергей, а какое было лезвие?

— Клинок? Он плоский такой. С двух сторон заточенный. А конец некрасивый какой-то. Как у тупого утюга.

— Клинок с желобком?

— Нет, — уверенно сказал Сережа. — Без желобка.

Георгий Матвеевич и лейтенант переглянулись.

— А какая ручка? — спросил капитан.

— Ручку я плохо помню, ее пальцы закрывали. Почти... Но, по-моему, пластмассовая. Знаете, бывают такие из разных кусочков...

— Все точно, — сказал лейтенант. — Ну и глаз у человека!

— Да, — подтвердил Георгий Матвеевич, но как-то невесело.

Сережа удивленно посмотрел на одного, на другого и вдруг сообразил:

— Значит, нашли?

Капитан кивнул:

— Нашли. Только пока это, Сергей, между нами.

— Конечно! А где нашли?

— Целая история. Отец Касьянова сам к нам принес. Не хочет, чтоб сынок в колонию попал. А сынок уже с Гавриловым оказался связан.

— А что за Касьянов?

— Ну, этот... Киса.

— Непонятно, — удивился Сережа. — Когда Киса успел нож схватить?

— А он и не хватал... — вмешался лейтенант. Георгий Матвеевич остановил его взглядом.

— Не все сразу... Спасибо, Сергей. Тебе ведь на урок надо?

Сережа сразу пригорюнился.

— Что? Не хочется? — спросил капитан. — Уроки — вещь необходимая.

— Да не в уроке дело... Сейчас войду в класс с этой коробкой, и все опять на меня уставятся. Шуточки начнутся: «Ура, герой пожаловал...»

— А, вот в чем дело. Ну ладно, возьму грех на себя. Сорок минут у нас есть. Может, нам в кафе «Пингвин» заглянуть? Там пломбир с земляничкой, у меня к нему давняя слабость. Ты на это как смотришь?

Сережа смотрел положительно и не сумел это скрыть.

— Вот и хорошо, — сказал капитан. — А лейтенант Ковалевский не пойдет в кафе «Пингвин». Лейтенанту Ковалевскому на дежурство пора. Грустно бедному, а делать нечего — служба.

Кафе было недалеко, за углом, и Сережа не хотел было одеваться.

— Простынешь, герой, — забеспокоился Георгий Матвеевич.

— Что вы! Я закаленный. А если одеваться да раздеваться, можно не успеть.

— Успеем. Учитывая сложности момента, я использую служебное положение и пролезу без очереди.

Но лезть без очереди не пришлось, в кафе было пусто. Георгий Матвеевич взял два пломбира и скомандовал:

— Налегай.

Сережа налег.

Когда он почти доел свою порцию, Георгий Матвеевич спросил:

— А тот маленький парнишка, Стасик... Он товарищ твой?

Сережа смутился.

— Ну... наверно. Раз уж так получается. Понимаете, он все время в разные истории влипает, а мне приходится его вытаскивать.

— Плохо. Я ведь сначала думал, что он так, случайный попутчик.

— А что случилось? — встревожился Сережа.

— Что случилось... Не должен был я тебе это говорить, да все равно узнаешь. Касьянов, чтобы оправдаться, всем приятелям про это уже раззвонил. Да и на суде скажут... В общем, Стасик этот маленький, глупый... Когда нож упал рядом с ним, он его в сапожок сунул. А утром Кисе его унес. Вот какое дело.

— Зачем? — ошеломленно спросил Сережа.

— Кто же его знает? Может быть, сначала себе взять хотел — вещь красивая, блестящая, — а потом испугался. А может быть, с Кисой подружиться пожелал. Не понять. Его ведь не допросишь как следует. Чуть чего — и в слезы.

Сережа молчал целую минуту. Потом стиснул кулаки и тихо сказал:

— Если бы я знал, что он такой...

— А что бы ты сделал? — перебил Георгий

Матвеевич. — Какой бы он ни был, он еще клоп. Я вот чего боюсь: как бы не стали к нему лезть с разными дразнилками, если про эту историю в школе узнают. Потому тебе и сказал заранее. Уяснил?

Сережа машинально кивнул.

Мороженое было безвкусным и скрипучим, как замешанный на воде песок.

То, что произошло потом, Сережа вспоминал со стыдом и омерзением.

В школе он пошел искать Стасика. Сначала Сережа не испытывал ничего, кроме жгучей обиды. Он хотел только сказать Стаське: «Я же из-за тебя, может, жизнью рисковал, а ты... Эх ты!» Но потом, когда он Стасика увидел, в нем колыхнулось озлобление: «Веселится, будто ничего не случилось. Предатель...»

Стасик и правда веселился. Вместе с одноклассниками играл в чехарду.

Заметив Сережу, Стасик смик.

— Иди сюда, — велел Сережа.

Они отошли в угол. Сережа прислонился к стенке и с минуту молча смотрел на Стасика. Тот шмыгал носом, глядел в сторону и моргал.

Сережа сдержанно спросил:

— Зачем отдал Кисе нож?

Стасик заморгал сильнее, и глаза у него набухли.

— Нет, это ты брось! — жестко сказал Сережа. — Знаем мы эти трюки: чуть чего — и сразу слезы пускать! Зачем отдал нож?

Стасик проглотил слезы и хотел опустить голову. Сережа уперся пальцем ему в лоб и не дал.

— Ну?

Стасик отвернулся и стал смотреть в окно. Шепотом, но с незнакомой нагловатой поткой он сказал:

— А чё?

Мгновенная злость как бы встряхнула Сережу, и он пальцами хлестнул мальчика по щеке.

Щека была мягкая и теплая.

Голова у Стасика мотнулась в сторону и поникла, как на стебельке. Сережа увидел тонкую шею с отросшей косичкой светлых волос. В тот же миг волна отчаянного отвращения к себе хлынула на него и смыла все: злость, обиду, мысли о Стаськиной подлости. И одна только мысль сразу и четко застучала в нем: «Чем же я лучше его отца? Чем?»

У Стасика закапали уже непритворные слезы.

С тихим отчаянием Сережа сказал:

— Перестань. Мне в тысячу раз хуже, чем тебе!

На них уже оглядывались.

Стасик стал послушно вытирать щеки ладонями. Ладони были грязные, и на щеках оставались разводы.

— Опять разукрасился. Пошли умываться, — морщась, проговорил Сережа. Взял его за руку и повел в туалет.

Он говорил и вел себя со Стасиком, как обычно. Однако делал все почти машинально. Не был он сейчас прежним Сережей Каховским, который честен перед всеми и перед собой. «Чем я лучше его отца?»

Если бы Стаська обиделся на пощечину, крикнул бы что-то прубое, убежал бы, тогда другое дело. Было бы легче. Но у него лишь голова мотнулась (а щека была мягкая и теплая), и он стоял и думал, наверно, только об одном: ударят еще или не ударят?

«Чем же я лучше папаши Грачева?»

Стасик умылся, и Сережа дал ему свой платок, запыленный на сгибах от долгого и бесполезного лежания в кармане.

— Вытрись.

Стасик вытер лицо, руки и замер в ожидании.

Скверно было Сереже, и ни о чем говорить не хотелось. Но один вопрос он все-таки задал Стаське. Потому что необходимо было понять до конца.

— Слушай, мне от тебя ничего не надо, — сказал он почти жалобно. — Скажи только одно: зачем ты отдал Кисе нож? Я тебя очень прошу.

Стасик переступил с ноги на ногу, мельком глянул Сереже в лицо, отвернулся и прошептал:

— Чтобы он не бил.

— Тебя?

— Ну...

— Разве он бил?

— Нет. Он только обещался, если двадцать копеек не принесу.

— Ты принес?

— У меня нету.

— А если бы были?

Стасик вздохнул.

— Иди к себе, — велел Сережа.

Потом он пришел в свой класс, незаметно взял портфель, объяснил Павлику Великанову, что у него зверски разболелась голова. Пусть скажет Татьяне Михайловне. Павлик посочувствовал. Еще бы! Столько волнений вытерпел человек!

Сережа спустился в гардероб и наврал тете Лиде, что его отпустили с уроков. Получил пальто и выскочил на улицу.

Домой он не пошел. Тошно было идти домой. Он побрел к реке. В газонах лежала скованная ноябрьским морозом земля, и среди застывших комьев белела снеговая пыль. Ветер шуршал по асфальту сухими тополиными листьями. Они были уже не рыжие, а серые.

Готовальня не влезла в набитый портфель, и Сережа нес ее в правой руке. Готовальня была шероховатая и холодная, но Сережа продолжал ощущать пальцами тепло и мягкость Стаськиной щеки. И от этого ощущения было даже хуже, чем от мысли, что он ударил маленького и слабого — того, кто и не думал о защите.

Сережа вышел на старый деревянный мост недалеко от пристани. Река застыла. Лед вспыхивал, когда из бегущих облаков проглядывало низкое солнце. У дебаркадеров стояли впаивные в ледяную броню буксиры, катера и сухогруз «Тобольск».

Сережа грудью лег на перила. Ветер обжигал щеки и голые костяшки пальцев. Сережа взял портфель и готовальню под мышки, а руки сунул в карманы. Готовальня выскользнула и упала.

«Награда... — горько подумал Сережа. — За что? За Стаську?» Он совсем уже собрался ударом ноги сбросить ее на лед: пусть она пропадет пропадом, эта награда! Но удержался. Слишком уж девчоночьим был бы этот поступок.

Двое мужчин прошли у Сережи за спиной, и один сказал:

— Сковало накрепко. А ледокола-то нет.

Сережа грудью лег на перила. Ветер обжигал щеки и голые костяшки пальцев.

Будем от пристани до завода лед взрывать. Грому наделаем на весь город...

Сереза продрог. Поднял готовальню и побрел домой.

Отец был уже дома. Тетя Галя ушла в детский сад за Маринкой. Нок вышел к двери, замахал хвостом и взвалил передние лапы Серезе на плечи. Сереза щелкнул его по носу.

— Отвяжись!

Отец сразу увидел готовальню.

— Откуда это?

— От милиции, — невесело сказал Сереза. — На линейке дали. Под бурные аплодисменты.

— Ну? Поздравляю!

— Спасибо, — ответил Сереза совсем похоронным тоном.

Отец пригляделся к нему.

— По-моему, ты собрался реветь. Да?

— Нет. Не собрался. Но хочется... Папа! Это ведь Стаська, оказывается, нож подобрал. А потом он его Кисе отдал.

— Да ты что? Серьезно?

— Мне капитан сказал. Георгий Матвеевич.

Отец обнял себя за плечи, покачался с носков на пятки. Долго смотрел куда-то поверх Серезы. Будто задачу решал. Потом спросил:

— Зачем же он так?

— Говорит, чтобы Кису задобрить. Чтобы он не бил его.

— А-а... — протянул отец словно с облегчением.

— Папа... Я его ударил.

Он ожидал самого худшего. Думал, что у отца сделается чужое лицо, и тот скажет коротко и холодно: «Вот это подвиг. Ты действительно герой». Но отец выжидательно смотрел и молчал.

— Я сам не знаю, как это вышло, — пробормотал Сереза. — Просто сорвалось что-то.

Взгляд у отца был не сердитый, даже сочувствующий. Но он продолжал молчать.

— Я его только чуть-чуть... пальцами, — тихо сказал Сереза.

— По-моему, чем больше ты оправдываешься, тем тебе противнее, — заметил отец. — Так?

— Так...

— Ну, тогда помолчи.

Сереза потупился и сел на табурет у двери.

— Скверное дело, конечно, — сказал отец. — Плохо не только то, что ты ударил. Капитан тебе всю эту историю рассказал, потому что видел в тебе Стаськиного заступника. Несмотря ни на что. А ты вон как...

— «Заступника»! — горько сказал Сереза. — За него заступаешься, а он с Кисой чуть не целуется... Ну сейчас-то почему он этого Кисы боится? Он же видел, как тому попало!

— Видел. Ну и что? А он, может, думает вот как: «Сегодня Кисе попало, а завтра Киса на мне отыграется». И в самом деле: Сереза Каховский не будет Стасика все время за руку водить, а страшный, коварный Киса всегда рядом. Не посадят же его за драку на улице в тюрьму. Зачем Стасику рисковать?.. Понима-

ешь, Сергей, этот малыш больше всего на свете боится боли. Он уже привык сгибаться перед каждым, кто может ударить. Тебе этого, наверно, не понять. Ты не представляешь, что значит бояться каждый день. А он идет домой — боится ремня, идет в школу — боится двойки и замечаний в дневнике, потому что потом дома снова расправа будет. Сунется на улицу, а там всякие Кисы и Гусыни. И так все время. У него страх — главный руководитель в жизни...

— Да я это все знаю, — перебил Сереза.

— А если знаешь, о чем тогда говорить?

— Я не знаю, что теперь делать.

— Что делать? Да и я не знаю, по правде говоря. Легче всех Стасику. Он и забыл уж, наверно, как ты его смазал. Для него одной оплеухой больше, одной меньше — не все ли равно? Он их столько получал!..

Сереза не заметил насмешки. Он с досадой сказал:

— Дело даже не в нем, а во мне.

— Вот как? — жестковато спросил отец. — Ты уверен? А может быть, все-таки в нем? Ты сейчас терзаешься: «Ах, какой я неблагородный...» А может быть, лучше подумать, как Стаську избавить от страха?

«А ведь правда! Я из-за себя только и мучаюсь», — понял Сереза. И вдруг ему ясно увиделось, что стоит он среди высокой травы, а пятеро всадников, которые были рядом, поворачивают коней и медленно уезжают с поляны.

«Нет, не надо!» — крикнул им Сереза и зажмурился.

— Что с тобой? — спросил отец.

— Папа! Я к Наташке сбегая. Мне обязательно...

— Да ты разденься, поешь сперва.

— Нет, я быстро!

Однако он тут же сообразил, что ни Наташи, ни Стаськи еще нет дома. Они появятся не раньше чем через час, когда закончатся четыре урока. Пришлось раздеться, разогреть обед, поесть, а потом еще сидеть и ждать, когда часы покажут половину шестого. Наконец время подошло, и он побежал к Наташе.

Сереза и сам точно не знал, зачем стремился туда. Но казалось, что, если он встретит Стасика и увидит, что Стасик спокоен и глаза у него сухие, будет легче.

Но Стасик не был спокоен. Об этом сказала Наташа, которая попала навстречу.

— Ты к нам? Вот хорошо! А то я одна. Грачев опять Стаську пилит. Опять: «Я с пятнадцати лет работаю и тебя человеком сделаю»... А кто его заставлял с таких лет работать? Сам восьмой класс не кончил, с жуликами связался, чуть под суд не попал, а потом с перепугу на завод учеником устроился. А в школу так и не захотел пойти. Мне папа говорил, он его, оказывается, с детства знает.

— Ты куда? — спросил Сереза.

— За молоком. Возьми ключ, я сейчас вернусь.

Сереза отпер дверь и остановился в коридоре. Здесь был слышен недобрый голос Грачева:

— Ну-ка, подойди сюда. Кому я говорю? Подойди, говорю. Если нужно будет, все равно никуда не денешься. Это что у тебя в дневнике?

— Папа...

— Что «папа»? Я сколько раз говорил: веди дневник аккуратно! Сколько? За последнюю неделю только раз десять!

«Десять!» — машинально повторилось в голове у Серезы. И это было как толчок. «Девять, восемь, семь, шесть...»

— Не верти носом, смотри прямо. И отвечай.

— Папочка...

Сереза смотрел на дверь. Сдерживать себя он не собирался. Он просто сжимал в себе ненависть, как пружину.

«Четыре, три, два...»

— Ты мне ответишь? Будет это еще продолжаться или нет?

— Нет. Не будет. То есть буду... Не буду. Папа!

... «Один, ноль!»

Он рванул дверь.

И оказался на пороге комнаты, в которой не был с тех пор, как уехал в лагерь.

Сначала он увидел не Стасика и не старшего Грачева. Он увидел Стаськину мать. Впервые.

Сереза почему-то представлял ее бледной и вечно испуганной. А это была краснощекая тетя с папильотками на крашенных волосах. Она сидела в кресле и бойко орудовала вязальными спицами. Лицо у нее было такое, словно ничего на свете ее не касалось.

Стасик, в майке и стареньких тренировочных брюках, стоял в углу между шкафом и телевизором. Он прижимался к стенке и неловко растопыривал острые локти.

Папаша сидел у стола с дневником в руке.

Все трое обернулись к Серезе. У Стасика широко распахнулись глаза. У матери приоткрылся рот. Старший Грачев недовольно сказал:

— Стучать надо.

— Не всегда, — сказал Сереза.

— Что?

— Не всегда надо стучать, — повторил Сереза, глядя в бледные глаза Грачева. — Иногда входят без стука. Я вот что хочу сказать: если еще раз... хоть пальцем... тронете Стаську... — От волнения и злости он стал сбиваться.

— То что будет? — со спокойной насмешкой спросил Грачев.

Сереза не знал, что будет. Но он сжал пальцы и отчетливо произнес:

— На хорошую жизнь тогда больше не надейтесь.

Грачев развернулся в сторону Серезы вместе со стулом и медленно проговорил:

— Молодой человек, притвори-ка дверь. С той стороны. Люблю героев, но только за порогом своей квартиры!

— Раньше это была моя квартира! — гром-

ко, почти с криком ответил Сереза. — Если бы я знал, кто здесь будет жить... я бы... отравой все стены пропитал. Стаську только жалко.

Грачев поднялся и пошел к Серезе. Тот следил без страха, даже с любопытством: что он может сделать?

Грачев сделал очень простую вещь: ухватил Серезу за плечо и выставил в коридор. Пальцы у него были крепкие, как железо.

Шепотом, в спину Серезе Грачев сказал:

— Гуляй, сосунок. Если еще раз сунешься!.. — И он добавил такую мерзость, что Сереза машинально развернулся. Но дверь уже захлопнулась. Несколько секунд Сереза смотрел на нее, борясь с могучим желанием трахнуть ботинком. Он кипел от бешенства. Но колотить ногами в дверь глупо. Это от бессилия только.

А где сила?

«А что, нет на тебя силы? Подожди, ты еще узнаешь!» — подумал Сереза. Хлопнул наружной дверью и выскочил на улицу.

Только бы застать на работе Георгия Матвеевича! Он-то скажет, что делать! Должна же быть управа на этого типа!

До отделения милиции Сереза не дошел. В квартале от него он столкнулся с лейтенантом Серезой Ковалевским. Вернее, врезался в него.

— Ну и скорость у вас, дорогой капитан, — сказал лейтенант, держась за ушибленный живот. — В какую новую битву стремитесь?

— К вам стремлюсь.

— А что случилось? — тут же насторожился Ковалевский.

— Да случилось... У Стаськи.

И он рассказал. Сбивчиво и сердито, но в общем-то понятно. По крайней мере, Ковалевский сказал:

— Понятненько.

— Ну что делать?

— Есть два варианта, — как бы размышляя вслух, ответил Ковалевский. — Первый вариант — пойти посоветоваться с начальством. Второй — для начала посмотреть хотя бы, что это за фигура Грачев. Первый — разумнее, второй — оперативнее.

— А разве вы сами не начальство? — спросил Сереза.

— Ну, в какой-то степени... Ладно, идем.

Когда они поднялись по лестнице, увидели Наташу. Она топталась перед закрытой дверью.

— Стучу, стучу, никто не открывает. Грачев спросил, услышал, что я, и замолк. Ты куда исчез?

— По делам службы, — ответил за Серезу Ковалевский.

Наташа взглянула на него со сдержанным любопытством.

Сереза торопливо отпер дверь.

В коридоре Ковалевский спросил:

— Где его комната? Эта? — И он постучал согнутым пальцем.

— В чем дело? — донесся голос Грачева.

Лейтенант осторожно открыл дверь и встал на пороге.

— Гражданин Грачев?

Из-за спины Ковалевского Сереже видно было, как Грачев изменился в лице. Но ответил с вызовом:

— У меня дома все в порядке. Почему вы ко мне вторгаетесь?

Лейтенант сделал шаг назад.

— А вы, гражданин Грачев, пройдите в коридор, чтобы не было речи о вторжении, здесь и побеседуем.

Стаськин отец нехотя вышел. Бросил нелюбезный взгляд на Сережу и Наташу.

Ковалевский очень сдержанно сказал:

— Есть сведения, что вы плохо относитесь к сыну. Вы понимаете, о чем я говорю, не так ли? Настолько плохо, что это серьезно вредит ему. Возможно, из-за этого он чуть-чуть не помог преступнику.

— Вы что, воспитывать меня пришли? — спросил Грачев. Он, видимо, успокоился.

— Нет, не воспитывать, — сказал Ковалевский. — Я совершенно уверен, что это бесполезно. Я пришел предупредить. Сейчас я исполняю обязанности участкового уполномоченного. Если мне поступит письменное заявление, что сын опять пострадал от вас, а кроме того, найдутся люди, которые подтвердят, что такие случаи бывали и раньше (а они, видимо, найдутся), я напишу рапорт о возбуждении уголовного дела. Надеюсь, вы меня поняли. До свидания.

Сережа и Наташа проводили Ковалевского до угла. Было уже совсем темно, и стало еще холоднее, чем днем. Сережа дышал на руки.

— Ну, сейчас Грачев поутихнет, — уверенно сказала Наташа. — Перепугался. Он ведь трус. Ковалевский покачал головой.

— Эх, ребятки... Если бы все так просто было!.. Едва ли одним разговором здесь исправишь дело. Нам с такими Грачевыми еще возиться и возиться. И воевать.

И Сережа понимал, что лейтенант прав.

Ну, что ж, теперь он опять был готов к бою. Всадники въехали на поляну и остановились полукругом. Они смотрели на Сережу чуть насмешливо, но по-доброму.

Когда Сережа вернулся домой, казалось ему, что все теперь позади: вся эта история с дракой в переулке, с ножом, со Стасиком. словно перевернули страницу.

Но едва он вошел к себе в комнату, как зазвонил телефон.

— Сережа! Тебя! — позвала тетя Галя. И обеспокоенно добавила: — Какой-то мужчина. Неужели из милиции?

Голос был взрослый, глуховатый. Неизвестно чей, но очень знакомый.

— Сергей? Ну, здравствуй. Не узнаешь?

— Нет, — сказал он. — Извините. По телефону трудно...

— Помнишь станцию Роса?

— Алексей Борисович!! — заорал Сережа так, что в кухне у тети Гали что-то загремело, а в комнате басовито залаял Нок.

— Это я, — раздалось в трубке. — А там у вас кто лает? Неужели Нок?

— Ага!

— Значит, живой, бродяга!

— Конечно!

— Да-а... Ну, как живешь-то, всадник?

— Ох, живу, — отозвался Сережа. — А вы?

— И я... А знаешь, почему я позвонил? Впрочем, конечно, не знаешь. Выдам одну тайну. Я сижу сейчас в редакции, у дежурного, и смотрю отписки завтрашнего номера. У меня там репортаж с судоремонтного завода. И вдруг рядом с репортажем читаю... Ты слушаешь?

— Слушаю, — напряженно сказал Сережа.

— Заголовок такой: «Есть мушкетеры!» А дальше вот что:

«Двадцатилетний Василий Гаврилов не любил трудиться. Школу он не закончил, ни на одной работе не задерживался. А деньги были нужны: на мотоцикл, на магнитофон, на выпивку. И Гаврилов стал преступником. Несмотря на молодость, у него немалый уголовный стаж: две судимости за хулиганство и ограбление.

Освободившись из колонии летом этого года, Гаврилов продолжал бездельничать. Жил за счет своей матери и вынашивал планы «крупного дела». Первого ноября он ограбил промтоварный магазин «Речник» в районе пристани. Пока шел розыск, преступник отсиживался на квартире у приятеля.

Любовь к спиртному ускорила разоблачение грабителя. Выпив полбутылки, Гаврилов решил «освежиться» и вышел на улицу. В это время по переулку шел шестиклассник Сергей Каховский, он провожал домой после школьного собрания двух ребят. К ребятам пристали четверо подростков, потребовали деньги, затеяли драку. Сережа не подчинился хулиганам.

Гаврилов подошел на шум и решил помочь «юным коллегам». Но мальчик не отступил и здесь. Ударом рейки, оторванной от изгороди, он сбил с ног вооруженного бандита. В это время подросла милиция, которую вызвал один из второклассников.

Выйти победителем из схватки смелому пионеру помогла «мушкетерская наука», которую он освоил в фехтовальном клубе «Эспада».

— Вот такие дела, брат... — сказал Алексей Борисович, закончив чтение. — Ну что молчишь? Все правильно написано?

— Кажется... — неловко сказал Сережа. — Алексей Борисович! А вы больше не встречали ребят из конного отряда «Гренада»?

— Нет, Сережа. Жаль, но пока не встречал. А что? Вспоминаются?

— Конечно.

— И мне тоже. Ну и хорошо. По крайней мере, теперь я знаю, что не зря их тогда поднял по тревоге.

Сережа помолчал. Он тоже знал, что не зря.

— Ну, будь счастлив, — сказал Алексей Борисович. — Не забывал бы ты меня, а? Звони. Номер телефона в газете есть, там, где написано «секретариат».

— Обязательно позвоню! Спасибо!

Сереза услышал короткие гудки и опустил трубку. Но едва она коснулась аппарата, как телефон опять взорвался трезвоном.

Звонил Кузнечик.

— Серезка! Ты куда из школы пропал? Даже не сказал ничего... Ну ладно, я не об этом. В клубе срочный сбор! Не забудь надеть форму! Было семь часов вечера.

Ветер, который гулял днем, расчистил небо от облаков и утих. В тишине и черноте опять сияли морозные звезды.

Сереза отправился в клуб не в шапке, а в форменном берете, и холод хватал его за уши. Сереза закрывал их ладонями и поддавал ходу. Но он торопился не только из-за мороза. Срочный сбор — дело нешуточное. Значит, что-то случилось.

Он проскочил арку подъезда, оказался во дворе и встревожился: окна клуба ярко горели, но не было слышно обычного гомона. Пробегая к двери, Сереза заглянул в окно и успел заметить, что ребята стоят в строю.

Неужели опоздал? Но всего пятнадцать минут прошло с той поры, как позвонил Кузнечик. Да и что значит «опоздал»? Срочный сбор не линейка, которую начинают минута в минуту. Сбор открывается, когда сбегутся все, а на это уходит минут сорок.

А тут не дождались даже капитана!

...Но он не опоздал.

Его-то как раз и ждали.

Сереза понял это, едва ступил на порог спортзала.

У каждого бывают в жизни звездные часы. Пришел такой час и к Серезе Каховскому.

Как только Сереза показался в дверях, коротко пропела труба, ряды колыхнулись и замерли. А барабанщики грянули какой-то длинный незнакомый сигнал.

Они стояли отдельной шеренгой, слева от знаменной группы, шестеро лихих, подтянутых и удивительно славных мальчишек. Они сверкали нашивками, аксельбантами и белыми ремнями. Палочки в их тонких руках, с которых еще не сошел до конца летний загар, мелькали так, что казались размазанными в воздухе. Отражения ламп горели на алых боках и металлических обручах барабанов.

Барабанщики смотрели на Серезу и улыбались. Они были разные: темноволосые и светлые, веснушчатые и смуглые, а улыбки у них были похожие — веселые, белозубые, добрые.

И Сереза улыбнулся им в ответ.

В дальнем углу, позади строя, стояла группа взрослых, и с ними был Олег. Сереза увидел там Юлю — вожатую, Митину маму и... директора школы. И отца.

Не было времени, чтобы удивиться или растеряться. Барабанщики оборвали сигнал, но барабаны их не смолкли совсем, а продолжали приглушенно рокотать (как это у них полу-

чается: палочки почти неподвижны, а от барабанов идет ровный гул).

И на фоне этого глухого рокота прозвучала команда Володи Огонькова, дежурного командира:

— Капитан Каховский — на середину!

Сереза сделал несколько шагов и остановился прямо на черте, которая делила пополам фехтовальную дорожку. Он стоял лицом к знаменной группе, слегка щурился от яркого света и ждал. Ему казалось, что от больших ламп струится сухое тепло, какое бывает летом, когда стоишь на горячем песке у синей воды...

— Отряд, внимание! — скомандовал Володя Огоньков.

Барабанщики стихли совсем. Олег вышел на дорожку и встал в трех шагах от Серезы. Лицо у него было торжественное, почти строгое, но в глазах пряталась улыбка.

Олег и в самом деле быстро улыбнулся Серезе. Затем снова стал строгим, вытянулся, развернул длинный лист ватманской бумаги, похожий на старинный пергаментный свиток. И прочитал:

— За мужество при встрече с врагом пионерский отряд фехтовальщиков «Эспада» капитану группы Сергею Каховскому вручает именную шпагу.

Вот этого Сереза не ждал!

Он думал: может быть, благодарность, диплом, разрисованный братьями Ворониными, или даже похожий на орден значок — вроде Митино чемпионского жетона.

Но шпага! Он никогда не посмел бы и мечтать о ней.

Барабанщики грянули марш-атаку. Строй раздвинулся, и со шпагой в руках сквозь шеренги вышел на середину Митька. Он встал перед Олегом. Олег свернул свиток, заправил его в кольцо из красной ленты и надел на клинок.

Митька встал к Серезе лицом и двумя руками протянул шпагу.

Да, это была не рапира, а тяжелая трехгранная спортивная шпага. С черной отшлифованной рукояткой, с большой сверкающей гардой, на ободке у которой Сереза наполовину прочитал, наполовину угадал надпись: «Сергею Каховскому — отряд «Эспада». Смелость и честь».

«Стой! — вдруг словно кто-то неслышно крикнул ему. — Подожди. Можно не брать. Можно сказать, что еще не надо пока. Лучше потом. Будет небольшая заминка, но, наверно, все поймут».

«Зачем?»

«Но если ты возьмешь — это на всю жизнь. Ты никогда уже не сможешь отступить. Ни перед каким врагом. Ни разу в жизни...»

Сереза прикусил нижнюю губу, глянул Митьке в глаза и вытянул навстречу ему руки. Он взял шпагу в раскрытые ладони. Потом сжал клинок, медленно согнул локти и прижал шпагу к груди.

Он обводил взглядом товарищей и встречался с ними глазами.

Он сжал клинок, медленно согнул локти и прижал шпагу к груди.

Володя Огоньков, Андрюшка Гарц, Алешка Смирняков... Валерик и Вовка Воронины... Ленька Мосин! Он стоит еще без нашивки, но смотрит честно и не отводит глаз... И Генка — самый хороший друг, самый лучший на свете Кузнечик (вот балда, не догадался позвать Наташку; ой нет, вон она, рядом с отцом)...

Барабанщики закончили марш.

Снова раздалась команда:

— Внимание, «Эспада»!

Капитаны и ассистенты у знамени в приветствии вскинули рапиры.

КОНЕЦ

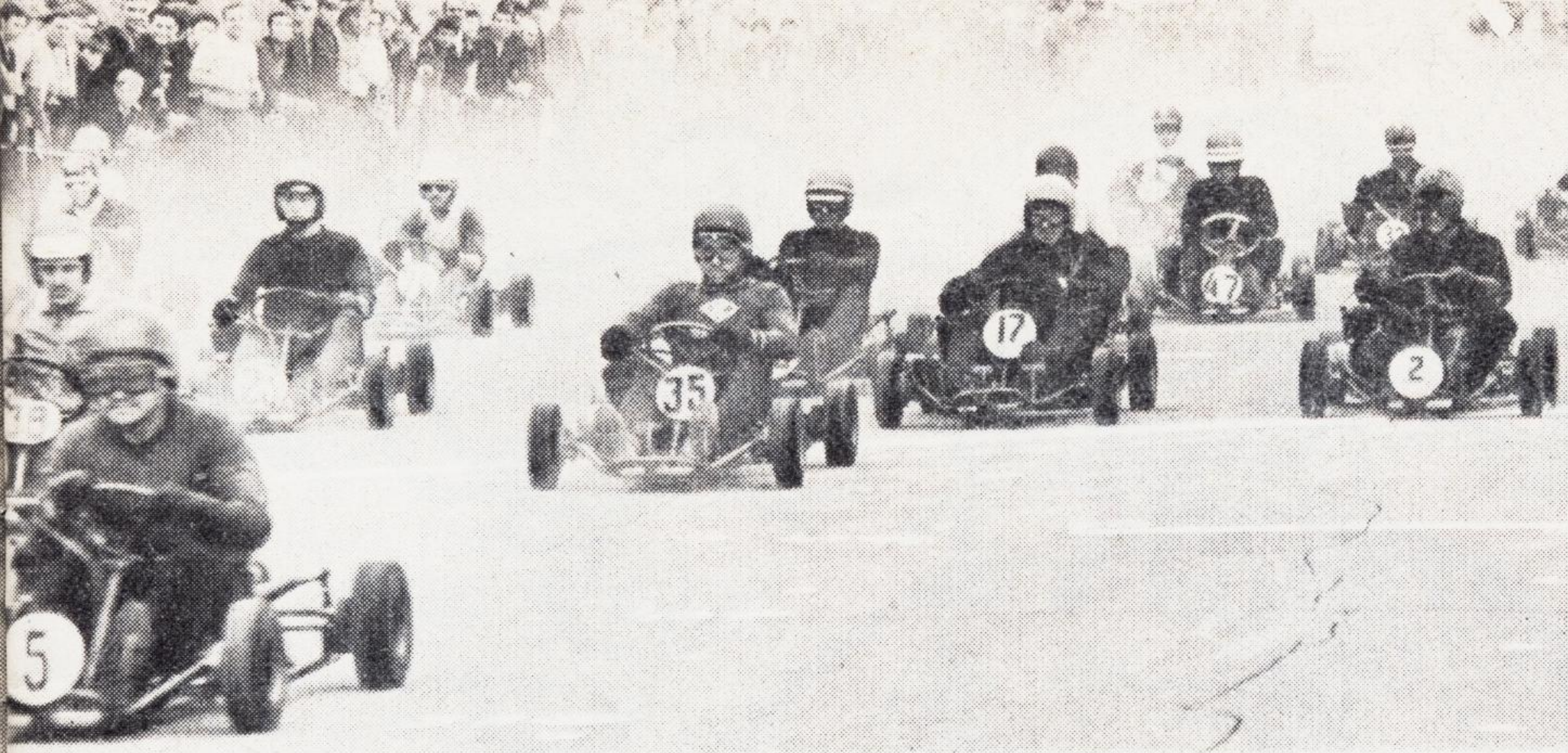
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЛЕТА — ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

Каникулы... Лето... Июнь...

Фотографии В. КРУПСКОГО.
Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Летом бывает такое, чего не бывает ни зимой, ни осенью, ни даже весной. Потому что лето — это... лето.

Лето — горят пионерские костры, в которых потрескивают сосновые ветки...

Лето — загорелые юнги вступают на палубу своего первого в жизни парусника...

Лето — школьный духовой оркестр может репетировать хоть целый день, а не каких-нибудь сорок минут после шестого урока. Играй во всю мочь, играй так, чтобы звенели оконные стекла и слетали с карнизов испуганные голуби...

Летом бывают самые удачные рыбалки. Удачные, даже если в ведре плещется одна маленькая рыбешка. Потому что только летом бывает в реке такая тихая, теплая вода...

Летом происходят соревнования картов. Жужжат карты и ползут вперед, как упрямые рассерженные жуки. Ничего, что не все победители. Без аутсайдеров тоже нельзя. И если по совету, так это им нужно дарить цветы и конфеты «Птичье молоко»...

Летом всем должно достаться по кусочку лета.

В. КОРЖИКОВ.

Рисунки

Л. ВЛАДИМИРСКОГО.

НА САМЫХ ДАЛЬНИХ НАШИХ ОСТРОВАХ

Мы идем с севера мимо Курил. Глубина под нами невероятная. Но вокруг так солнечно и светло, что про нее и не думается.

Анатолий Лабода, матрос пассажирского теплохода «Примурье». Рейс Владивосток — Камчатка он считает самым интересным из всех морских путешествий.

Вот они, Курилы! Эта сопка возвышается над островом Парамушир и далеко видна с моря. Ее назвали горой «Маяк».

Я подновляю яркой зеленой краской потолок на палубе — «подволоку». Время от времени делаю передышки и смотрю за борт. Вон колыхается громадная оранжевая медуза, за полосой океанской воды зеленовато рыжеют сопки, белеют вершины вулканов. У их подножия в бухтах толпятся сейнеры — рыболовецкие суда. Пронзительно кричат чайки: пришла сайра.

Плывут сбоку Курилы, плавно течет на палубе разговор. Кто говорит о вулканах: «Побывать бы!» Кто вспоминает, как попал в жестокий курильский шторм: «Ну прямо зверь!» А боцман Филиппыч оперся на поручни

могучими локтями и восхищается:

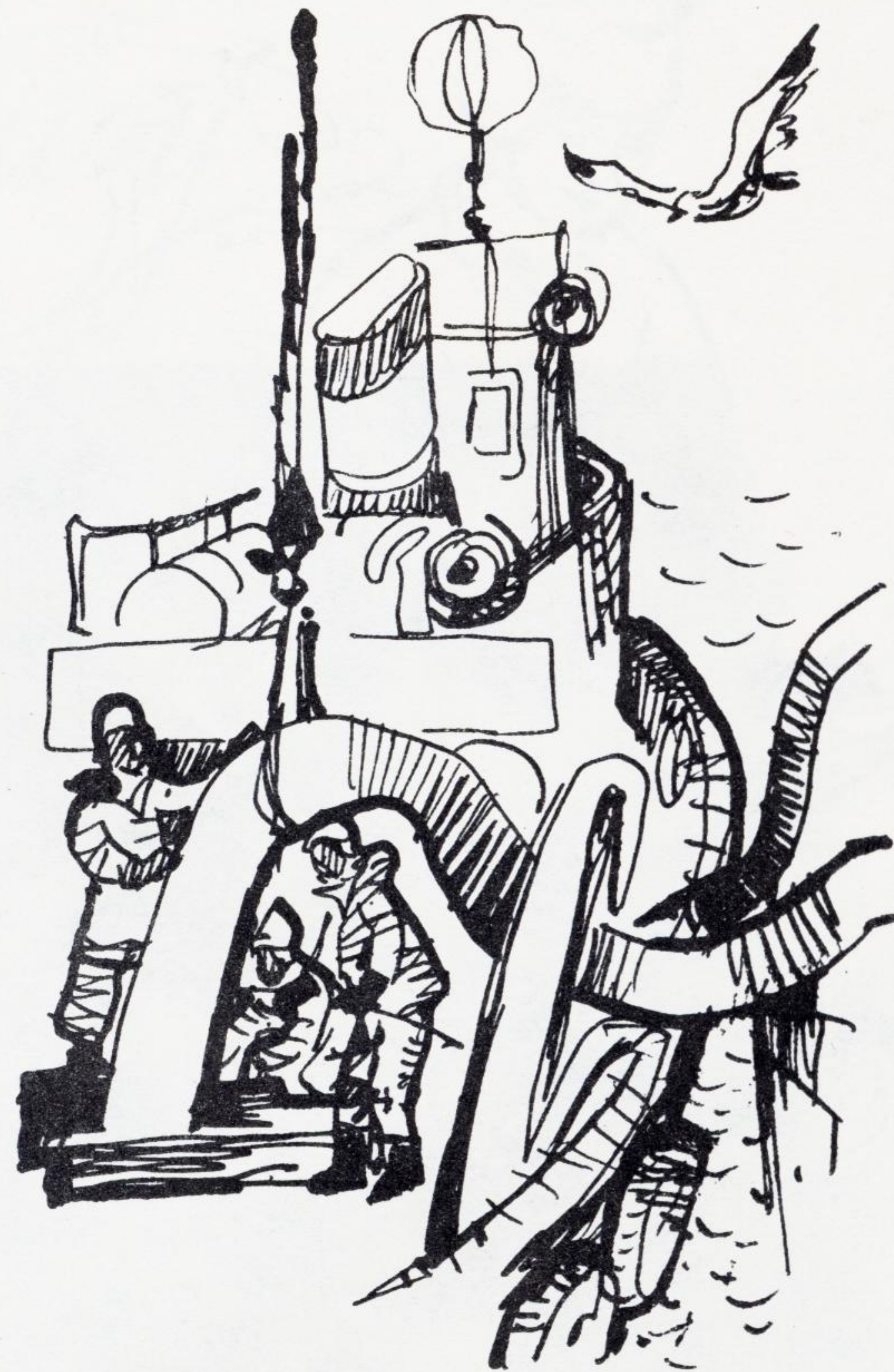
— Курилы — вот это острова! Куда там всем тропическим! Я из этих лесов когда-то привез сувенирчик что надо — медвежью шкуру. Пограничники подарили.

У меня тоже есть курильский сувенир: три острых бамбуковых листка.

Я не раз проходил возле этих мест в тумане, таком густом, что закладывало уши, а роба насквозь пропи-

От умения Ивана Михайловича Цыбовского, тралмастера с сейнера «Акварин», зависит, богатый ли будет улов сайры.

По этим трубам рыба в считанные минуты перекачивается с сейнера на берег.

«Там, где боцман, там всегда порядок!» — говорят рыбаки «Акварина» о Владимире Николаевиче Ходорове.

тывалась солью. Но в ту ночь было звездно, хотя море и штормило. Нас то заглатывала волна, то поднимала на самый гребень. И тогда вокруг возникали голубоватые светляки — рыболовные сейнеры. Их бросало в глубину куда сильнее, чем нас, но они напористо взбирались на волну. Их бока голубовато светились. Было видно, как

Шикотан — самый живописный из Курильских островов.

Рыбозавод. Бежит по конвейеру банка за банкой. Работница Зоя Абидова перчит сайру, заливает маслом. Отсюда золотистая банка отправится в далекое путешествие по стране.

на палубе снуют люди, тянут тросы, вывешивают люстры. На голубой свет они приваживали косяки сайры. Эту рыбу называют жемчужиной Курил. И правда, посмотришь в воду — мерцают миллионы жемчужных спин.

Я глядел на огни сейнеров и думал: «Подойти бы поближе, друзей здесь много рыбачит! Впрочем, и на островах у меня их немало».

Тянутся к морю, встречают рыбаков курильские сосны.

И вдруг — радиограмма: «Зайдите на Шикотан за консервами». Утром подошли к острову, и я сразу — на берег, побежал к поселку. Мимо сейнеров, мимо вагонеток. Кругом крики: «Принимай!» — чайный галдеж, рыбным запахом ноздри прохватывает. Сайра идет!

Вижу, навстречу грохочет сапогами по гальке парень. Знакомый! В Арктике вместе были. Хлопнул он меня по плечу и побежал к причалу. Поговорить бы, да некогда! Сайра!

И в поселке нигде никого. Пробежали мимо меня девочки в резиновых сапогах, в передниках, косынки на ходу повязывают. Тоже знакомые — студентки из Владивостока. Им некогда: сайра пошла.

Отправился я на рыбозавод. В цехе сотни девушек выстроились у столов, одни остроносу сайру чистят, другие режут, третьи перчат, четвертые укладывают ломтик к ломтику в посуду. Бежит по конвейеру банка за банкой.

А к причалам подходят все новые сейнеры: «Принимай!»

Присел я на бочку и думаю: «Не с кем и поговорить. Такое дело, путина!»

Но тут подходит ко мне рыбак, в сапогах, в мичманке и протягивает ладонь: «Привет!»

Я сразу узнал: мой дружок, Саша! Мы с ним на Кубу матросами плавали. Я-то думал, он где-нибудь в Индии или Египте. А он смеется: «Я теперь рыбаком заделался. На сейнере хожу, штурманом. Ну и качало нас! Видел? Голова — ноги, голова — ноги! А рыбу все равно хорошую взяли. Первый раз в море на рыбу вышел — и сразу удача. Пошли сверху посмотрим».

И повел меня по краю обрыва. Я глянул в глубину: колышутся в воде водоросли, снуют возле них рыбы, скользит что-то возле дна. То ли трава, то ли шупальца осьминожка. А Саша торопит: «Выше пошли!»

Поднялись мы по заросшему кустарником склону на скалу. Вдруг засвежело, загудел над головой ветер, зашумел острыми листьями бамбук, закачались березы да сосны. Гнутые-гнутые. Вершинки у всех срезаны.

Я пожалел одну сосенку: «Вон как ее ветер всю к океану выгнул...»

Саша улыбнулся.

«Нет, — говорит, — это она сама к океану тянется. Нас, рыбаков, встречает. Смотри, кругом красотища какая! И океан, и корабли, и чайки!»

Сорвал он три листка бамбуковых, протянул их мне и сказал:

«Захочешь на Курилы вернуться, вот тебе пропуск!»

Крашу я сейчас подволок и думаю: «Вот и вернулся. Зайти бы к Саше, да ведь опять путина!»

И еще какая! То, бывало, из одного Владивостока студенты на помощь приезжали, а теперь откуда только не плывут: из Хабаровска и Новосибирска, Барнаула и Уссурийска!..

Идешь по океану, а навстречу студенческие песни. Торопятся студенты на Курилы. Кто с аквалангом — в глубину океана заглянуть, кто на вулканы взбираться, а большинство — на путину.

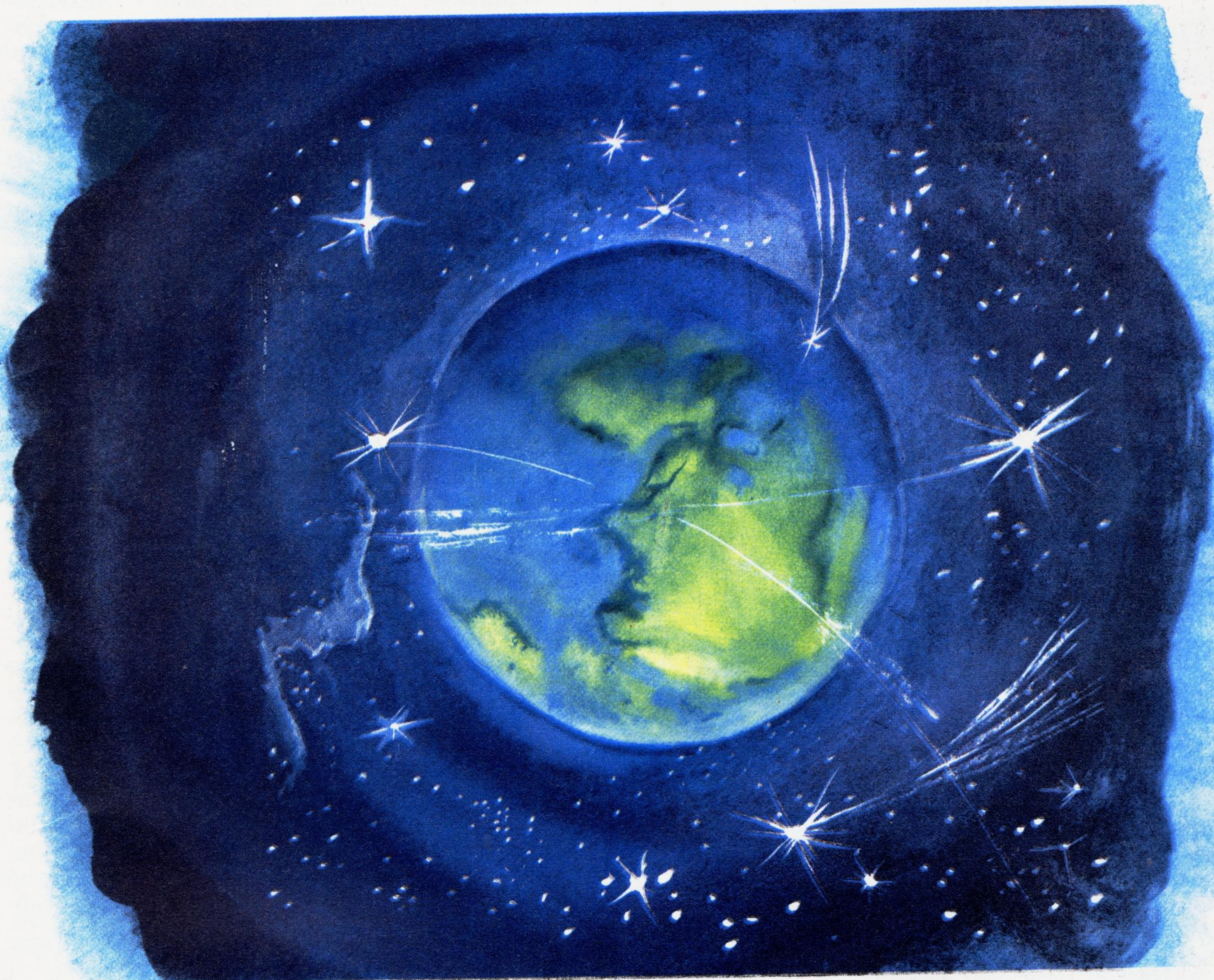
В прошлом году студенты восемь миллионов банок консервов сделали!

Шумят по-рабочему Курилы. Только к зиме, когда разбойничают штормы, когда пограничники и метеорологи станут подниматься на свои посты, крепко держась за натянутые тросы, опустеют цехи комбинатов.

А чуть повеет весной, многие устремятся на самые дальние наши острова, на путину.

Храню я три бамбуковых листка и стараюсь делать свое дело так, как делают его мои друзья в туман и в шторм, когда волны поднимают чуть ли не до неба сейнеры, когда ветер гнет к морю березы и сосны, когда над океаном шуршат, позванивая, гибкие кусты бамбука. ★

Зеленый снизу

газдобой и синий сверху

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РЫБ

Сейчас я расскажу вам историю, которая произошла недавно — в прошлом году. Вероятно, каждый знает, что в Центральной Америке, в самом узком месте перешейка, находится Панамский канал, соединяющий два океана.

Г. ФАЙБУСОВИЧ.

Рисунки
Ю. КАРПОВОЙ.

6
7
8
9
0
1
2
3
4
5
6
7
8
9
0

Так вот, с некоторых пор этот канал стал тесным. Шестьдесят лет назад, когда его прорыли, через него проходило за год около тысячи кораблей. А теперь по каналу проходит шестнадцать тысяч, причем морские перевозки все время растут. Что же бу-

раздвинуть оба прохода, тогда морские воды хлынут в озеро, уровень воды поднимется и суда смогут быстрее проходить сквозь шлюзы.

Все было ясно, и инженеры уже приступили к разработке проекта, как вдруг возникло неожиданное препятствие. Против расширения канала выступили ученые — океанологи и биологи. Они заявили, что проект перестройки канала — вредная и опасная затея.

Хотя озеро Гейтен связано с двумя океанами, оно остается пресноводным. В него гораздо больше поступает пресной воды из родников и рек, чем соленой воды из океанов. В речной воде живут одни животные, в морской — другие.

А что будет, когда узкий канал расширится? Океанские воды хлынут в озеро. Оно станет соленым. Его обитатели, не выдержав новых условий, погибнут. А жители городов Панама и Бальбоа, расположенных на берегах озера, лишатся источника питьевой воды.

Этого мало. Смешаются два разных животных мира — тихоокеанский и атлантический. Исчезнут многие ценные рыбы, пожираемые новыми хищниками. Пострадают другие обитатели озера. И мало ли еще что произойдет.

На это можно возразить (и возражали): ну и что? Подумаешь — рыба! Океан большой. Как-нибудь обойдемся. А главное, что такое рыба или какие-нибудь там бесполезные моллюски по сравнению с мировой промышленностью, международной торговлей и мореплаванием?..

Здесь я прерву свой рассказ. Замечу только, — чтобы уж покончить с этим, — что инженерам пришлось отказаться от своего замысла. Теперь они разрабатывают другой проект — такой, который не нарушит условия жизни в Гейтенском озере.

ВЗРЫВ НА ОСТРОВЕ КРАКАТАУ

Человечество живет на земле сотни тысяч лет, но, кажется, за все это время людям ни разу не приходило в голову, что они могут уничтожить природу.

Да и что значит «уничтожить» природу? Мыслимое ли это дело?

Девяносто лет назад на острове Кракатау взорвался вулкан. Когда дым рассеялся, на месте зеленого тропического острова стояла черная от копоти гора с развороченной вершиной. Жизнь на острове была уничтожена.

Если расширить канал, морские воды хлынут в озеро, и его обитателей ждет неминуемая гибель...

дет? Вообразите лавину автомобилей, запрудивших узенький переулок. Рано или поздно возникнет пробка и движение остановится.

Значит, надо расширить «переулок». Вернее, два «переулочка», потому что посередине перешейки находится озеро Гейтен. Канал соединяет его с одной стороны с Карибским морем, а с другой — с Тихим океаном. Надо

Погибло все — от кокосовых пальм в два обхвата толщиной до мельчайших водорослей и насекомых. Погибли даже микробы.

И что же? Спустя девять месяцев после катастрофы ученый-натуралист, бродивший по мертвому острову, наткнулся на паука. Паук прилепился к обломку скалы. Он плел паутину.

На острове не было ни одной мухи, и первый обитатель Кракатау умер от голода. Но прошло еще три года. У подножия горы появились чахлые ростки папоротника. Еще через десять лет на берегу вырос дикий сахарный тростник. А сейчас весь ободок земли, уцелевшей вокруг спящего вулкана, покрыт густым лесом и в нем обитает свыше тысячи различных видов животных и птиц.

Как произошло это чудо? Да очень просто. Ветры занесли на остров насекомых. Волны оставили на берегу семена растений. На скалистый остров садились птицы, они оставляли помет и семена растений, прицепившиеся к их перьям. С дальних островов приплыли земноводные и млекопитающие, кто сам, кто на ветвях и стволах деревьев...

Эта история поучительна. Она показывает, как велики, как могущественны животворные силы природы.

Но в том-то и дело, что могущество это не безгранично.

На гибель, казалось, был обречен и остров, на котором взорвался вулкан. Но жизнь взяла свое — сейчас остров снова зеленый.

У РАЗБИТОГО КОРЫТА

Человек тоже вторгается в жизнь природы. И подчас это вторжение приводит к таким результатам, перед которыми бледнеют чудовищные последствия вулканических извержений.

...На полях рокочут сельскохозяйственные машины. За один год человечество собирает с полей столько, сколько прежде не могло собрать за тысячу лет.

В океан выходит рыболовный флот и, словно огромной ложкой, вычерпывает из морских глубин миллионы тонн рыбы.

За день современный город выпивает озеро воды, съедает эшелон хлеба. Человечество похоже на Гулливера, которому, помните, гостеприимные лилипуты пригоняли на завтрак целое стадо коров и свиней...

Да что там человечество... Чтобы выпустить только один номер журнала «Пионер», нужно спилить небольшую рощу.

Дело даже не в том, что люди ужасно расточительны, истребляют животных, выгребают из недр запасы полезных ископаемых, вырубают леса. Заводы изрыгают в небо клубы зловонного дыма. Автомобили отравляют воздух выхлопными газами. В реки

сбрасывают отходы всевозможных производств. Планета наша с ужасающей быстротой загрязняется! Глядишь, и в самом деле не сегодня — завтра мы окажемся все у разбитого корыта...

«НАЗАД, К ПРИРОДЕ»

Случилось так, что по делам службы я отправился на Урал. Реактивный самолет за три часа доставил меня в Свердловск. Была у меня еще одна цель: посетить Институт экологии животных и растений Уральского научного центра Академии наук СССР.

Ботаника изучает растения, зоология — животных. Но в природе и растения, и птицы, и звери живут все вместе. Вот этим и занимается наука экология — она старается

понять, как «работает» живая природа, как разные живые существа уживаются друг с другом. Словом, она исследует живой мир во всей его совокупности.

Я разыскал институт, вошел в лабораторию. Тут было на что поглядеть. На полках громоздились диковинные приборы. На больших столах в стеклянных цилиндрах сидели лупоглазые лягушки, копошились какие-то хвостатые существа, похожие на крошечных крокодилов.

Вокруг ходили молчаливые люди в белых халатах. А у окна сидел известный ученый-биолог, академик Станислав Семенович Шварц,—сидел и пил чай. Или, кажется, кофе.

Он согласился побеседовать со мной,—у него было полчаса свободного времени. Ну, и конечно, разговор зашел об охране природы, о том, что пора нам всем действовать. Пора, наконец, принимать какие-то меры.

В прежние века, когда человек обходился несложными орудиями труда и когда людей на земле было мало, они не могли нанести серьезного ущерба природе. Теперь не то. В слабых человеческих руках появилось страшное оружие. Это оружие—техника...

Так вот, может быть, правы те—а таких людей сейчас много,—которые говорят, что нужно немедленно, сейчас же, пока не поздно, прекратить технический прогресс? Заводы и фабрики закрыть. Инженеров уволить. Вместо автомобилей будем ездить, как когда-то, на лошадях. Вместо асфальта ходить по траве. Вместо громадин в двадцать этажей будем все жить в деревянных избушках.

Эти люди говорят, что нужно жить в согласии с природой—покончить с цивилизацией, со всей этой дьявольской техникой. Может, в самом деле они правы?

Мой собеседник молчал. Потом вдруг ни с того ни с сего спрашивает:

— Как вы доехали?

Я ответил:

— Спасибо... хорошо.

— Кстати,— осведомился он,— вам известно, какое расстояние от Москвы до Свердловска?

— Конечно. Тысяча четыреста девяносто километров. Но при чем тут расстояние?

— А при том,—сказал ученый,—что на лошадях вы доехали бы месяца через четыре... А домой вернулись бы эдак к следующему Новому году.

«Я — ОПТИМИСТ!»

— Знаете ли вы,—сказал мой собеседник,— что животный мир Подмосковья богаче, чем животный мир тайги?

Я удивился: в тайге звери и птицы наслаждаются свободой, а под Москвой, где столько людей, где машины и поезда, где ж им жить?

Оказывается, там, где поселился человек, природные условия становятся разнообразней. В лесах появляются вырубki, в безлесных местах—зеленые насаждения и водоемы. А где разнообразней природа, там пестрей, богаче и разнообразней мир животных.

Что же касается дымящих труб и промышленных стоков, то ученые и тут ищут выход. Например, химические отходы можно не выбрасывать в реки, а использовать в производстве, вроде того, как используется металлолом. Автомобили снабдить фильтрами: они будут задерживать выхлопные газы.

— Люди, о которых вы говорили,—сказал ученый,—призывают отказаться от достижений техники и цивилизации. Им хочется вернуть прошлое. Но это то же самое, что заставить взрослого натянуть детские штанишки. Это нелепость, и никогда этого не будет.

Человек изменил мир. В этом новом мире люди живут бок о бок с животными, гигантские города соседствуют с пастбищами и полями, промышленность сосуществует с природой. Кто вам сказал, что они везде и всегда враги?

— Нет,—продолжал он,— я смотрю на вещи иначе. Я оптимист и верю, что человек не уничтожит планету. Наоборот, он сделает ее еще богаче, еще прекраснее, чем она была в те времена, когда на земле раздавалось лишь рыканье диких животных, а будущий царь планеты, одетый в звериную шкуру, сидел в пещере и грелся у огня...

Я — оптимист и верю в науку. Дело в том, что не техника губит природу, природу губит неправильное пользование техникой. В нашем социалистическом обществе есть сейчас все возможности, чтобы достичь оптимального взаимодействия с природой. Наука даст человеку силу и мужество победить.

ПОД ЗАЩИТОЙ ЗАКОНА

На первый взгляд кажется, что природа—это нагромождение случайностей. Вот, например, сравните лес и парк. В парке чистота и порядок: аккуратные дорожки, ровные клумбы. Это потому, что парк устроен человеческими руками, за ним ухаживают садовники. А лес вырастает сам, и никакого

A child is seen from behind, standing on a metal ladder and looking up at a large, vibrant, abstract painting. The painting depicts a massive bird in flight, with its wings spread wide, set against a dark blue night sky filled with stars and a bright, starburst-like light source. The bird's body is rendered in a mix of yellow, pink, and purple, while its wings are dark with lighter spots. The overall scene is illuminated by the colors of the painting, creating a dreamlike atmosphere.

*...И пред ним — зеленый снизу,
Голубой и синий сверху —
Мир встает огромной птицей,
Свищет, щелкает, звенит!*

порядка там не видно. Кажется, что беспечная, безалаберная природа свалила все в одну кучу: деревья, кусты, траву, муравейники...

Но так только кажется.

В лесу можно насчитать тысячи различных видов растений и животных, всем находится место, и ни один вид не погибает. Все вместе они составляют единое дружное сообщество, ученые называют его греческим словом «биоценоз».

Присмотритесь: птицы и насекомые как будто враги, но не будь насекомых, птицы погибли бы от голода. Но без птиц насекомые тоже размножились бы до такой степени, что им не хватило бы пищи. Растения дают пищу животным, а животные удобряют почву для растений. Одним словом, все связано между собой, и чем больше этих связей, тем крепче держится сообщество. Чем многообразней биоценоз, тем он устойчивее.

Пока человек этого не знал, пока природа казалась ему царством хаоса, он относился к ней беззаботно и крушил все подряд, не задумываясь о последствиях. Наука заставила его быть осмотрительней. «Осторожно! — сказала она. — Не плюй в колодез. Относись к природе с уважением. Строй заводы, возделывай землю, воздвигай города. Но считывай, взвешивай каждый свой шаг. Береги жизнь, помни, что каждое звено в цепи живых существ — больших и маленьких, сильных и слабых, хищников и жертв — по-своему важно и необходимо. Разрушишь одно звено — развалится вся цепь...»

Вот почему у нас в стране на страже природы стоит государство, весь наш народ. Чем могущественнее и сильнее становится наше государство, тем больше внимания и средств уделяет оно охране природы.

Защита растений и животных, охрана рек, озер, охрана чистоты воздуха — сейчас все эти важные вещи записаны в государственных законах. И не только записаны. Многие уже сделано и делается. Сооружены грандиозные очистные станции: отходы производства, прежде чем попасть в реку или озеро, проходят через эти станции, как сквозь фильтр, и очищаются. Такие сооружения построены в Горьком и в других промышленных городах. За последние три года значительно — примерно в три раза — уменьшилось загрязнение Каспийского моря нефтепродуктами. Очищаются бассейны Волги и Урала. Важный эксперимент поставлен на Байкале. По решению правительства все народное хозяйство в этом огромном бассейне приводится постепенно в «уравновешенное» состояние с природой. И теперь ни одна новая фабрика, ни один производственный комбинат в стране не начнут работать, пока не будет устранена опасность повредить живой природе.

«ЛУНА № 2»

Человек теперь уже не вмешивается в жизнь природы слепо и наугад. Познав законы природы, человек способен переделать ее так, чтобы она смогла прокормить не только три с половиной миллиарда нынешних граждан земли, но и бесчисленные поколения наших потомков — людей далекого будущего.

Расскажу об одном проекте. Он задуман в Институте экологии, его автор — академик Шварц, председатель Международного комитета по изучению продуктивности тундры в рамках Международной биологической программы.

К северу от 67-й параллели, за Полярным кругом, раскинулась огромная земля — тундра. Зимой над тундрой воет пурга, восемь месяцев длится полярная ночь. Наконец наступает лето. Выступают из-под снега лишайники, мхи. Одеваются листвой карликовые деревья...

Если собрать мысленно все, что производит тундра: и растения и животных, — получится меньше, чем дает одна только Московская область. Между тем Московская область по сравнению с Заполярьем — то же, что жук-олень рядом с настоящим оленем. Потому что площадь тундры равна — ни много ни мало — поверхности всей Луны.

Но вот что я узнал. На полуострове Ямал есть место под названием Хадыта. Это не город, даже не село. Это просто лес. В лесу растут березы, ели, лиственницы. Цветет черемуха. Слышно, как долбит кору дятел. Словом, это обычный лес, как где-нибудь под Костромой, но повторяю: он растет далеко за Полярным кругом, и тундра окружает его со всех сторон.

Тундра одета мхом, и в этом все дело. Под густым, как шерсть, слоем мха земля скована вечной мерзлотой. А в Хадыте под ногами — трава, и почва успевает оттаять за короткое, но яркое северное лето.

Проект состоит в том, чтобы заменить мох травой на отдельных участках южной тундры. По предположениям ученых, можно попробовать направить развитие тундры не в сторону моховых, а в сторону травянистых сообществ. А это обогатит жизнь всех растений и животных.

Конечно, этот эксперимент может осуществить только человек. Он спустит воду из мелких озер и посеет на их месте траву — изменит весь облик тундры, превратит ее в плодородный край. Но ученым придется заранее тщательно проверить, какие растения и животные исчезнут, какие появятся, как они будут взаимодействовать между собой.

Разумеется, это пока еще только проект, предстоит его детально разработать и обосновать. И если он осуществим, то лишь на юге тундры. Но зато представляете себе, что

ЕСЛИ...

Если дать пустыне волю,
Ринутся пески, пыля.
Урожай погибнет в поле,
Пожелтеют тополя.

Налетят пески с ветрами,
Заметая все в пути.
Станут улицы холмами —
Ни проехать, ни пройти.

Только дай пустыне волю,
Травяной не сей заслон,
И она песчаным морем
Нас зальет со всех сторон.

Но зеленые заставы
Окружают города.
Льву песчаному сквозь травы
Не прорваться никогда.

СТЕПНОЙ КОЛОДЕЦ

Как мысли и думы
Хранит голова,
Как зимние тучи
Хранит синева,
Как печка — тепло,
Как птицу — насест,
Как шелк берегут
Сундучки у невест—
Так воду хранит,
Сторожит глубиной
Обложенный камнем
Колодец степной.

Перевел с туркменского
Я. АКИМ.

*Природа — наш дом. Давайте будем все вместе
оберегать этот прекрасный дом...*

это значит? Превратить Заполярье в цветущий и зеленеющий край — это все равно, что освоить Луну.

Мир изменился и продолжает меняться на наших глазах.

Но и сегодня, как много веков назад, бессмертная, вечно юная природа обступает и обнимает нас. Нельзя представить себе, как мог бы жить человек без травы и звона шмелей, без простора и воздуха, без прозрачных морей и синих небес.

*...И пред ним — зеленый снизу,
Голубой и синий — сверху
Мир встает огромной птицей,
Свищет, щелкает, звенит!*

Эти стихи написал Эдуард Багрицкий. Он знал и любил природу, умел сказать о ней так, словно он был первым человеком, перед которым открылось все ее великолепие.

Природа — колыбель человечества. Природа — наш дом. Давайте будем все вместе хранить и оберегать этот прекрасный дом.

«Планет-ный эксперимент»

Сергея Бондаренко

«КОГО ТЫ ПОШЛЕШЬ НА МАРС?» — такой вопрос был задан вам, ребята, в январском номере «Пионера». И вот ваши письма в руках у Льва Михайловича Мухина, ученого-планетолога из Института космических исследований Академии наук СССР. — С большим удовольствием прочитал я эти письма, даже те, с которыми не согласен. Я бы сказал, что нет среди них ни одного неинтересного! В каждом выражена своя точка зрения, и не голословно, а с доказательствами

НАЧНУ С ПИСЕМ, С КОТОРЫМИ НЕ СОГЛАСЕН

«Надо на Марс послать бобра...»

«Из зверей на Марс надо послать кошку. Кошка выдерживает очень большие колебания температуры — от девяноста градусов холода до девяноста градусов тепла. Во-вторых, кошка очень выносливое животное...»

«Я думаю, что на Марсе может ужиться верблюд. Верблюд легко переносит засуху и может даже целые недели обходиться без воды. Переносит и пыльные бури в пустыне».

«Я бы послал на Марс собаку. По-моему, она сможет там приспособиться. Собака — умное животное, и ее можно обучить каким-нибудь приемам».

«Я хочу отправить на Марс попугаев. Они долго живут. Попугаи могут запомнить язык марсиан, если они там есть».

«По моему мнению, на Марс следует послать черных пауков, фаланг и скорпионов. Скорпионы и фаланги могут выносить большую жару и долго обходиться без воды и пищи».

Авторы этих писем допустили ошибку: ни кошка, ни собака, ни даже пауки и скорпионы не смогли бы жить на Марсе. В его атмосфере практически нет кислорода, и любой представитель высших животных Земли погиб бы. Не забывайте, что и паук — высокоорганизованное животное по сравнению с амёбой или водорослью.

ТОГДА, МОЖЕТ БЫТЬ, ПОСЛАТЬ РАСТЕНИЯ?

Одни ребята предлагают сосну, которая растет даже на голых скалах, другие — саксаул, сфагнум, кактус, осоку, многие называют верблюжьей колючкой: «Потому что корень у нее в поисках влаги уходит далеко в недра земли. Может быть, она найдет влагу и в недрах Марса».

Можно, конечно, попробовать послать растения: кислорода им нужно значительно меньше, чем животным. И все же я думаю, что и растения погибнут на Марсе, не выживут: там нет защиты от жесткого ультрафиолетового излучения Солнца. На Земле все живое защищено от него слоем озона.

И какая уж там осока, если не то что болот нет, но и вся влага — только в воздухе в виде пара! И если даже всю ее осадить на поверхность планеты, то слой будет всего в 10—20 микрон!

Так что с посылкой растений — особенно высших — вижу большие трудности.

Очень уж нужно быть неприхотливым и выносливым,

чтобы выжить на этой планете — без воды, кислорода, под яростным излучением Солнца. Все это учел в своем письме семиклассник Сергей Бондаренко из Красноярска. Его письмо я считаю наиболее правильным со строго научной точки зрения.

«Я предлагаю поставить эксперимент планетных масштабов.

Ни одно из высших существ, основанных на белковой структуре, не выживет на Марсе. Поэтому я предлагаю забросить на Марс **одноклеточные растения и животных**. Но этот эксперимент нельзя проводить, не убедившись, что на Марсе нет собственной фауны, иначе земные организмы могут ее уничтожить.

Сергей совершенно правильно назвал единственно возможных пассажиров нашего космического корабля — простейшие одноклеточные организмы — животные и растения.

Об этом говорят и опыты в специальных установках, где воссоздается марсианский климат. Жизнеспособность сохраняют только простейшие земные организмы.

Сережу поддерживают и другие ребята — Игорь Морозов и Алеша Копылов из Ленинграда.

Правы и те, кто предлагает послать **споры бактерий** («Они могут долго сохраняться при неблагоприятных условиях» — Артур Белянкин из Перми), **сине-зеленые водоросли** («Они могут жить в любых условиях, выделяют кислород и поглощают углекислый газ» — Рита Голод из Биробиджана).

Но в письме Сергея есть одно замечание, которое, кроме него, почти никто не сделал: **нельзя проводить на Марсе биологические эксперименты, не убедившись, что планета мертва**. Ответ даст только тщательное изучение Марса.

Нам важно будет установить три вещи:

— Если окажется, что Марс всегда был мертвой планетой — и сейчас и в прошлом, — тогда можно проводить наши эксперименты.

— Если на Марсе будут найдены следы древней жизни, надо убедиться, что она не может возникнуть вновь, пусть даже через тысячелетия.

— Если есть жизнь на Марсе, необходимо ее сохранять и тщательно изучать.

Вот почему так тщательно обрабатываются космические аппараты перед отправкой на Марс: пока мы не знаем, что планета мертва, нельзя занести туда земные формы жизни.

В некоторых письмах есть предложения отправить на Марс земную **почву**. Думаю, что это можно будет осуществить, когда на планете будут построены биостанции. Земная почва, несомненно, облегчит выживание на Марсе простейших земных организмов, поможет им постепенно приспособиться к новым условиям.

Думаю, что пока будет идти исследование Марса, вы уже подрастаете, получите специальность, и может быть, некоторые из вас смогут участвовать в проведении интереснейших биологических экспериментов на Красной планете.

Рисунки А. БОРИСОВА.

**6 ИЮНЯ 1799 ГОДА РОДИЛСЯ
АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН**

Какой он, ПУШКИН?

Ольга МАКОВА

«Мы увидели Пушкина с хором Благородного Собрания. Внизу было общество, среди которого вдруг сделалось особого рода движение. В залу вошли два молодых человека. Один был блондин, высокого роста; другой — брюнет, роста среднего, с черными кудрявыми волосами и выразительным лицом.

«Смотрите, — сказали нам, — блондин — Баратынский, брюнет — Пушкин». Они шли рядом, им уступали дорогу», — рассказывает в своих воспоминаниях современница Пушкина, писательница Татьяна Пассек.

Он так не похож ни на кого! Ведь мало кто может похвастаться, что его прадед был арапом и тем более другом царя Петра Первого.

Он прожил всего тридцать семь лет. И за это время было написано столько произведений, произошло столько значительных событий...

Трудно представить себе Пушкина как человека знакомого, с которым встречаешься, здо-

Портрет работы Ореста Кипренского —
возвышенный, романтический.

*У Тропинина поэт совсем другой —
он дома, он сочиняет стихи.*

*В последний год жизни
Александра Сергеевича Пушкина
его портрет
написал художник Иван Линев.*

роваешься, разговариваешь. Он стал для нас каким-то отвлеченным именем, объединяющим прославленные произведения. А вот воспоминания, дневники, письма его современников помогают вернуть нам живой образ.

«Пушкин был невысок ростом, шатен, с сильно вьющимися волосами, с голубыми глазами необыкновенной привлекательности. Я видала много его портретов, но должна сознаться, что ни один из них не передал и сотой доли духовной красоты его облика, — особенно его удивительных глаз. Это были особые, поэтические, задушевные глаза, в которых отражалась вся бездна дум и ощущений, переживаемых его душою. Других таких глаз я за всю мою долгую жизнь ни у кого не видала», — пишет жена друга Пушкина В. А. Нащокина.

Лев Пушкин, младший брат, боготворивший Александра, говорит о нем: «Пушкин был собою дурен; ростом был он мал».

Профессор Петербургского университета А. В. Никитенко говорит о Пушкине: «Это человек небольшого роста, на первый взгляд не представляющий из себя ничего особенного».

«Итак, — пишет Валерий Брюсов, поэт, любивший его и собиравший сведения о нем, — вот каким мы должны представлять себе Пушкина: невысокий вертлявый человечек, с порывистыми движениями, с несколько не замечательным лицом, смуглым, некрасивым, на котором поминутно окаливались большие зубы».

Словесные описания поэта очень противоречивы. Может быть, его портреты помогут нам точнее восстановить его облик?

Вот перед вами три портрета. Все три писаны с натуры. Портреты О. Кипренского и В. Тропинина выполнены в 1827 году, Пушкин здесь изображен в момент вдохновения. А третий портрет, написанный много позднее, — неожиданный.

«Любимец моды легкокрылой», — обращается поэт к Оресту Кипренскому, блистательному художнику, бывшему тогда в расцвете славы. Портрет Пушкина заказал Кипренскому лицейский друг Александра — Антон Дельвиг. Кипренский был художником романтического направления, а художникам этого направления было свойственно изображать не сам предмет, каков он есть, а его идеал. И Пушкин здесь — идеал, символ Поэта, возвышенный и отвлеченный. Это существо, которого не могут коснуться ни мирские волнения, ни суета. Все брэнное в этом портрете — быт, детали, обстановка — отброшено, как будто в природе нет ничего, кроме тишины и гармонии. Большинство современников говорит о необычайном сходстве портрета с оригиналом. И отец Александра Сергеевича говорил, что «лучший портрет сына моего суть тот, который написан Кипренским». Вот и в дневнике А. В. Никитенко мы читаем: «Вот поэт Пушкин... видел его хоть раз живого, вы тотчас признаете его пронизательные глаза и рот, которому недостает только беспрестанного вздрагивания: этот портрет писан Кипренским». Но один из современников, тоже близко знавший поэта, указывает на отсутствие в портрете «пушкинской простоты» и на несвойственность Пушкину такого «оборота тела и глаз». Тут надо подумать...

Самому же Пушкину портрет, вероятно, нравился, хотя он и написал в стихотворении, адресованном Кипренскому:

Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.

Сам о себе он говорил: «потомок негров безобразный»...

Что могло Пушкину нравиться в этом портрете? Может быть, он отвечал эстетическим требованиям поэта?

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво...

У Тропинина поэт совсем другой. Он раскован. Он внутренне свободен, он свободен и внешне: он дома, он сочиняет стихи...

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.

О портрете Тропинина известно, что он написан не сразу. Он долго готовился. Сначала был

этуд, живой и оригинальный. Первый раз Тропинин увидел Пушкина вовсе не за поэтическим, а за очень простым человеческим занятием: Александр играл на полу со щенками. Может быть, поэтому на портрете он такой естественный и доступный нам, хотя художник запечатлел момент и возвышенный и особенный. Может быть, вот так поэт сочинял стихи ночами; он любил писать ночами, вскакивал, бегал по комнате, потом опять садился писать...

Считается, что этот портрет был написан Тропининым по желанию самого Пушкина, который хотел подарить его своему другу А. Соболевскому. Он был написан несколькими месяцами раньше, чем портрет Кипренского.

На обоих портретах Пушкин в расцвете славы, он полон сил и вдохновения.

Третий портрет странный. Пушкиноведа относят его появление к 1836 году, портрет признается последним, написанным при жизни Пушкина. Он разительно отличается от портретов Кипренского и Тропинина, он написан на девять лет позднее, и столько событий вместили эти годы...

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты...

Печальные, как бы омытые слезами глаза, измученное лицо. Это уже не тот вдохновенный поэт, которого запечатлел Кипренский, — это подавленный, растерянный человек.

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец —
Живу печальный, одинокой,
И жду: придет ли мой конец?

Так, поздним хладом пораженный
Как бури слышен зимний свист,
Один — на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист!..

Этот портрет написан человеком одного с Пушкиным круга, почитателем таланта Пушкина, Иваном Логиновичем Линевым, происходившим из очень старинной дворянской семьи. Линева был художником-любителем.

В портрете заметно некоторое нарушение соотношений частей лица. Одни исследователи считают, что это знак непрофессиональности, другие видят в этом торопливость исполнения: напряженное стремление передать главное, не упустить основное заставило отказаться от поисков более совершенной формы.

Видно, что автор был внутренне очень созвучен Пушкину, так трепетно он передал состояние поэта в наиболее тяжелый для него период жизни. Вероятно, Пушкин не любил этот портрет, который обнаружил, извлек на поверхность трагедию, скрытую глубоко внутри.

Какой Пушкин? Так я подумала, когда прочла много книг о нем и видела много его портретов. Он всюду разный. Кому верить?

Должно быть, одному художнику или одному писателю не под силу восстановить образ и облик Александра Пушкина — так он глубок и неисчерпаем. И долго еще писатели, поэты, художники, почитатели и читатели Пушкина будут зажигать «свои свечи от творческого огня Пушкина», как сказал Николай Васильевич Гоголь.

Вечно тот же, вечно новый

Валентин БЕРЕСТОВ

Пушкин всегда меняется вместе с тобою самим. Всегда находишь в знакомых стихах что-нибудь новое.

**На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.**

Иногда я в шутку изображаю, как бы прочел это стихотворение поэт, который занят только собой и никого, кроме себя, на свете не видит. Читаю, нажимая на «мне», «моя», «предо мною», «мне грустно и легко», «печаль моя светла», «печаль моя полна тобою», «унынья моего»... Слушатели смеются над забавным персонажем, которому Пушкин понадобился для самоутверждения. Но я-то помню, что в школьные годы эти строки звучали для меня именно так, с ударением на «мне», «мое». Какой, дескать, я молодец, какие богатые, какие сложные у меня чувства, как здорово я понимаю Пушкина. Я, а не кто другой.

Шли годы, и я сам начал писать стихи. У меня появились свои взгляды на поэзию. И я стал читать пушкинское стихотворение так, что «моя» и «мне» совершенно скрадывались, становились только частью музыки, как бы прошитой звуком «М». «Мне», «Мое» — эти слова перекликались со словами «Мгла», «холМах», «шуМит», «Мучит», а музыкальная волна стихотворения как бы ударяла сра-

зу и в берег и в сердце могучим, нарастающим повтором: «печаль моя полна тобою, тобой, одной тобой». Первое «тобою» приходит издалека, а «одной тобой» — это словно бы удар волны о берег у самых твоих ног.

Поражала прозрачность, ясность стихотворения. Никаких эффектов, никаких сложных и не очень понятных образов, полная простота. Все своей музыкой, всем словесным строем, всей силой, с которой эти строки находят живой отклик в твоей душе, тут как бы доказывается, что высокие, светлые чувства действительно существуют и все мы способны испытать их или хотя бы разделить с поэтом.

Как это прекрасно — сознавать, что твоя душа жива, а чувство, когда-то охватившее тебя, несмотря ни на что, не стерлось, не окаменело, не потускнело, не забылось, хотя ОНА, быть может, никогда не узнает об этом.

Прошел еще десяток лет, и я очутился на берегу Арагви, как раз в том месте, где, по преданию, Пушкин долго стоял и о чем-то думал в одиночестве. Я дождался темноты. И чем темнее становилось вокруг, тем больше я узнавал это место. Конечно, я знал его: маленькое, в восемь строк, стихотворение содержало в себе еще и целую картину. Я мысленно повторил его раз, другой, третий... Я думал о судьбе Пушкина, о том, что занесло его на эти берега. И стихотворение вдруг резко изменилось, засветилось каким-то трагическим, даже зловещим светом. Музыка этих стихов в шуме горной реки стала для меня глуше, зато резко проявилась их живопись. Какое там отсутствие эффектов и сложных образов! Наоборот! У Пушкина даже общие понятия приобретают свойство предметов, видимых и осязаемых, — жар, светоносность. Правда, там что-то светит над Арагвой и вырывает из мрака холмы предгорий? Это печаль светит. А не чудится ли вам в этой картине какая-то огненная точка, костер, который горит на темном берегу и даже пробует отразиться в бурной воде? Это сердце горит.

Есть тут и безысходность: ОНА никогда об этом не узнает, все решается без НЕЕ, бесконечно далеко от НЕЕ, над Арагвой, на холмах Грузии. И при этом печаль светла, грусть легка...

«Унынья моего ничто не мучит, не тревожит» — образ поразительно сложный и глубокий. Поэт баюкает свое унынье, словно оно малое дитя, лелеет и ласкает его в одиночестве, вдали от людей, и в то же время пишет об этом и, значит, всех и каждого зовет разделить с собой свое одиночество, свое затаенное чувство. Подумать только, унынье, да-да, унынье нужно оберегать от того, что его, это унынье, мучит и тревожит. Нет, я не все тут понимаю, не все могу объяснить, тут загадка, которая еще более усиливает очарование пушкинских стихов, таких простых, таких прозрачных.

Вот он каков, Пушкин, — «вечно тот же, вечно новый», говоря его же собственными словами.

**Януш
ПШИМАНОВСКИЙ**

**ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ**

**Перевел с польского
А. КРАВЧЕНКО.**

Рисунки Ю. ФОМЕНКО.

Едва ли найдется на свете хоть один читатель «Пионера», который бы не смотрел польский телевизионный фильм «Четыре танкиста и собака». Сценарий к этому замечательному — и смешному и серьезному одновременно — фильму написал Януш Пшимановский. В этом номере мы печатаем приключенческую повесть писателя Пшимановского. Желаем вам интересного, увлекательного чтения! Повесть печатается с некоторыми сокращениями.

ТАЙНА ВЫСОТЫ 117

Глава I

ЛАСТОЧКА НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Они летели вдоль берега. Справа поблескивала огромная зеленоватая поверхность Балтики, слева виднелись покрытые лесом холмы острова Волин. Море, которое казалось слегка вогнутым, дыбилось у горизонта. По нему блуждали серые морщины пены.

Минуту назад пролетели обозначенную клубами взрывов линию фронта. Внизу заблестела цепочка небольших озер — приближались к высоте, помеченной на карте цифрой 117. Поручник Ян Любин предупредил по радио пилота второго истребителя:

— Позавчера здесь нас атаковали. Будь внимательнее.

Небо было чистым. Апрельское солнце, клонясь к западу, растворило в его ясной голубизне немного веселого золота. Только над побережьем висело несколько лохматых облаков, похожих на цветную капусту. Враг мог прятаться за ними.

Вдруг что-то блеснуло. «А если враг летит против солнца?» — Прищуриив глаза, Ян смотрел теперь прямо перед собой в слепящий блеск. Он заметил какие-то неясные тени. По спине пробежал холодок, однако он быстро взял себя в руки и чуть-чуть изменил курс, чтобы лучше вести обзор... Да, теперь он уже не сомневался — чуть сверху шли в атаку на них два тупоносых «фокке-вульфа». Видимо, гитлеровцы были уверены, что остаются незамеченными, Ян решил пока «не разубеждать» их. Истребители мчались навстречу друг другу. Вот-вот фашисты откроют огонь и...

Оба польских истребителя внезапно задрали носы, частые трассы их пуль прошили воздух. Застигнутые врасплох, гитлеровцы бросили машины в резкий отворот. Поляки повторили тот же маневр и стали настигать врага.

Ян поймал в прицел левый «фоккер» и до предела толкнул сектор газа. Двигатель заныл на самых высоких тонах. Голубой «Як», словно прищипоренный скакун, рванулся вперед.

— Следи за правым «фоккером»! — крикнул поручник в микрофон.

Силуэт вражеского самолета медленно вползал в прицел Яна. Стиснув зубы, он выжидал: опытный пилот стреляет только наверняка, когда уверен, что удар будет смертельным!

— погоди, рано, еще секундочку, погоди! — шептал Ян. — Все равно не уйдет!..

И когда, наконец, круг прицела заполнила кабина вражеского самолета и Ян отчетливо увидел даже защелки воздушного фонаря, он резко нажал большими пальцами оба спуска — сухо затрещали пулеметы, глухо загрохотала малокалиберная пушка... и вспыхнул огонь.

В следующую секунду Ян понял, что сбил врага: «фокке-вульф» падал в море, тащил за собой хвост бурого дыма.

— Сбил! Ура! — крикнул Ян и тут же спохватился: «Сколько же времени длился бой... Сколько до берега?... Сколько осталось горючего...»

Указатель бензиномера колебался у нуля.

«Залетели! — с беспокойством подумал Ян. — Дотянем ли до своих?» И приказал коротко:

— Возвращаемся! Курс — на аэродром.

Оба «Яка», будто управляемые одной рукой, стали описывать дугу. Поручник Любин с сожалением оглянулся на удирающего второго «фокке-вульфа» и осмотрел горизонт. Вдали,

— Это же наш ежик Мачек!..

освещенная заходящим солнцем, неясно маячила затуманенная линия берега.

«Мальчишка! — ругал себя Любин. — Погнался за фашистом и обо всем забыл! А ведь полет-то разведочный!.. Снова мы не добрались до высоты 117. Вот заглохнут двигатели над морем, что делать будем?»

Небо уже начинало темнеть. Мрак выползал из леса, расстилался по аэродрому. Майор Бжозовский, командир полка, приказал готовить

освещение посадочной полосы. Радист нараспев повторял в микрофон:

— Я — «Земля», я — «Земля»... «Ласточка», где ты находишься? «Ласточка», я — «Земля», где ты?

Майор, нахмурившись, медленно расхаживал рядом. Он чувствовал напряжение пилотов, собравшихся у старта. Никто из них не ушел, когда звали на ужин. Еще два истребителя не вернулись... Быть может, погибли в воздушном бою? А если и живы, то через несколько минут у них иссякнет бензин... Командир полка изредка поглядывал на... щупленького солдата, стоявшего рядом с радиостанцией. Что сказать ему, если Любин не вернется?..

— «Ласточка», я — «Земля», где вы находитесь? — повторял радист.

Стрелка на часах майора неумолимо отсчитывала последние секунды. Вдруг в приемнике что-то треснуло, засвистело, и все услышали чуть хриплый голос:

— Я — «Ласточка», заходим на посадку...

Низко, едва не задевая за вершины деревьев, над лесом мелькнули неясные, бесшумные силуэты истребителей: они шли на посадку.

Машины промчались по траве и замерли неподалеку от старта.

Стукнули отодвинутые фонари, и пилоты враскачку направились к командиру полка.

— Гражданин майор, поручник Любин докладывает о возвращении пары из разведки. Были атакованы двумя «фокке-вульфами». Один из них сбит.

Глаза майора обрадованно заискрились, но лицо осталось спокойным. Он пожал руки пилотам и спросил:

— Атаковали в районе Тужева?

— Так точно, — ответил поручник с ноткой удивления в голосе: «Откуда майор знает?»

— И стали уводить вас к морю?

— Да.

— Ясно. Сходится, — тихо сказал командир и, обращаясь к пилотам, громко добавил: — благодарю за отвагу в воздушном бою!

— Во славу Родины! — вытянувшись, произнесли они.

Майор быстро зашагал к штабу. Маленький солдат бросился Яну на шею.

— Маленький Ян поздравил большого Яна, теперь наша очередь! — весело закричал кто-то из стоявших вокруг пилотов.

Глава II

ТРИ ДРУГА

Поручник Ян Любин спустился в землянку, тщательно задернул вход брезентовым пологом и зажег лампу. Сделана она была из стреляной снарядной гильзы — фитиль торчал в сплюснутых лепестках латуни.

Ян сел на нары, стащил сапоги. Только теперь, когда прошло нервное напряжение, он почувствовал, как устал. Решил не дожидаться

прихода своего соседа по землянке, лечь и заснуть.

Но вдруг треснула сухая ветка, у входа в землянку послышались шаги.

— Здесь живет Янек? — спросил кто-то с русским акцентом.

— Даже два Янека: маленький и большой, — недовольно пробурчал поручник.

Занавеска приподнялась, и в землянку вошел высокий, крепкий человек в форме советского летчика. Под мышкой он держал солидный сверток в промасленной бумаге, в которую обычно заворачивают сигнальные ракеты.

— Я, собственно, к маленькому Янеку. Но его, я вижу, нет? Позвольте представиться. — Он протянул Яну широкую, сильную ладонь. — Капитан Яков Иванов, командир эскадрильи.

— Садитесь, капитан. Нам с вами неудобно стоять — потолок мешает, — усмехнулся поручник Любин.

— Землянка явно не рассчитана на наш рост. Зато сын ваш, наверно, чувствует себя в ней свободно.

— Сын? — Любин покачал головою. — Нет, Янек — сын не только мой. Он сын всего полка. А какое у вас к нему дело, если не секрет?

— Янек — сирота?.. — задумчиво протянул капитан. — Вот как... А я пришел, чтобы поблагодарить его. В последнем бою фашисты прострелили фюзеляж моего бомбардировщика у самого хвостового оперения. Дыру залатать там трудно — слишком уж узко. И тут нам Янек помог. В самый конец фюзеляжа протиснулся и придерживал заклепки изнутри... Вот хочу подарок ему передать. — Капитан развернул бумагу и вынул новенькие, ладные сапожки. — Наш сапожник по мерке сшил.

— Вот будет радости! Отличный подарок, гражданин капитан, — обрадовался Ян.

— Называйте просто Яшей. И расскажите-ка мне лучше о Янеке. Нашим мальчишка очень понравился.

Они незаметно перешли на «ты», поговорили еще минут десять. Наконец Ян спросил Иванова:

— Слушай, где ты научился так хорошо польски говорить?

— Давняя история. В сорок четвертом летали мы к польским партизанам, сам понимаешь — оружие, лекарства, то да се... Тут русский замолчал. — Знаешь, я уж Янеку рассказывал, как дело было, он тебе перескажет.

— Обязательно. Такая балаболка... Да, ты же спрашивал о нем! Ну, что ж, история короткая. Пришел к нам под Варшавой. Принес радиостанцию, снятую со сбитого немецкого истребителя, и заржавленный пистолет. Матери не помнит — умерла перед войной. Отца, рабочего красильни в Лодзи, расстреляли гитлеровцы: был солдатом Армии Людовой. Янек пошел на восток, навстречу фронту, и в конце концов попал к нам на аэродром. Хотели его в детский дом, да он упрямился... Оставили! Свойский: везде пролезет, все разузнает. Уже летал на «курузнике», стрелял из пулемета. Способный,

чертенок, лет тринадцать ему... Сейчас выполняет важное задание — помогает историографу полка. Наносит на карту трассы выполненных полетов. Не мальчишка, а разбойник. Вот я уверен: если б мы с тобой захотели быть там, где его нет, то...

Поручник не успел закончить. Снаружи зазвенела металлическая канистра, кто-то прыгнул сверху к входу в землянку, рванул брезент. Огонек коптилки заметался и погас. Любин, видимо, сразу понял, кто это. Он резко крикнул:

— Стой, а то эпкируешь прямо мне на ноги! Запахни брезент, пострел!

— Поручник, тайна раскрыта. Теперь мы их прихватим и покажем...

Зашипела и вспыхнула спичка. В землянке снова стало светло. У входа, придерживая локтем дерматиновую папку, стоял Янек. Челка светлых волос спускалась ему на лоб, на вздернутом носу блестели бусинки пота. Янек ошарашенно смотрел на капитана.

— Что же ты? Такой разбитной парень и вдруг растерялся? — улыбнулся Ян. — Даже «здравствуйте» не сказал! А капитан, между прочим, к тебе. Во, видал сапоги?!

— Сапоги! Для меня? День добрый!.. Так значит, вы не шутили? А я думал, что вы это так... Спасибо большое!.. Вот это сапожки!

— Мы всегда держим свое слово, — солидно заметил Яша. — Обещано — сделано. Так что не стоит благодарить, лучше расскажи, какую-то такую тайну ты раскрыл?

Янек густо покраснел.

— Если б я мог... Честное слово, это военная тайна...

— Говори смело, Янек, — сказал Ян, — от Советской Армии у нас секретов нет.

Янек убедился, что никто не подслушивает и не подсматривает, и разложил у лампы карту.

— Посмотрите, — сказал он шепотом, — это трассы разведывательных полетов нашего полка. И каждый раз, когда курс прокладывается на Волин, перед высотой 117 что-нибудь случается. То «фонки» нападут, то «мессеры»... Никто еще не пролетал там спокойно.

Наступила тишина. Пилоты внимательно рассматривали красные линии, разбегавшиеся перед таинственной высотой.

— Ты прав, Янек, — прервал молчание поручник. — На меня там тоже два раза нападали и отвлекали в сторону.

— Несомненно, — кивнул Яша.

— Знаете, что мы сделаем? — зашептал Янек. — Мы никому ничего не скажем. Давайте полетим туда. Дядя Яша — на бомбардировщике, а мы его прикроем на истребителе и бумбум! Разбомбим эту высоту!..

— Больно ты горяч, парень. Как же мы без приказа-то действовать будем, — покачал головой Ян. — Пойдем-ка лучше к командиру полка и доложим. — Поручник стал надевать сапоги.

— Идемте, — вздохнул Янек. — Вот только я покормлю Мачека. Мачек! Мачек!

— Вот дьявол! — внезапно воскликнул по-

ручник, лицо его перекопилось от боли. — Надо же где устроился, негодник!

Он рванул ногу из сапога, а потом осторожно встряхнул голенище над столом. Оттуда выкатился свернувшийся в клубок еж.

Мачек услышал, что его зовут, выставил из колючек остренький нос и невинно уставился черными бусинками глаз на пилотов. Потом деловито протопал к блюдечку с молоком.

— Ладно. Не будем ему мешать, пусть ухнет. — Ян погасил коптилку.

Они вышли на летное поле и направились в сторону штаба.

— Дядя Яша, — сказал мальчик, взяв обоих пилотов под руку, — нас было двое: большой Ян и малый Ян, а теперь ты будешь третий Ян. Согласен?

— Согласен, — ответил капитан Иванов.

Глава III

ОБМАН

В северном углу летного поля росли две старые сосны, иссеченные балтийскими ветрами. Порой между ветками мелькали огоньки фонарей, позвякивали гаечные ключи.

— Бак закрой получше... Масло проверено?

— Все готово, только пилота еще нет.

— Здесь пилот, — отозвался из мрака поручник Любин.

— Тогда принимайте машину, гражданин поручник, — отрапортовал старший механик.

Пилот подошел к самолету с удивившим его самого чувством радостной взволнованности. Он был давно знаком с этим старым, почтенным бипланом. Когда-то именно на таком он начинал свою учебу на аэродроме в Григорьевском, где формировалась первая дивизия имени Костюшко.

Немало времени прошло с тех пор — освобождена уже почти вся Польша. Только и осталось выместить врага из Щецина, на другом берегу Одера, да с острова Волин, того самого острова, над которым он сейчас полетит. Только на «кукурузнике», этом тихоходе, и можно выполнить задание, которое он получил.

— Командир идет, — шепнул кто-то сзади.

Ян соскочил с крыла, пошел навстречу.

— Гражданин майор, поручник Ян Любин к полету готов.

— Где наблюдатель?

Наступило неловкое молчание.

— Здесь хорунжий Петровский? — повысив голос, спросил майор.

— Он не приходил, — ответил старший механик.

Кто-то щелкнул каблуками и отрапортовал:

— Позвольте лететь вместо него, гражданин майор. Я готов, задание знаю.

— Кто это? — удивился майор. — Подойдите поближе.

Низенький солдат в комбинезоне и с планшетом, висевшим на ремне через плечо, сделал несколько неуверенных шагов.

— Это ты, Янек? Ничего не выйдет, брат... Сбегайте лучше, ребята, за хорунжим.

Несколько минут прождали. Наконец посланный возвратился и, с трудом переводя дух, доложил, что хорунжего не удалось найти.

— Выкатить машину! — Приказал майор и пошагал вслед за самолетом.

«Дальше взлет оттягивать нельзя, — рассуждал он. — Над целью Любин должен оказаться до восхода луны, иначе его заметят и собьют. Что же делать? Вот дьявольщина! Сам не полетишь, механик нужен здесь. Доктора не пошлешь! — Он испытующе взглянул на низенького, толстенького врача, идущего с ним рядом. — Ладно, пусть летит мальчишка. Ночь темная... Будем надеяться, что с ними ничего не случится».

«Кукурузник» стоял на старте.

— Садитесь. Запускайте двигатель.

Ян забрался в кабину, механик подбежал к пропеллеру.

— Выключено?

— Выключено.

— Малый газ!

— Малый газ.

— Контакт!

— Есть контакт!

Механик изо всех сил дернул за край винта и отскочил. Над полем разнеслось гудение мотора.

Командир наклонился к Янеку, что-то шепнул ему на ухо, пожал руку и отдал честь. Янек приложил два пальца к шлему, сделал поворот кругом и через секунду уже сидел во второй кабине.

Майор, придерживая рукой фуражку, вскочил на крыло и, пересиливая свист ветра, поднятого пропеллером, крикнул:

— Будь внимательнее, Ян, даю тебе в наблюдателя мальчика!.. Ну, пошел!

Самолет неуклюже сдвинулся, покатило по полю, набирая скорость. Он раза два подскочил и внезапно ловко и проворно оторвался от земли. Еще несколько секунд было видно, как он карабкается вверх, становится все меньше и меньше. Затем он пропал, и рокот его мотора стал затихать. Когда шум деревьев заглушил голос самолета, командир сказал:

— Вы, хлопцы, идите латать подстреленную «девятку». А мы с вами, доктор, вернемся в штаб. Тут нам делать нечего.

С летного поля они свернули на лесную тропинку. Шагали молча. Когда проходили мимо землянок, доктор схватил майора за рукав.

— Слышите, кто-то кричит, как будто из-под земли, — зашептал он.

— Из-под земли? Вроде солидный вы человек, — рассердился командир, — а такое выдумываете!.. Хотя, подождите... Правда... Кто-то кричит. Пошли!

Доктор почти бегом следовал за майором, на ходу вытаскивая пистолет.

Крики доносились из землянки: кто-то неистово колотил в дверь, подпертую снаружи шестом и заваленную камнями.

— Кто там?

— Это я, хорунжий Петровский.

— Здесь что-то не так! — сказал майор.

Они быстро управились с завалом и выпустили хорунжего.

— Что за шутки! — сурово спросил командир.

— Не знаю, гражданин майор. Не имею понятия. После обеда вздремнулось. Проснулся, когда уже стемнело. Я к двери, а тут... вы сами видите...

— Гражданин майор, — вмешался врач, — дело начинает проясняться. Перед обедом Янек выпросил у меня два порошка снотворного. Говорит, не может ночью заснуть.

— Ясно, — хмыкнул майор. — Славный паренек, настоящий ангел. Вот вернется, я с ним потолкую!

Он быстро зашагал к штабу, что-то бормоча себе под нос. Доктор поспешал за ним, за доктором — хорунжий Петровский. Они не могли разобрать, то ли ругался командир, то ли посмеивался.

Глава IV

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

Двигатель стрекотал упорно, монотонно. Маленький биплан тянулся вверх. Янек уже давно потерял из виду прямоугольник аэродрома. Они летели в ночь, в темноту. Под ними все более темными становились серые ленточки дорог, все труднее было различать кляксы перелесков. Только речки и пруды, полные весенней воды, поблескивали матовыми зеркальцами.

Совсем неожиданно они влетели в небольшое облако, прорубили его винтом и оставили позади. Янек ощутил, какая под ним высота, и тут же потерял охоту выглядывать за борт. Он стал следить за стрелкой высотомера, светившегося зеленоватым холодным блеском. Стрелка ползла так медленно, что почти нельзя было заметить ее движение. И все же они поднимались — 2 900, 3 000, 3 100 метров...

Вдруг в тарыхтение «кукурузника» вплелось грозное рычание, оно заполнило весь воздух. Янек посмотрел вверх и сжался в комок: над ними — казалось, руку протяни — промелькнули тени двухмоторных бомбардировщиков, скользнули хищные очертания ночных истребителей. Когда он открыл глаза, небо было снова чистым, покрытым крупными звездами, а «кукурузник» стрекотал как ни в чем не бывало. «Они нас не заметили...» — облегченно вздохнул мальчик. Он вытер пот со лба, поудобнее уложил ежика, лежавшего у его ног. «Но если бы они нас заметили, мы дали бы им бой», — размышлял он, забыв о том, что на «кукурузнике» не было никакого оружия, кроме осветительных авиабомб. Он воображал, как бы это произошло: «Они — на меня, а я делаю рывок, нырок, переворот, атакую их с тыла, поливаю из пушек. А потом возвращаюсь на летное по-

ле, меня все поздравляют, удивляются — такой маленький, в одном бою семь машин подбил...»

— Ой-ой-ой! Падаем?! — вдруг испугался он.

— Нет, выходим на цель! Под нами уже фронт! — отозвался поручник.

Янек успокоился, осмотрелся, двигатель теперь работал чуть слышно, на наименьших оборотах, и самолет со слегка опущенным носом шел к земле. Было слышно, как ветер цепляется за крылья. Высотомер показывал 4 000 метров, но его стрелка неуклонно катилась вниз. Почти бесшумно подкрадывались они к тому таинственному месту на карте, до которого не мог дотянуть ни один истребитель.

Янек смотрел вниз и наблюдал за тем, как земля обретает контуры дорог, лесов и полей. Он нащупал спуск бомбосбрасывателя и напряженно ожидал приказа.

— Внимание! — крикнул поручник и показал рукой на что-то впереди.

Янек рассмотрел внизу темную выпуклость, похожую на скосбоченную баранью шапку. Она подползала под крылья.

— Бомбы! — закричал Ян и опустил руку.

— Есть, бомбы!

Янек нажал на спуск. Неожиданно поручник положил самолет на крыло. Он начал поворот с таким расчетом, чтобы не потерять цель из виду. Мальчик высунулся из кабины и с дрожью в сердце ожидал появления света. Есть! Вспыхнула одна, затем вторая бомба. Через секунду яркие круги света вырвали из мрака лес, прямоугольнички плоских крыш и тени людей, бегущих в узкие просеки... Двигатель заворчал, как бы просыпаясь ото сна, — не было уже смысла таиться, — и самолет пошел по широкому кругу над высотой 117.

— Вот вам! — шептал Янек. Теперь поручник все высмотрит и сообщит на аэродром...

На земле широким полукругом засверкали красные огоньки, помчались вверх ожерелья

Фашист, дымя, понесся к земле.

разноцветных бусинок, загрохотало, ухнуло, зашвистело все вокруг. Поручник Любин прибавил газ и, бросив машину вниз, помчался на восток. Дорогу ему преградили черные облачка шрапнельных разрывов. Самолет дернуло, бросило в сторону. Вдребезги разлетелась приборная доска.

— Черт возьми! Палят из шести батарей. Только бы мальчика не задело...

Перед самолетом вспыхнул огонь нового взрыва. «Кукурузник» вздрогнул, как живое существо. Мотор закашлял и умолк.

То, что произошло вслед за этим, длилось всего несколько секунд: поручник Любин, проверив, слушается ли машина рулей, взглянул на лес, ползущий навстречу. Невдалеке виднелась поляна. Он перевел самолет в скольжение, погасил скорость, выровнял его над вершинами деревьев и... приземлился. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: поляна маленькая, двигатель разбит, о ремонте и взлете не может быть и речи.

— Янек! — В окружившей их внезапно тишине голос прозвучал резко и беспокойно.

— Живой! Где мы?..

— Вылезай. Бежим. Сейчас здесь будут враги!

Поручник подбежал к мотору и гаечным ключом ударил по баку. Тонкой струйкой брызнул бензин. Любин смочил в нем платок, чиркнул зажигалкой. Заполыхал, клубясь, жаркий огонь.

Они сорвались с места и помчались в гущу леса. Ветки хлестали по лицу, цеплялись за комбинезоны. Они замедлили было свой бег, но их тут же подстегнули крики и выстрелы ракетниц.

Они бежали. Рубашки прилипли к плечам, сердца тяжело ворочались в груди. В тот момент, когда беглецы решили передохнуть, слышался собачий лай.

— Собаки! Их не собьешь со следа.

— Что же делать? — с тревогой спросил Янек.

Ян положил ему руку на плечо и тихо сказал:

— Будем защищаться.

Двинулись дальше. Между деревьями в свете восходящей луны мелькнула поляна. Когда они пересекали ее, Янек споткнулся и уронил ежика, которого нес за пазухой. Времени на то, чтобы отыскать зверька, не было.

Поручник потянул Янека за руку. Они залегли в яме, под корнями поваленного грозой дерева. Ян вынул из кармана гранату, положил ее перед собой, зарядил пистолет.

Ждали они недолго. Визгливо залаяла собака, выскочив из кустарника, за ней бежали два гитлеровца с автоматами. Они уже были на середине поляны. Поручник Любин поднял пистолет, прицелился...

Вдруг овчарка подпрыгнула, затрясла головой, жалобно завывала и бросилась назад. Солдат прикрикнул на нее. Но собака выла и рвалась обратно. Гитлеровцы побежали за ней.

Наступила тишина. Топот ног и собачий визг

Янек стоял за деревом и ждал, чем кончится разговор командира и большого Яна.

Самолет вспыхнул. Ян и Янек бросились в чащу леса.

становились все тише и тише. Поручник с облегчением вздохнул:

— Повезло нам. Глупая псина потеряла след.

— Пес не глупый, это наш Мачек умный, — запротестовал Янек.

— Какой еще Мачек?

— Не мог же я оставить его одного в землянке. Завернул в портянку и взял с собой в самолет. А сейчас я напустил Мачека на эту овчарку.

— Как это «напустил»? Что ты сочиняешь?

— Ну мы бежали, и я упустил его на поляне...

— Что за мальчишка! — пробурчал поручник. — Возит в самолете ежа, черт знает зачем.

— Но он же нас спас!..

— Ну хорошо. Пойдем дальше. Пока фашисты не разобрались, в чем дело, мы должны успеть забраться в самую чащобу.

Они подобрали ежика, лежавшего на середине поляны, перевязали носовым платком покалеченную лапку и по компасу отправились дальше.

Луна уже стояла высоко, когда они добрались до узкого, поросшего кустарником оврага, по дну которого струился узкий ручеек. Здесь они и решили затаиться.

Отыскивая место для укрытия, они наткнулись на заросшую, присыпанную прошлогодними листьями яму. Поручник на мгновение зажег фонарик и шепнул:

— Старая землянка. Тут нас не найдут.

Ощупывая руками узкий проход, они на короточках поползли в землянку. Ян, двигавшийся первым, вдруг охнул и упал. Не успел Янек понять, что случилось, как его схватили крепкие руки. Кто-то втолкнул ему кляп в рот, кто-то скрутил руки.

Глава V

ТРИ ОГОНЬКА

Майор Бжозовский положил телефонную трубку и взглянул на часы. Нет, ложиться уже не стоит — через двадцать минут в штаб должны подойти пилоты, командир советской эскадрильи, и все вместе они наметят план совместной операции на высоте 117.

Он потушил лампу и, подперев ладонью голову, стал смотреть, как постепенно светлеют пыльные окошки штабной землянки. За окном расхаживал часовой. Вскоре застрекотали сойки, вдали закуковала кукушка.

Майор прислушивался к ней. «Вернутся — не вернутся, вернутся — не вернутся...» И вдруг сердито оборвал гадание. Сам же разрешил мальчишке отправиться в боевой полет...

Если даже они удачно приземлились, то наверняка их схватили гитлеровцы...

Майор опустил голову.

В дверь постучали. Он встал, провел ладонью по лицу.

— Входите!

Пилоты, пригибаясь, входили, докладывали вполголоса и становились вокруг стола. Лица у всех были хмурые: полк уже знал, что поручник Любин не вернулся с задания. Последним отрапортовал советский летчик:

— Капитан Иванов, прикомандирован с целью выполнения совместного налета на высоту 117. Машина к старту готова.

Командир полка разложил на столе схему, подготовленную начальником штаба, и стал объяснять задание:

— Мы получили сообщение от командира артиллерийского дивизиона. Их слухачи определили, что в 23 часа 18 минут в районе высоты 117 зенитные батареи врага открыли сильный огонь. Вам предстоит выяснить, что же там фашисты прячут. Для этого необходимо произвести аэрофотосъемку. План ее будет следующий...

Летчики держали наготове блокноты и карты.

— Первой взлетает третья эскадрилья и навязывает бой вражеским истребителям прикрытия, старается отвлечь их в сторону моря. Вторая эскадрилья через пять минут атакует батареи, укрытые в лесу, и вызывает тем самым огонь вражеских зениток. Следом за ними под охраной пары наших «Яков» летит бомбардировщик капитана Иванова и производит фотосъемку...

— Ну, как там? Готово?

— Еще чуть-чуть, гражданин майор, две-три минуты — и высохнут.

Они стояли перед землянкой фотографов и дымили папиросами. Каждая минута казалась вечностью.

— Ничего рассмотреть не удалось: лес густой, как бараний кожух, — говорил капитан Иванов. — Батареи, обстрелянные перед тем вашими истребителями, не отозвались... Интересно, что мы увидим на снимках.

— Готово! — Лаборант выскочил из темноты, щуря глаза на солнце, и пришил к столу большой лист блестящего картона.

— Читай, — произнес майор Бжозовский командиру отделения аэрофотосъемки.

Худощавый подпоручник в очках взял увеличительное стекло и склонился над столом.

— Снимок выполнен отлично. О! Прошу. — И в его голосе зазвучали нотки профессиональной гордости. — То, чего не различил человеческий глаз, здесь прекрасно видно. Зеленые маскировочные сетки на фотографии отличаются от настоящего леса. У них другая длина световой волны...

— Ближе к делу, подпоручник! — прервал его майор. — Объясняйте фото.

— Есть! Вот эти кружки — зенитные бата-

реи, их семь. Длинный прямоугольник на южном склоне — какой-то объект, нехарактерный для фронтовых укреплений. Трудно сказать, что это... Вот эти полосы внизу, это, скорее всего, прорубленные в лесу взлетные полосы. — Подпоручник измерил их линейкой и добавил: — Видимо, для тяжелых самолетов, для транспортных. Бомбардировщикам они коротковаты.

Наступило молчание. Майор постукивал пальцами по столу.

— Семь батарей, аэродром для грузовых самолетов и это длинное сооружение на склоне... Интересно. Что вы об этом думаете, капитан?

Иванов, который все это время изучал картон, спросил специалиста по аэрофотосъемке.

— А что это за полоска, вот здесь, внизу?

— Это? Ерунда. Кто-то развел костер в овраге...

Иванов и Бжозовский переглянулись.

— Вы думаете, что это...

— Я могу, конечно, ошибиться...

— Один шанс из ста.

— Я доложу своему командиру. Даже, если один из ста.

— Ночью, на «кукурузнике»?

— Да. Приземлюсь вот на этой поляне. Она довольно просторная, с нее можно будет взлететь.

— А если это не они?

Капитан задумался, потер ладонью лоб.

— Как-то я рассказывал Янеку о своих полетах к партизанам. Я думаю, он запомнил, что нашим сигналом в то время были три огонька... Когда он услышит самолет, то... Он должен припомнить! Может быть, спасу их...

— Вы ставите свою жизнь на карту, и на очень ненадежную карту... — Они замолкли. Потом Иванов сказал:

— Ну, я пойду, доложу своему командиру об обстановке.

— Подождите. — Майор Бжозовский вместе с Ивановым вышли из землянки. — Хотелось бы еще сказать вам... А впрочем, что здесь толковать, дайте лучше вашу руку!

Луна светила ярко. С моря на сушу надвигались кучевые облака. Они висели над берегом, как заградительный ряд аэростатов. Внизу темнели барханы леса.

Капитан Иванов крался вдоль цепи облаков, прятал машину в их серой вате, то и дело меняя курс. Земля молчала, но, кто знает, не поворачиваются ли вслед за самолетом стволы зениток?..

Вот наконец он над оврагом, где горел костер, обнаруженный на снимке, над просторной, лесной поляной. Но как долго гитлеровцы позволят ему здесь кружиться? А что, если вышлют ночной истребитель? Куда тут денешься от его пушек? У «фокке-вульфа» скорость пятьсот километров, а у «кукурузника» — сто сорок...

Круг и — бегство в тучку, еще круг, и снова вокруг самолета сомкнулась тьма. Вот биплан врывается в лунный свет. Под крыльями по-

прежнему темный, волнистый лес. И вдруг на поляне что-то блеснуло. Огонек, два... три огонька. Может, случайность, может, там гитлеровцы? Но на размышления нет времени. «Отважился на полет, рискуй до конца!»

Иванов прибавил газ и спикировал. Машина разогналась, выровнялась над кронами деревьев и тихо помчалась к поляне. Не надо ли еще прибавить газу? Хватит ли скорости?.. Порядок! Через секунду машина уже прыгала по кочкам лесной поляны.

Не останавливая двигателя, капитан рывком отстегнул ремни и, выхватив пистолет, гранаты, соскочил на землю.

Кто-то выбежал из леса... второй, третий... Откуда третий? А первый, маленький, это же...

— Янек! — шепчет он, обнимая мальчишку.

— Дядя Яша!

Подбегает еще кто-то, он тоже кричит... И тут до его сознания доходит, что кричит он по-немецки.

Иванов поднял пистолет...

Глава VI

ВАЖНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

— Стой! Яша! Что ты?! — Иванов узнал голос поручника Любина.

— Что все это значит, черт возьми?

Ян обнял его за плечи:

— Ничему не удивляйся. Здесь у нас настоящий интернациональный отряд: немцы, французы, итальянцы, все они бежали из гитлеровского лагеря, с высоты 117... Укрылись в лесу, добыли немного оружия... Но у нас нет ни минуты лишнего времени! С земли наверняка видели, как ты приземлялся, скоро фашисты будут здесь. Вот мое сообщение командиру полка. — Он протянул сложенный вчетверо листок. — Спрячь получше. И немедленно взлетай.

— Хорошо. Ясно... Слушай, Ян, у меня свободно второе место, сел бы ты вдвоем с Янеком...

— Нет, я останусь. Ты должен взять раненого.

— Кто такой?

— Его зовут Ганс.

— Немец?

— Немец.

Несколько секунд Иванов раздумывал:

— Устраивайте его в кабину.

— Я тоже останусь, — вмешался Янек.

— Сейчас же полезай.

— Я не могу тебя одного тут оставить! — зарорал мальчишка.

Ян сгреб его в охапку и перекинул через борт в кабину. Принесли раненого и осторожно усадили в самолет. И тут послышалось ворчание моторов подъезжавших автомашин, сквозь деревья заблестели их фары.

— Скорей! — скомандовал Ян. — По двое — на концы крыльев, откатить машину на тот край поляны, остальные — цепочкой в лес.

Яша вскочил в машину и стал выруливать на

старт. Четыре человека, придерживавшие крылья, помогли ему развернуться. Он махнул им рукой и дал газ.

Сквозь рев мотора пробился треск пулеметной очереди и винтовочных выстрелов. «Кукурузник», разбегаясь, набирал скорость. На него неумолимо неслась темная стена леса. Яша оторвал машину от земли и перед самыми деревьями заставил ее взмыть вверх. Самолет помчался над самыми верхушками. Замелькали вспышки, засвистели пули, но он летел, ощущая, как увеличивается скорость самолета.

Забираться высоко он не стал. Вверху можно было наткнуться на истребителя, здесь, в нескольких метрах от земли, самолет появлялся внезапно, выскакивал из темноты и исчезал, прежде чем ошарашенные гитлеровцы догадывались приложить автомат к плечу.

Когда летели над окопами, им вдогонку понеслась очередь из ручного пулемета, но она только зацепила крыло. Проскочили!

Яша облегченно вздохнул, поднял самолет немного выше и направил его прямо на аэродром.

Их уже ждали. Первым, кто подбежал к машине, был командир полка. Иванов высунулся из кабины и крикнул:

— Привез Янека и раненого!

— Янек ранен? Не слышу. Выключи двигатель!

Мотор еще немного с разбегу попрыгал. Мальчик выскочил из кабины, четко вышагивая, подошел к майору и отрапортовал:

— Гражданин майор, докладываю о возвращении с задания.

Командир обнял его.

— Ладно уж! Где поручник Любин?

Янек опустил голову.

— Остался. А меня отправил. И еще там в кабине раненый.

— Санитаров! — закричал майор.

Он подошел к Яше, стоявшему у простреленного крыла, отстегнул на своем мундире поблескивавшую в лунном свете медаль.

— «Отличившимся на поле чести», — прочел он надпись на ней. — Досталась она мне за полеты над Варшавой. От имени командования вручаю ее вам.

— Служу Советскому Союзу! — отчеканил Яша дрогнувшим голосом. Он достал из внутреннего кармана куртки листок бумаги: — Это донесение поручника Любина.

Сообщение Яна прочли уже в штабе. Оно оказалось кратким и в то же время обстоятельным:

«На высоте 117 гитлеровцы соорудили стартовую площадку для летающих бомб (на южном склоне у вершины). В подземелье проводят опыты по созданию секретного оружия. На строительстве работают заключенные, среди которых много коммунистов. Заключенным грозит смерть — фашисты не хотят оставлять в живых свидетелей. Бомбите

утром перед рассветом. Заключенных мы предупредим, они не выйдут на работу.

Поручник Ян Любин,
зам. командира отряда «Братство».

Майор Бжозовский задумался.

— Это очень важно. Необходимо сообщить командующему армией.

Янек вышел из-за стола, слизнул молочную пенку с губ.

— Я тоже полечу на бомбардировку.

— Рядовой Янек, — усмехнулся майор, — вы целую неделю будете под домашним арестом за то, что закрыли в землянке хорунжего Петровского и обманули командира полка. Пейте молоко, ешьте, рядовой, свой ужин и сейчас же марш в землянку спать.

— Гражданин майор! — Янек вытянулся в струнку. — Я должен лететь, я покажу знак.

— Какой еще знак?

— Партизаны предупредят пленных в лагере, и поручник Любин выложит знак на той поляне, где мы сожгли наш самолет. Я покажу...

Наступило молчание.

— Что с ним поделаешь? — вмешался капитан Иванов. — Когда мы улетали, там завязался бой. Удалось ли партизанам оторваться от гитлеровцев? Смогут ли они своевременно оповестить лагерь? Если не успеют, мы разбомбим и пленных.

Майор Бжозовский сердито сдвинул брови.

— Вы слышали мой приказ, рядовой Янек? Шагом марш в землянку!

— Есть! — грустно ответил мальчик.

И он, понурив голову, вышел.

Командир взглянул на часы.

— Уже поздно. Еду в штаб армии. До встречи, капитан, еще раз благодарю вас от всего сердца! — У дверей он задержался. — А Янек отличный парень, крепкий, что надо, не правда ли? Хотелось бы мне иметь такого сына.

— Отважный, — подтвердил Яша. — Другому после всего этого хватило бы страха на всю жизнь, а он...

Зазвонил телефон.

— Да... да... Вы уверены?... Понял. — Лицо майора потемнело. — Новое препятствие, — повернулся он к капитану Иванову. — Через четыре часа, перед рассветом, над нами пронесется циклон, первая весенняя буря.

Глава VII

ТРУДНАЯ НОЧЬ

Тихий шелест промчался по вершинам деревьев, и все стихло. Поручник Любин посмотрел на небо. «Неужели нагрянет буря?» — тревожно подумал он. На небе спокойно помаргивали звезды, но в воздухе уже повисло какое-то оцепенение.

Прошло двое суток с той поры, как их вместе

с Янеком взяли в плен заключенные, бежавшие из лагеря, расположенного на высоте 117. Когда он узнал этих людей поближе, то удивился стойкости их духа. Однажды, идя на работу, они с голыми руками набросились на гитлеровскую охрану. Несколько человек погибло, остальные, отобрав у гитлеровцев оружие, укрылись в лесу. Они не могли рассчитывать на чью-либо помощь, и, несмотря на это, совершали ночные налеты на посты фашистов. Командовал ими француз Пьер.

Когда Любин объяснил, кто они с Янеком такие и как оказались в лесу, партизаны решили помочь им пробраться через фронт. Прилет Яши изменил планы отряда. Теперь партизаны могли действовать вместе с авиацией. Только бы удался этот совместный план...

Новые товарищи Яна сидели на склоне оврага и дремали, зажав карабины между коленями. Пьер, прислонившись плечом к сосне, прислушивался, беспокояно глядя в ту сторону, откуда должен был вернуться дозор, посланный к лагерю пленных.

Где-то далеко еле слышно зашумели деревья. И вдруг они вздрогнули от ветра. Внезапно ветер навалился на лес, пронзительно засвистел среди ветвей. Редкие, словно пристрелочные выстрелы, упали на землю первые капли дождя.

— Жан! Буря! — крикнул Пьер Яну. — Что будет, если ваши не полетят?

Ян вздрогнул. Буря затрудняла и без того нелегкую задачу. Каждый день отсрочки мог сделать атаку бесполезной, мог стать последним днем жизни узников концентрационного лагеря. Нет, летчики не подведут!

— Я убежден, утром бомбардировщики спижируют на высоту. Только бы не задержался наш отряд. Разведка-то еще не вернулась.

Дождь становился все сильнее, под ударами ветра деревья раскачивались из стороны в сторону.

Разведчики, немец и итальянец, задыхающиеся, насквозь промокшие, вернулись только через полчаса.

— Подпольный комитет лагеря предупрежден. Они задержатся с выходом на работу. И как только начнется бомбежка, разбегутся. Они заминировали заграждения в пяти местах, взорвут их и через проходы все уйдут из лагеря.

— А сигнал на поляне?

— Выложили. Белый квадрат из двух простыней.

— Ну тогда двинулись, Пьер. Уже поздно, мы должны атаковать охрану лагеря на рассвете.

Отряд отправился в путь. Решили идти к лагерю напрямик. Незнакомая дорога, да еще ночью не всегда оказывается самой короткой. Люди натыкались на рвы с крутыми скатами, скользили по глинистым склонам, пробирались сквозь густой кустарник. Хотелось идти быстрее, но ничего на выходило. Измученные люди тяжело дышали. Пьер вполголоса чертыхался. Ян мол-

ча шагал рядом. При вспышках молний они всматривались в колышущийся перед ними лес.

Буря утихла так же внезапно, как и началась. Дождь прекратился. Небо на востоке начало сереть. У всех появилась уверенность, что они успеют вовремя добраться до лагеря.

И вдруг впереди вспыхнула перестрелка: два выстрела из карабина и очередь из автомата.

Схватки уже не избежать! Надо атаковать в лоб, идти напролом. По команде Пьера и Яна партизаны бегом бросились вперед, достигли края лесной просеки и... остановились.

Просека была тихой, безлюдной. При свете взошедшего за тучами солнца было видно, что она до странности гладко укатана. Должно быть, здесь поработал дорожный каток.

У Яна мелькнула догадка: «Это же аэродром!» Он сделал несколько шагов за деревья и вдруг увидел между ними фюзеляж тяжелого транспортного «юнкерса». И в ту же самую минуту услышал урчание подлетающих «Яков» и гудение бомбардировщиков: они шли на высоту 117... Треск автоматов на другом конце просеки отвлек его. Сюда спешила поднятая по тревоге охрана аэродрома.

Ян мгновенно оценил ситуацию: «Пробраться к лагерю мы не успеем, надо...»

— За мной! — крикнул он и побежал к «юнкерсу».

Отстреливаясь на ходу, партизаны бросились за ним.

Глава VIII

НА КРЫЛЬЯХ БУРИ

Буря двигалась на северо-запад, разбрасывая вспышки молний, волоча за собой лохмотья растрепанных туч, будто подметая ими землю.

На высоте в две тысячи метров вслед за бурей шли бомбардировщики. Самолеты выстроились тремя журавлиными клиньями. Выше — истребители прикрытия.

Янек сидел в кресле наблюдателя в ведущем бомбардировщике и сквозь плексигласовый люк в полу кабины разглядывал землю, закрытую темной вуалью облаков. Иванов, придерживая левой рукой штурвал, повернулся к нему.

— Мы уже над островом, сейчас начнется лес.

Между обрывками туч внизу замелькали кудлатые заросли сосняка, березовые рощи, покрытые лужами поляны. Каждая из них казалась Янеку той, которую он искал. «А что, если я ошибусь, если не найду?» — Он ощутил холодок в груди. Янек повис на ремнях, напряженно вглядываясь, и вдруг...

Да, это та поляна. Черный круг сгоревшей травы, остатки «кукурузника». Но полотнища нет, нет сигнала!

— Дядя Яша! — заорал он, чуть не плача.

— Отлично. Я тоже вижу.

Теперь и Янек различил серый квадрат из промокших полотнищ.

Капитан Иванов включил рацию и произнес условный пароль:

— Я — «Сталинград», я — «Сталинград»! Начинаем «Гром», начинаем...

С этого момента все стали действовать по разработанному на аэродроме плану. Бомбардировщики увеличили обороты и, оставив в стороне высоту 117, пошли над морем в бахроме дождевых туч. Одна эскадрилья истребителей взвилась выше, чтобы видеть все поле боя, а две другие ринулись в пики, атакуя высоту, впились в лес когтями очередей.

Атака получилась неожиданной и стремительной. Гитлеровские зенитчики были уверены, что в такую непогоду никто не прилетит, полуодетые, они толклись у выхода из землянок. Несколько раз таякнула зенитка и умолкла, разбитая снарядами пушек истребителей. Наконец тучи над высотой расползлись, воздух занял, рассеченный крыльями пикирующих бомбардировщиков, идущих со стороны моря. Сорвались из-под фюзеляжей черные капли бомб, и ухнула земля. Над лесом выросли дымные кроны разрывов, пронизанные багровыми стволами огня.

Бомбардировщики, скользя по огромному кругу, выходили из пики, взмывали вверх и снова ныряли в атаку. Янеку казалось, что тело его весит сотню килограммов. Как он ни старался, у него не хватало сил захлопнуть свой открывшийся рот.

Когда они в третий раз сбросили бомбы, мощный взрыв всколыхнул машину, потряс воздух. Капитан резко взял на себя штурвал, выровнял самолет, посмотрел вниз и отдал приказ:

— Я — «Сталинград»! Кончай работу! Курс — на аэродром!

— Наступили им на мозоль! — весело крикнул Яша. — Что-то на этой фабрике рвануло! Наверное, склад боеприпасов... Смотрите — от барачков бегут люди!

Янек вдруг понял, что это победа, что они возвращаются домой, и от радости рассмеялся. И тут же на глаза у него навернулись слезы: на аэродроме он не встретит большого Яна, их землянка пуста. И он ничем не может помочь своему поручнику, Ян, может быть, сейчас ведет бой с фашистами... Эх, быть бы ему сейчас опытным пилотом, встретить в воздухе «фокке-вульфа», догнать его и поджечь первыми же выстрелами...

Вдруг в наушниках летного шлема раздался голос капитана:

— Я — «Сталинград», я — «Сталинград»! Справа надо мной «юнкерс». «Ласточки», взять его под охрану и посадить...

Над правым двигателем Янек увидел толстое серое лузо гитлеровского транспортного самолета. Вот он, враг! Янек повернулся на вращающемся кресле, схватил рукоятки пулемета и, почти не целясь, нажал на спуск.

— Прекратить огонь! — услышал он суровый приказ.

Очередь прошла над «юнкерсом», Янек повернул раскрасневшееся лицо к летчику.

— Оставь, — повторил капитан. — Истребители заставят его приземлиться. Возьмем в плен.

До конца полета Янек сидел нахмуренный. Оживился он лишь тогда, когда подкатили к стоянке, выключили двигатели и оказались в окружении механиков. Вдруг кто-то крикнул:

— Смотрите, «юнкерс»!

— Да, — небрежно кивнул Яша, — это наши его сажают.

Грузовой самолет остановился неподалеку. Солдаты из аэродромной охраны побежали к нему с автоматами наизготовку. Отворились дверцы, и на поле спрыгнул... летчик в польском военном комбинезоне, за ним десятка два оборванных, грязных людей. Солдаты в нерешительности остановились, а Янек завопил во все горло «Ура!» и бросился к «юнкерсу», за ним побежали Яша и механики. Теперь уже все узнали поручника Любина.

После первых объятий Ян рассказал, как удалось ему взлететь на «юнкерсе», подготовленном питлеровцами к полету, и прибавил:

— После этого нам только не хватало, чтобы кто-то из вас подбил меня. Какой-то в кипятке купанный! Интересно, кто это?

— Трудно сейчас это выяснить, — уклончиво ответил Яша. — Главное, не попал...

Услышав этот разговор, Янек стал представлять механикам:

— Это Пьер из Тулузы, командир... это — Франц из Гамбурга... Антонио, итальянец.

Он остановился, бросился к Яну и повис у него на шее.

— Это я стрелял, я в кипятке купанный... Но я не буду... теперь никогда... — горячо шептал он.

Подошел майор Бжозовский, обнял Яна и расцеловал в обе щеки.

— Ну что же, тайна высоты 117 перестала быть тайной, она взлетела на воздух. Но главное не это... Прислушайтесь...

Все притихли. С запада доносился глухой грохот, земля подрагивала.

— Что это, буря? — спросил Янек.

— Артиллерия молотит, — прошептал Ян.

— Тысячи стволов, — добавил Яша.

— Да, товарищ, тысячи! — подтвердил майор. — Двадцать минут тому назад началась артиллерийская подготовка. Маршал Рокоссовский идет в наступление на Щецин. Начинается последнее большое сражение. Когда мы прорвем фронт, освободим и тех, кто бежал из лагеря в лес...

Над аэродромом завывала сирена. Боевая тревога! Капитан Иванов побежал к своему бомбардировщику. Поручник Любин обратился к командиру:

— Прошу разрешения на старт!

Вскоре грохот двигателей прокатился по всему полю, стряхнул с листьев капельки дождя.

Янек провожал взглядом самолеты, пока они не исчезли вдали. Потом он встал, потянулся — все тело его ныло от двух бессонных ночей. Сорвал ветку ольхи и, размахивая ею, двинулся по опушке леса.

Коста ХЕТАГУРОВ

ПЕСНЯ БЕДНЯКА

У людей — простор огромных
Комнат: свет, тепло и лад.
А у нас в пещерах темных
Дети с голоду кричат.

У людей — пиры, удачи,
Свадьбы — мир вокруг поет.
А у нас — как будто плачет
Над усопшим тощий кот.

У людей — мясные туши
Провисают с потолка.
А у нас — мышей летучих
Крылья виснут, вот тоска.

У людей не смеет за год
Мельница зерна поток,
А у нас достатка на год —
Лишь один зерна совок.

СИНИЦА

Синица-сестрица,
Так где ж ты зимой?
Просторы и горы
Не кличут домой?

Вот жребий — пить в небе
Всю синь высоты!
Мечтал бы, желал бы
Жить вольно, как ты!

Колыбель легко качаю.
Светит месяц, напеваю:
Милый, вырастай!
А-лол-лай!..

Может статься, выйдешь в
люди
И моим кормильцем будешь
На закате лет
О, мой свет!

Стала жизнь у нас позорной
От работы горской, черной
Твой отец устал.
Ты бы спал!

Если вырастешь, то, мучась,
Повторишь отцову участь.

Ты живи, мужай!
А-лол-лай!..

Обувал бы ты арчита¹
И возил бы ты макита²,
Так влачил бы дни.
Ну, усни!

Мне дрова носил бы, может...
Сердце матери поможет
От горючих бед.
О, мой свет!..

Вырастай, люби наш край ты,
После нас не покидай ты
Наш родимый край.
А-лол-лай!..

БЕЗ ПАСТУХА

В зарослях стадо заблудится, — след
его

Добрый отыщет пастух,
Гибель тебе, молодежь наша, — нет того,
Кто укрепил бы твой дух.

В лес забрела ты, в дремучем
запуталась,

Глупо живешь, без мечты,
И забрелась и плутаешь, как будто бы
Стадо голодное ты.

Если б пастух твой запел над вершиною
С черной скалы — в добрый час.
Если бы он тебя сделал единою,
От разобщенности спас!

¹ Арчита — горская обувь из сыромятной кожи.
² Макита — сплетенное из хвороста приспособление для перевозки сена зимой в горах.

За меня все делает бабушка

Я вспоминаю, как мечтала поехать в пионерский лагерь. И наконец родители меня отпустили. Заманчиво мелькают ромашковые поляны за окном автобуса. Кажется, каждая елка приветливо машет мне лапой... От счастья у меня даже голова закружилась.

Только радость моя была недолгой. В первый же день оказалось, что я не успеваю за всеми. Девчонки утром вмиг запрашивают свои кровати — и на зарядку. А я вожусь со своей ровно полчаса, и ничего не получается. Отряд давно ушел в лес, а я никак не соберусь: то одна вещь куда-то исчезает, то другая... Придет очередь в столовой дежурить, резать хлеб мне нельзя доверять, картошку чистить тоже. Тарелки расставить — и то не доверяют, потому что все валится у меня из рук. Девчонки надо мной смеются, а вожатая удивляется: «Чему тебя только дома учат?» Я подумала. Оказывается, ничему. Все за меня делает бабушка. И кровать убирает, и посуду за мной моет, и за одеждой смотрит. Только что уроки за меня не делает. Я почему-то думаю, что так и надо.

Теперь я решила все делать сама. Ведь так можно стать беспомощным человеком.

ВИКА Н. г. Киев

Здравствуй, Академия Домашних Волшебников!

С большим интересом ознакомились мы с моделями, предложенными Татьяной Ивановной Пироговой, в четвертом номере «Пионера». Нам понравились брючные костюмы. Мы очень хотели бы иметь такую школьную форму на следующий учебный год.

Просим вас напечатать наше письмо, и пусть ребята других школ напишут свое мнение о нашем предложении.

Шестиклассники
средней школы № 2,
г. Лиман.

Ничейная вещь...

Как-то шли мы с братом по берегу реки. Он нашел в траве удочку и смеясь бросил ее в воду: «Смотри, как поплыла!» А мне не было смешно.

Брат удивился: «Чего ты сердишься. Удочка ведь ничейная...»

А я вспомнил, как однажды на перемене ребята футболили чей-то шарф. И я присоединился к ним...

А потом я пошел одеваться. Все на месте: и пальто и шапка, а шарфа нет. Я страшно расстроился: это мамин подарок. И тут я догадался, что сам его футболил... Поплыла по реке «ничейная» удочка. А ее хозяин, быть может, будет ее искать и никогда не найдет.

САША Н. г. Подольск.

Благодарим комитеты комсомола, советы пионерских организаций, общественные организации, писателей, художников, читателей — всех друзей журнала, поздравивших «Пионер» с его 50-летием и высокой наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

Редколлегия и редакция журнала «ПИОНЕР»

Со всех сторон следы

НЕСКОЛЬКО СЛУЧАЕВ ИЗ ИСТОРИИ И ЖИЗНИ ДЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ГОРОДА БОЛОГОЕ

Первое знакомство

— Ребята, как найти детскую библиотеку?
— А чего ее искать? К ней со всех сторон следы!

Маленькие частые следы на тонком городском снегу сбегаются к дверям, как лучи звезды — со всех сторон в одну точку. На дверях вывеска «Детская библиотека города Бологое Калининской области».

Входят сюда все одинаково: сдернет шапку, поерзает подошвами по коврику у порога, скажет вполголоса «Здрате!» и тогда уж вынимает книги из прозрачного непромокаемого пакета.

— До чего, — говорю, — у вас читатели аккуратные. Вот это дисциплина!

Они, отвечают, аккуратные от уважения. В нашем городе к библиотеке большое уважение существует.

Первая книга

РАССКАЗ НАТАЛИИ ИВАНОВНЫ ПАВЛОВОЙ, ЗАВЕДУЮЩЕЙ БИБЛИОТЕКОЙ

Весной сорок четвертого вызывают меня и назначают директором городской библиотеки.

— Чем, — спрашиваю, — заведовать?

— Библиотекой. Ясно задание?

— Нет, — говорю, — не ясно. Разрешите, — говорю, — доложить: здание городской библиотеки разрушено прямым попаданием, книжный фонд частично эвакуирован, частично уничтожен пожаром.

— Помещение вам выделено. Книжный фонд соберете своими силами. Ясно задание?

— Ясно, — говорю. — Разрешите, — говорю, — выполнять?

Взяла я метелочку, детскую жестяную лопатку, рукавицы пожестче — и пошел новый директор собирать книжный фонд.

На том месте, где стояла когда-то детская библиотека, высилась гора обгорелого кирпича. А сбоку осталась россыпь покореженных книг. За зиму смерзлись в ком — не подойти. Как его разберешь?

Рисунок Н. МАРКОВОЙ.

От отчаяния, что ли, пришли мне на память отцовы слова: «Глаза боятся — руки делают». Смела метелкой снег — обнажилась книжная гора. Примерилась лезвием лопаты, осторожно вклинила ее между корешками, нажала на черенок... и вот она в руках, книжка, почти что целая, даже название видно.

Никогда я не забуду эту первую книгу, моими руками спасенную от войны. Грязная, мятая — а живет! И название ее никогда не забуду — такое мирное, с детства любимое: «Хижина дяди Тома».

В этот самый счастливый момент услышала я грозный мальчишеский голос:

— А ну, мотай отсюда! Тоже моду взяли — книгой топить! На Заречной под снегом досок навалом — туда давай топай...

— А ты кто будешь, вояка? — спросила я, как могла мирно.

— Здешний патруль, — с достоинством назвался мальчик. — Охраняю фонд детской библиотеки от несознательного расхищения.

— Будем знакомы, — говорю, — товарищ патруль. Директор библиотеки Павлова. Выходит, товарищ патруль, мы с тобой из одной роты.

Первый читатель

Так они познакомились — директор несуществующей библиотеки Наталия Ивановна Павлова и первый ее читатель Дмитрий Будин.

Митя себя именовал «Командир библиотечного патруля», и Наталия Ивановна всегда его так величала. На самом деле никакого патруля не было. Был один Митя. Он сам учредил эту должность и сам себя посылал на задания.

Потому что был Митя — ЧИТАТЕЛЬ.

Читать он выучился лет пяти, и читал вслух все, что попадет. Он умел даже вверх ногами читать с той же скоростью, что и обычно. Митя долго и честно ревел, прежде чем мать согласилась отвести его, дошколенка, в городскую детскую библиотеку: туда брали только со второго класса.

Библиотекарша раскрыла перед ним книжку с крупными буквами.

— Вам так читать или вверх ногами? — вежливо спросил Митя. Мать на него шикнула, Митя бегло прочел с полстранички, библиотекарша сказала: «Я его беру», — дала маме три книжки, и они ушли. С порога Митя снова напомнил, что умеет читать вверх ногами, но его не услышали.

Это было за два года до начала войны, Мите шел шестой год.

Сейчас ему минуло десять, он учился в пятом классе. Отец был на фронте, мать целыми днями на работе, а Митя полдня проводил в школе, полдня — в библиотеке.

Потом библиотеку эвакуировали, оставшиеся книги спрятали в подвал. А потом в здание попала бомба.

Наступила весна 1944 года, и вокруг зазвучали

волшебные слова: «После победы». Ради прекрасного «После победы» Митя назначил себя в охрану детской библиотеки.

«Батальон»

вступает в строй

Утром Митя проснулся от радости.

В комнате было холодно, за окном темно, и он не сразу понял, откуда шла эта радость. Потом догадался: библиотека!

Мать ушла на работу. Митя убрал со стола, протер клеенку сырой тряпочкой, достал тетрадь в клетку и вырвал листок: не пожалел для такого дела средний двойной, большую по тем временам ценность. На листке накатал крупно: «Ребята! Кто хочет восстанавливать городскую библиотеку, записывайтесь у Будина Дмитрия 5 «А» класс». Нашарил в печке спрятанную с вечера картофелину (отложил от ужина одну, помельче), сдул золу и сунул за пазуху.

До начала уроков Митя успел налепить объявление около входной двери. Он разломил картофелину надвое, потер мягкой ее сердцевиной изнанку листка и прилепил к стене — теперь будет держаться не хуже, чем на клею. Остаток картофелины Митя съел и пошел в класс — пора было.

Он и не думал, что набегит столько народу. Все перемены в пятом «А» толпился народ. К концу дня «библиотечный батальон» стал реальностью, а Будин — знаменитой личностью.

...еще и ветераны войны!

«Батальон» начал боевые действия в тот же день после уроков.

Наталия Ивановна отдавала приказы и следила за техникой безопасности. Старшие мальчики часа за два разобрали балки, добрались до входа в книгохранилище. Ребята из Митино класса и из шестого грузили книги на санки, а малыши, впрягшись четверкой (двое тянут, двое подгоняют), доставляли их к Дому культуры.

Там вахту принимала девчачья смена. Их смена была долгая — не день, не два, не неделя. Каждую книжку надо было, не попортив, оттереть от грязи, подобрать страницы, подклеить... А потом завести на нее библиотечную карточку, внести в каталог и поставить в строй, на полку.

Кто знает город лучше всех? Конечно, мальчишки! Месяца не прошло, как Наталии Ивановне доложили обо всех «бесхозных залежах книг».

Поднимать балки и разбирать кирпичи больше не пришлось. Облазили чердаки опустевших домов, поспрашивали знакомых, порылись каждый в своих богатствах, из газет вырезали

понравившиеся рассказы — такой фонд собрали, что на полках не умещался. И — «Добро пожаловать!» — библиотека открыта.

Представь теперь себе это чудо: холодной военной весной в разбомбленном городе открылась детская библиотека. В библиотеке было тепло: «батальон», пока собирал книги, набрал по развалинам и дровишек. А теперь представь себе, как берегли ребята каждую книгу в этой библиотеке! Это были не просто книги, а еще и ветераны войны.

Тридцать лет спустя

Со дня открытия библиотеки прошло ровно тридцать лет. Ребята из «библиотечного батальона» давно стали взрослыми, а библиотека давно перестала быть чудом.

Что же теперь делать бологовским ребятам? Хвастать героическим прошлым да вздыхать: «Эх, поздно мы родились! В войну и я бы...»

Как бы не так!

Давай походим вместе по весеннему городу Бологое, где лед на озере только тронулся, а почки на деревьях едва набухли.

Сначала — в Дом культуры, в ту самую комнату, где тридцать лет назад первые читатели расставляли по полкам первые книги.

Трудный случай

Сейчас здесь — «младший абонемент», обменивают книги дошколятам и первоклассникам.

На месте библиотекаря строгого вида девочка, за барьером — совсем небольшой читатель.

— Мне клюшку подарили, — сообщает читатель.

— Ну и что? — спрашивает строгая девочка.

— Так весна, — говорит читатель, — так ведь лужи.

Всю зиму Миша ждал дня рождения и, когда спрашивали, что, мол, тебе подарить, отвечал: клюшку. Дождался клюшки, да у зимы не хватило терпения: растекся лужами каток во дворе, потемнел лед на озере.

Мишка подумал и пошел в библиотеку:

— Наталь-Ванна велела: в трудных случаях иди к нам. Я пришел.

— Верно сделал, что пришел, — смягчается девочка, а сама в страхе думает, как тут быть: она-то не совсем еще библиотекарь, она сама школьница из седьмого класса.

— Вот что, Аня. — Это Тамара Григорьевна, дежурный библиотекарь, спешит на помощь. — Ты дай Мише книгу про хоккей: там сказано, как летом тренироваться.

В «трудном случае» Тамара Григорьевна подсказала, а со всем остальным Аня Гаврилова справилась без нее: выбрала для Миши еще и книжку сказок, отметила в карточке, что по-

лагалось, аккуратно заполнила формуляр. Тамара Григорьевна в это время занималась старшими ребятами.

— Мы без таких, как Аня, пропали бы! — говорят библиотекари. — Вон их у нас сколько, помощников: Галя Шутова, Лена Филиппова, Таня Платонова... И все умелые: книги примут, расставят по местам, формуляры найдут, заполнят, а за неаккуратность так отчитают, только держись!

Четверть века работает при библиотеке «Клуб пропагандистов книги», наследник «библиотечного батальона». Ребята из клуба учатся помогать библиотекарям, а когда нужно, могут их заменить.

Возьми—зачитаешься!

Малыши от избытка уважения называют его по имени-отчеству, Владимиром Валентиновичем. Для них Мирошин — существо высшего порядка: десятиклассник.

Они и родителей заразили своей почтительностью. Те приходят, спрашивают у Вовы:

— Неужели вы все книги в библиотеке прочли?

— Так она же для младшего возраста! — отвечает Вова.

— И про каждую знаете, где она стоит?

— Так мы же их сами расставляли!

— И умеете по глазам узнавать вранье?

— Нет, — говорит серьезно Вова, — это они врать не умеют.

Удивительный человек Вова Мирошин, старший из тех, кто работает в детской библиотеке-передвижке. Библиотека эта целиком ребячья: старшие школьники устроили ее для малышей заводского района, чтобы тем не топать через весь город в Дом культуры.

Вова Мирошин по своему высокому положению десятиклассника тут вроде методиста: делится опытом.

— Я что заметил: малыши не любят отвыкать от легких книжек. А это важный момент: приохотить человека к трудному чтению. Я всегда так выбираю книжки малышам, чтобы каждая следующая была труднее прочитанной. Если любит про зверей, прочитал «Обитаемый остров» Геннадия Снегирева, дам ему «Лесную газету» Виталия Бианки. Они, хитрый народ, не соглашаются. Видят: буквы помельче, картинок поменьше и вроде книга ему на вид не нравится. А как откажешься? «Я, — говорит, — эту читал». Даю другую, еще толще: «Жизнь животных» Брема. «И эту, — говорит, — читал». Тут уж видно, что заливает. Спрошу для верности что-нибудь совсем несуразное: «Войну и мир» читал?». «Читал, — сопит, — давно уж читал». «Ну, — говорю, — возьми пока «Лесную газету» — зачитаешься!»

Отсюда и пошел у них между собой слух,

что умеет, мол, Мирошин по глазам узнавать вранье. Ладно, пускай говорят. Для пользы дела не мешает.

Сам я уважаю научную фантастику. Я считаю, что человек не может правильно воспринимать современность, если не читал фантастики. Разве теорию относительности поймешь, если твой ум не подготовлен чтением научно-фантастической литературы? И о будущем обществе фантасты заманчиво говорят. Библиотекарем? Нет, я лично не буду библиотекарем. Я люблю машины, мотоциклы особенно. Но в библиотеку я всегда дорогу найду. И в ней не потеряюсь.

Вова Мирошин, Галя Дмитриева и другие ребята из ближайших школ каждый день дежурят в библиотеке-передвижке, самостоятельно, без помощи взрослых справляются со всей работой.

День рождения

От библиотеки-передвижки два шага до школы № 10. Пошли туда: там сегодня клуб «Книголюб» собирается.

У входа в зал — плакат:

Мы с днем рожденья поздравляем
Любимый клуб наш «Книголюб»,
От всей души ему желаем,
Чтоб сердцу был он мил и люб.
Рассказов было б в нем побольше,
Да жил бы он у нас подольше!

Вот здорово попали — на день рождения. «Книголюб» минуло нынче год. Как полагается в день рождения, позвали гостей (всех старшеклассников), притащили пирог (пекли вдесятером, несли вшестером, уместили на двух столах, хватило на всех), затеяли игры — исключительно литературные. Всего больше шуму было от викторины, когда задали вопрос: в каких литературных произведениях упоминается наш город? Один кричит:

«Лев Толстой «Анна Каренина». Другой: «Повесть о настоящем человеке». Третий... «Путешествие из Петербурга в Москву» вспоминает, а там руку тянут: «Фадеев», «Сергеев-Ценский»... «Вильям Козлов».

Когда старшие выдохлись, какой-то малыш незваный заглянул в дверь и прочитал с выражением: «Это что за остановка,

Бологое или Поповка?» и — шмыг — спрятался в коридор.

Раз в месяц собирается в 10-й школе клуб «Книголюб». Говорят там о книгах: кто что прочитал и кому что понравилось. Часто в гости к «Книголюб» приходят писатели — рассказать о своих книгах и послушать, что думают о них ребята. Говорят все по-честному, и уговор есть: не обижаться.

Кто такой пропагандист?

Наследники «библиотечного батальона» называют себя «пропагандистами книги».

Пропагандист — это человек, который свою любовь умеет передать другим людям. Ребята из «Клуба пропагандистов книги» своей любовью к книгам стараются заразить всех.

В одной школе устроили вечер Маяковского. Читали наизусть стихи, каждый — свое любимое: когда читаешь то, что самому тебе нравится, всегда получается выразительнее. Потом в библиотеке на сборники Маяковского выстроилась очередь.

В Доме культуры спектакль поставили по повести Гайдара «Тимур и его команда». Пришли триста человек, некоторые взяли с собой родителей. Зрители хлопали вовсю, а актеры до того вошли в роль — не желали разгримировываться: Квакин чуть домой не пошел в сценическом костюме, босиком. Со следующего дня на «Тимура» — особый спрос.

«Пропагандисты» не ждут, чтобы к ним пришли за книгой. Они сами ищут читателей. Ходят по школам, рассказывают в младших классах о своих любимых книгах. Получается вроде лекции — надо и коротко, и поинтереснее, с выражением, чтобы никто не соскучился. И, конечно, смелость нужна. А то на одну девочку, говорят, в дверях класса такой напал ужас, что она по перилам съехала на первый этаж, спряталась от своих слушателей.

Бологое — маленький город. Нет там ни знаменитых новостроек, ни старинных развалин.

Ничем вроде бы не примечательный город. — Нет, — говорят бологовские ребята, — очень даже примечательный: у нас город книжный. У нас с русской литературой очень тесные связи.

*

Приехала новая смена в лагерь. Познакомились, разместились, похвалились своими сокровищами: кто захватил боксерские перчатки, кто теннисную ракетку особенную, кто морской бинокль. И каждый, конечно, книгу поинтереснее. В первый день достали ребята свои книжки, раскрыли да к вечеру и дочитали.

Давай, решили, меняться! Кто с охотой меняется, а многие с заминкой: тебе, думают, дашь, а ты уголки загнешь или, того хуже, потеряешь.

Наш вам совет: в самые первые дни соберите свои книги в общую отрядную библиотеку. Из ребят-книжников (такие в каждом отряде найдутся) выберите Главного хранителя книг. Он решает, кому и на сколько дать книгу, он проверяет, чтоб вернули в целостности. Только, чур, кого выбрали, того слушаться!

Самые интересные прочитайте вслух и вместе подумайте, чем они вам понравились.

А потом напишите нам.

*На этот раз
в редакцию «Пионера»
пришли змееловы.
В центре стоит
редактор Б. Ивантер,
справа — писатель
А. Некрасов.*

Удивительный человек

Ивантер был удивительный человек — бодрый, добрый, ясный. И необыкновенно талантливым, обладавший каким-то особым даром самым простым вещам сообщать увлекательность, умением интересно все повернуть и раскрыть с неожиданной стороны. После разговора с Ивантером хотелось поскорее узнать досконально обо всем, о чем он рассказывал, хотелось в самом точном значении этого слова учиться. Потому что и сам он был всегда увлечен стремлением узнать что-то новое, еще небывалое. Да и увлеченность его была какая-то юношеская, свежая, нерастраченная. А новое открывалось ему в нашей жизни на каждом шагу. И он замечательно умел показать эту новую жизнь в «Пионере», который он редактировал около десяти лет.

В 30-х годах этот журнал пользовался необыкновенным успехом. Цветную его обложку нетерпеливо переворачивали и дети и взрослые. И, пробежав оглавление, принимались читать повести, рассказы и очерки — про школу, про события в Испании, про летчиков и танкистов, про большевиков на Се-

верном полюсе, про легендарные походы гражданской войны, про подвиги мифического Геракла, про путешествия вокруг света, про «университет неотложных дел», вплоть до задач, кроссвордов, фокусов и загадок. Была в этом журнале масса выдумки, изобретательности, простых и умных решений, острое чувство времени, понимание величия совершающихся вокруг тебя дел, педагогический и журналистский талант людей, выпускавших этот журнал. Ивантер работал в «Пионере» с азартом.

В 1936 году я знал еще понаслышке только, что есть такой Бенъямин Абрамович Ивантер. И представлял его себе, если не маститым, то уж, во всяком случае, солидным.

Вдруг в большую редакционную комнату Детгиза с шумом и звонким, заливистым смехом вошел человек лет тридцати трех, крепкий, сероглазый, белозубый, очень славный, очень открытый и... совершенно седой. На смех его сбежались детгизовцы из соседних редакций. Энергия, казалось, распирала его, переполняла комнату.

Нас познакомили. Через пять минут Ивантер, выгнав, что в моем портфеле имеются репродукции пушкинских портретов, пушкинских рукописей, прижизненных изданий, памятных мест и принадлежавших Пушкину вещей, отобрал несколько фотографий и объяснил, как их надо будет подать в «Пионере». Музейные экспонаты ожили. Сто лет спустя их снова коснулась рука поэта. И этот поэт журнального дела заставил нас ощутить на секунду живое присутствие Пушкина. Ивантер очаровал меня. После этого я часто стал заходить в «Пионер».

Друзья Ивантера называли его в просторечии Боб. По неисповедимой страсти к переделкам имен я стал называть его Беном.

Летом тридцать седьмого года я поселил семью в Грузии, возле Сурами. Ивантер, его жена и дочка решили ехать со мной. По дороге Ивантер с пристрастием расспрашивал меня, что я делаю. В то время я уже занимался Лермонтовым, написал свою первую статью и был уверен, что занятия мои не могут иметь к «Пионеру» ни малейшего отношения. Я рассказал, как мне пришлось возиться и мучиться, чтобы расшифровать инициалы московской красавицы Н. Ф. Ивановой, которую Лермонтов скрыл в посвящениях своих стихов под буквами Н. Ф. И., как удалось мне отыскать в Москве внучку Ивановой, а у внучки — портрет Н. Ф. И., а потом напасть на след старинного семейного альбома, в котором оказались еще неизвестные лермонтовские стихи, посвященные той же самой Ивановой.

— Из этого же может получиться детективная повесть! — вскричал Ивантер. — Если ты не можешь ее написать, мы пригласим в редакцию стенографистку и посадим перед тобой ребят. А потом ты обработаешь запись, и мы дадим это в февральский номер.

Так появился в печати мой первый рассказ. Ивантер посоветовал мне назвать его «Загадка Н. Ф. И.».

Когда в августе сорок первого года я увидел его в Московском клубе писателей в военной форме, необыкновенно серьезного, судьба разлучала нас.

Он уехал на фронт.

Незадолго до этого вышла в свет книжка его рассказов «Моя знакомая». Один рассказ мне особенно понравился в ней — «Мальчишка». В ту пору она прошла почти незамеченной: не ко времени вышла. Между тем в ней чувствуется та же героическая романтика, которая бушует в рассказах друга Ивантера Аркадия Гайдара: оба они того славного комсомольского поколения, которое мужало в годы гражданской войны, и стремление к подвигу, чувство локтя, потребность поделиться всем — и духовным и материальным — были у Бена в крови.

В январе 1942 года я был назначен в газету Калининского фронта, а в феврале отправ-

лен в расположение 4-й ударной армии, стоявшей тогда в районе смоленского города Велижа. Дорогой, завернув в редакцию армейской газеты «Врага на штык», я узнал неожиданно, что сейчас увижу Ивантера. Он выскочил на мороз в одной гимнастерке, был оживлен, звонко хохотал, говорил громко и бодро. Приятно было глядеть на его славное смуглое лицо, на седую курчавую голову, на всю его складную, сильную фигуру, по-прежнему ощущать его шумную, неутомимую юность. Он состоял в газете писателем. В то время была такая должность.

В тот же вечер он показал мне вырезки — целый ворох веселых стихов, фельетонов, заметок и очерков.

Очерки меня удивили. В них не было и следа торопливой небрежности. Для малоформатной армейской газеты Ивантер умудрялся писать тонкие, поэтичные, очень серьезные портреты бойцов и командиров, раскрывать внутренний мир этих людей. Долг журналиста на фронте Ивантер выполнял вдохновенно.

Когда я с одним из работников нашей газеты возвращался обратно из партизанских отрядов смоленского Бати и снова заехал в редакцию армейской газеты к Ивантеру, я его не застал. Его вызвали к нам — в Политуправление фронта. Задумали издать сборник, посвященный бойцам, отличившимся на Калининском фронте. И тут вспомнили об Ивантере, о его умении находить и организовывать увлекательный материал.

Вот тогда-то и повидались мы с ним. И я полюбил Ивантера всей душой. Впрочем, его любили решительно все, кто ни встречал его. Открытость его подкупала, располагала людей, с Ивантером становились другими самые замкнутые.

Задумали мы тогда с ним пробраться летом в партизанский край к Бате. Решено было, что в июне я возьму командировку к нему, в 4-ю ударную армию, и поедем. А меня в июне послали, да не в ту армию. Отправили в 31-ю, стоящую в то время за Старицей. Я написал открытку Ивантеру, сожалея, что не поеду с ним вместе и не побываю снова у Бати.

Вернулся из дивизии в редакцию армейской газеты.

— Ты слышал?

— О чем?

— Ивантер убит!

Сколько ни проживу, не смогу забыть этого часа!

Время идет. Мы стареем. А Ивантер остался молодым в своих книгах и письмах, остался молодым в нашей памяти. Впрочем, он не мог постареть! Такой был характер! И, наверное, был бы сейчас таким же, каким мы знали его всегда и каким навсегда запомним!

Ираклий АНДРОНИКОВ

НАВЕКИ В СТРОЮ!

Идут годы, сменяют друг друга десятилетия, а память о Гайдаре — гражданине, писателе, воине, вожатом, любовь к нему комсомольцев, пионеров, всей советской молодежи не угасает. И это понятно: книги Гайдара любимы миллионами советских ребят. Героическая сказка про Мальчиша-Кибальчиша учит октябрят честности и верности слову, своему народу. Надев красный галстук, юный гражданин следует примеру смелого Тимура и его команды, отважного барабанщика. Готовясь в комсомол, мальчишки и девчонки стремятся быть похожими на героев «РВС» и «Школы». Сам Гайдар эту великую школу прошел дорогами революционных бурь и гражданской войны, грозными путями Великой Отечественной. Жизнь Гайдара — это подвиг.

Сегодня на вопрос «делать жизнь с кого?» пионеры отвечают: с героев революции, с Павла Корчагина, с Александра Матросова, с молодогвардейцев, с Юрия Гагарина... В этом ряду они называют и имя любимого писателя — Аркадия Гайдара.

Вся жизнь писателя была связана с революцией, с Ленинским комсомолом и пионерией. Гайдар любил детей, понимал, уважал их и умел говорить честно, на равных

о самом важном. Он считал, что ребята должны готовить себя к жизни мужественной и стойкой, ибо им продолжать дело отцов, дело революции.

«Тимур и его команда» — книга удивительной судьбы. Тридцать четыре года ведет она за собой тимуровское племя, которое делами и добрыми поступками продолжает жизнь этой повести. «Ради этого стоило жить», — сказал Гайдар, когда встретился с тимуровцами прифронтового Киева, услышал о их делах. Тогда писатель еще не знал, что тимуровское движение, одобренное и поддержанное ЦК ВЛКСМ, получит все-союзный размах.

На 1-м Всесоюзном слете тимуровцев в Артеке, посвященном 70-летию со дня рождения Гайдара, воинским салютом, минутой молчания юные ленинцы — делегаты от всех союзных республик — почтили память отважных Тимуров Одессы и Севастополя, блокадного Ленинграда и Москвы. От имени двух миллионов тимуровцев страны отдали салют Тимурам фронта и тыла, тимуровцам всех поколений, чья забота и теплота согревали тысячи и тысячи бойцов и их семей. Да, ради этого стоило жить!

Сейчас по всей стране дейст-

вуют тимуровские отряды и команды, выполняющие задания комсомола, Всесоюзного штаба Тимура при редакции журнала «Пионер», с которым была связана писательская судьба Гайдара.

Много полезных и добрых дел у тимуровцев 70-х годов, но главным, как и прежде, остается забота о героях войны и труда, о малышах, помощь стране и народу там, где нужны умелые руки.

Одно из писем своему другу А. П. Гайдар начал с вопросов: «Где ты? Кого любишь? Кого ненавидишь? С кем и за что борешься?..» Сам Гайдар всегда точно знал, кого любить, кого ненавидеть и с кем бороться. Любить — нашу Советскую Родину. Ненавидеть — ее врагов. Бороться — со всем, кто мешает нашему продвижению вперед, бороться за идеалы коммунизма. Всем своим творчеством, всей своей жизнью он утверждал это. И этому учил своих юных читателей.

ЦК ВЛКСМ присудил А. П. Гайдару премию Ленинского комсомола. В Артеке открыта мемориальная доска писателю, перед Дворцом пионеров на Ленинских горах стоит памятник отважному Мальчишу-Кибальчишу. Сотни тысяч ребят ежегодно посещают библиотеку-музей А. П. Гайдара в Каневе. По всей стране проходят тимуровские слеты, сборы и конференции, посвященные творчеству любимого писателя. На полках библиотек — миллионы экземпляров гайдаровских книг, переведенных на многие языки мира. В самые тяжелые дни борьбы вьетнамского народа за свободу и независимость для детей печатались книги Гайдара.

Гайдар навеки в нашем строю!

**Из выступления
А. В. Федуловой,
председателя Центрального
Совета Всесоюзной пионерской
организации
имени В. И. Ленина
на вечере, посвященном
70-летию со дня рождения
А. П. Гайдара**

**РАССКАЗЫ-
ВАЮТ ТИМУРОВЦЫ ГОРО-
ДА ДРЕЗДЕНА.**

ВНИМАНИЕ!

ЗАРУБЕЖНЫЕ

СООБЩЕНИЯ

«...57-я средняя школа создала тимуровский штаб. Мы готовы помогать пожилым жильцам этого дома. Мы можем подметать, вытирать пыль, делать покупки, приносить уголь для печей и выполнять домашние работы».

Такие объявления появились на многих домах вблизи 57-й средней школы в Дрездене. Кто-то из взрослых засомневался: смогут ли пионеры выпол-

сидят за книги. Еще успевают проводить интересные сборы, ходить на занятия кружков. Мануэла занимается в кружке «Юные регулировщики». Андреа поет в пионерском хоре. Первыми придумали создать штаб Тимура в 57-й школе четвероклассники. Они прочли книгу Аркадия Гайдара «Тимур и его команда» и тоже захотели помогать людям, которые нуждаются в их помощи.

Мы можем подметать и вытирать пыль, ухаживать за садом и собирать макулатуру... Мы — тимуровцы.

нить все, что они обещают, можно ли будет на них положиться?

Фрау Ноак тоже сомневалась. Фрау Ноак исполнился восемьдесят один год, и ей трудно одной справиться со всей домашней работой. Мануэла Просе и Андреа Гауфе, девочки из 7 «Б» класса, стали приходить к ней каждую неделю. По понедельникам, вторникам, средам и четвергам они подметают полы, в пятницу приходит черед щетки и мастики для натирки полов. Андреа и Мануэла вытирают пыль, ходят в магазин и все это делают с охотой. Они рады тому, что фрау Ноак хорошо себя чувствует. Однажды девочки узнали, что немало забот доставляет фрау Ноак ее маленький сад. Девочки тут же взяли лопаты и садовые ножницы и привели сад в порядок.

Вот так, как Мануэла и Андреа, помогают пионеры 57-й школы пятидесяти пенсионерам.

А как обстоит дело с помощью собственным родителям? «Наши обязанности по дому для нас сами собой разумеются», — говорит Мануэла.

Конечно, тут нужен точный режим дня, чтобы все успеть и получать хорошие отметки в школе. Поэтому, вернувшись от фрау Ноак, Андреа и Мануэла

Задание ВСЕСОЮЗНОГО ШТАБА

Летом осуществимы самые долгожданные встречи. Лето — время дорог. Школьники из Польши, ГДР, Болгарии едут в Советский Союз. Ребята из СССР едут в Варшаву, Берлин, Будапешт, Софию... Ереванцы отправляются в Москву, москвичи — в Сыктывкар, ленинградцы — в Алма-Ату... И тебе, разумеется, предстоит встречи с друзьями-тимуровцами из других городов и стран. Как помогли тебе эти встречи в тимуровской работе, какими заботами поделился ты с друзьями, что узнал нового? Об этом расскажи штабу.

...Медведи и жирафы...

Сейчас лето. Июнь. Если ты москвич, то уж, конечно, съездил в апреле или в мае на Красную Пресню в зоопарк. Пробежал вдоль широченного пруда, поудивлялся на гогочущее, плещущееся, пищащее птичье царство. Навалившись на перекладину загородки, не отрываясь, следил, как пестрая казарка гоняет корку хлеба, как она то ныряет, разводя радуги по беспокойной воде, то плывет, кланяясь вправо-влево, влево-вправо своей точеной го-

ловкой. Завороженно застывал у вольера с тигром или у бассейна с горой-бегемотом.

Это летом.

А художник Дмитрий Дмитриевич Пивоваров не считал, что в зоопарке интересно только в теплые дни. В осенний дождь, в январский снегопад он тоже бродил по аллеям и аллеям с папкой и карандашами. И рисовал.

Помнишь, в мае на выставке в Манеже мы говорили с тобой о специальностях художника. Художник может быть и живописцем, и графиком, и проектировщиком. Дмитрий Дмитриевич был художником по печати, он занимался точностью и красотой печати журналов, которые выходят в издательстве «Правда», — знакомых тебе «Огонька», «Смены», «Работницы», «Крокодила» и твоего «Пионера».

Если Дмитрий Дмитриевич говорил: вот такой-то рисунок будет хорош в печати, а такой нет — смею тебя уверить, так и могло полу-

читься. Могло, но не получалось: тот рисунок, который хорош не будет, приходилось исправлять, потому что плохо печатать нельзя.

А еще Дмитрий Дмитриевич вел художественную студию, где занимались и взрослые и ребята. А еще он писал красками пейзажи и портреты... Но рисовать зверей, пушистых, быстрых, лукавых, было его самым любимым занятием. Он и ученикам своим говорил: «...Попробуй порисуй кошку, когда она греется на солнце или когда она следит за воробьями, попробуй передай эту разницу состояний. Расслабленность и напряженность... Присмотри к собаке, когда она ждет у магазина свое-

го повелителя и друга — хозяина. Попробуй передать горечь разлуки, понурость».

А уж в зоопарке для художника раздолье! Добрая, плюшевая жирафа. Печальный без своей пустыни верблюд... Добродушный попрошайка-медведь, артистично подыгрывая лапами, требует очередной леденец..

Только не рисуй на клочках. Заведи хоть ма-

Дмитрий Дмитриевич Пивоваров.
Автопортрет.

ленький альбом. Через полгода-год сразу увидишь, как двинулась в умении рука, как развился глаз, как научился ты понимать и любить пушистых, быстрых, лукавых зверей...

Н. ПЕТРОВСКАЯ

В гостях у «экспоната»

ФЕЛЬЕТОН

Недавно меня назначили вожатым в четвертый класс «А».

— Ребята там хорошие, — сказали мне, — есть, правда, один экспонат — Генаша Кузин.

— Что вы имеете в виду? — насторожился я.

— Да так... — ответили мне туманно. — Сам узнаешь.

Мне захотелось поскорее познакомиться с отрядом. Стараясь изо всех сил выглядеть солидно, я распахнул дверь.

— Здравствуйте, — сказал я. — Я ваш новый вожатый.

В классе воцарилась настороженная тишина. «Кто же из них «экспонат»? — думал я, вглядываясь в лица ребят. — Может, этот вихрастый? Или вон тот с чернильной кляксой на лбу? А может, тот, который охотится за мухой на последней парте?»

— Ребята, — спросил я, — кто из вас Гена Кузин?

— Генаша?.. А его сегодня не было! — выкрикнули с последней парты.

— Заболел?

Класс дружно захохотал, как будто я сострил. Мне тут же стало понятно, что в классе нет человека здоровее Генаша.

Поговорив с ребятами, я спросил, между прочим, адрес Кузина. Точно никто не знал. Но как найти его дом, объяснили: второй после булочной.

— Ты там спроси во дворе. Генашу все знают, — заверили меня.

Первый, кого я встретил в Генашинном дворе, был стриженный наголо мальчишка, который подкидывал головой мяч.

— Двадцать шесть... двадцать семь... — считал он.

Голова и мяч были так похожи, что временами казалось, будто они меняются местами.

— Послушай, — сказал я, — не знаешь, где тут живет Гена Кузин?

Стриженный повыше подкинул мяч и успел с интересом посмотреть на меня.

— А зачем он тебе? — спросил он. — Двадцать восемь... двадцать девять...

— Я его пионервожатый.

— А-а-а! Прорабатывать пришел!.. Давай, давай. Правильно... Тридцать... тридцать один... Он живет в десятой квартире. Только, знаешь что?.. Тридцать два... тридцать три... — Стриженный наморщил лоб.

— Что?

— Его голыми руками не возьмешь. Хитрый, черт! Тридцать четыре... тридцать пять... Придуряться начнет, мозги крутить: и школу он не прогуливал и старшим не грубил...

— Не беспокойся, — перебил я доброжелательного мальчишку. — Меня не проведешь.

Я направился к подъезду.

— Тридцать шесть... тридцать семь... — доносилось сзади. — Если он будет врать, что его зовут вовсе не Генашей, дашь ему по кумполу. Я разрешаю... Тридцать восемь...

Дверь мне открыл светловолосый парнишка в спортивном костюме.

— Здравствуй, — сказал он.

— Это ты? — спросил я, пристально вглядываясь в его лицо.

— Да. — Он отступил на шаг.

— Тогда я к тебе. Здравствуй! Я ваш новый вожатый. Зовут меня Виталий.

— Очень приятно. Проходи, пожалуйста. — Генаша сделал гостеприимный жест.

«Хитер, — подумал я, — прикидывается, значит, таким вежливым. Погоди, я тебя выведу на чистую воду».

— Присаживайся, — предложил Генаша, как только мы очутились в комнате.

«Действительно, типчик», — подумал я и рубанул сплеча:

— Почему сегодня не был в школе?

— Я?!

«Спокойно», — заметил я себе, а ему сказал:

— Я был в твоём классе, но тебя там не видел.

— Я тебя тоже не видел.

«Наглец», — хотел было крикнуть я, но сумел сдержаться.

— Правда, меня вызывали к директору... — добавил он.

— С родителями? — поинтересовался я.

— Нет. Директор попросил меня выступить в соседней школе.

— Выступить? — Я так и подскочил.

— Ну да, сыграть Второй венгерский танец Брамса.

Мне стало не по себе. Я смахнул платком пот со лба. «Сейчас ты у меня попляшешь».

Генаша сказал:

— Хочешь воды? Сегодня так жарко.

— Послушай, Генаша!..

— Можно просто Гена, — скромно заметил он.

«Крепкий орешек, — оценил я Генашино самообладание. — Нет, с наскоку его не возьмешь». И я перешел к осаде.

— А вообще-то врать нехорошо.

— Это верно, — согласился он.

— А старшим врать нехорошо вдвойне.

— И я такого же мнения, — кивнул он головой.

Я понял, что вести длительную осаду тоже бесполезно.

«Да, голыми руками его не возьмешь, — вспомнил я предостережение стриженного. — Нужно заманить Кузина в ловушку. Как Кутузов Наполеона».

— Сознайся, только честно, — вкрадчиво сказал я, — ведь трудно быть примерным? Иногда хочется смотаться с уроков, особенно с последнего.

— Никогда, — отрезал Генаша. — А с последнего урока меня даже в кино не затацишь.

— А разве плохо на перемене съехать с третьего этажа по перилам?

— Только штаны протирать.

— Ах ты брехун! — не выдержал я. — У кого отобрали дневник за катание по перилам?.. Кому вlepили четыре двойки за три дня?.. Не тебе? Отличничек! Кто прогуливает половину уроков?.. Не ты?

— Нет, не я, — спокойно возразил Генаша.

— Значит, ты святой? Святой Геннадий! — прокричал я шутовским голосом.

— Во-первых, никакой я не святой. И тем более не Геннадий.

Хоть я и помнил совет стриженного, но все же вцепился в поручни кресла, чтобы не дать Генаше по кумполу.

— Во-вторых, — продолжал Генаша, — ты, как старший товарищ и пионервожатый, должен подавать мне пример, а не ругаться...

После этих слов я понял, что сегодняшнее сражение мне не выиграть. Стараясь сохранить достоинство, я посмотрел на часы и сказал:

— Мне пора.

— Приходи еще, — сказал Генаша, вежливо проводив меня до двери.

Щелкнул замок, дверь захлопнулась. Я вздохнул. «Ну и тип! Экспонат! Экземпляр!»

В это время веревка подсекла мне ноги, я пошатнулся, и тут же меня окатило холодной водой.

Пока я соображал, в чем дело, и приходил в себя, по перилам с криком и улюлюканьем, хоча съехал тот самый мальчишка со стриженной головой. На веревке он тащил пустое ведро, которое отчаянно громыхало по ступенькам.

Встревоженные люди стали выглядывать из квартир.

— Генаша! Стой!.. Куда ведро уволок?! — неслось откуда-то сверху.

«Так вот кто Генаша», — подумал я. «Экспоната» уже не было видно, его отвратительный хохот еще звучал в моих ушах.

Я понял, что мне еще не раз придется появляться во «втором доме после булочной», но думать сейчас об этом как-то не хотелось.

Наташа **БОЛДЫРЕВА** перешла в 8-й класс, живет она в городе Енакиево, Донецкой области. Наташа давно любит и давно пишет стихи.

Куда плывут облака?

Куда плывут облака?
Дорога их далека...
Идут они медленно, плавно,
Пушистой лавиной идут над землей.
Крикну красивому самому:
— Облако, возьми меня с собой!

*

«Я учусь в восьмом классе, недавно меня приняли в комсомол, но я не хочу расставаться с моим любимым отделом «Кораблик». Прошлым летом я была в Артеке. Там я написала песню, назвала ее «Артековский вальс». На прощальной линейке все мы, обнявшись, пели эту песню, и было так приятно чувствовать, что все вокруг — твои верные и добрые друзья».

Илина **ГУМЕРОВА**, г. Хабаровск.

Артековский вальс

Где плещется Черное море
И рябью сверкает вдали,
Лежит наш Артек на просторе —
Столица ребят всей земли.

ПРИПЕВ:

Артек — это счастье и дружба,
Артек — это радость и смех,
Артек — это море,
Артек — это солнце,
Артек — мир и небо для всех!

И едут зимою и летом
Сюда пионеры всех стран.
Поют пионерские горны,
И четко звучит барабан.

ПРИПЕВ.

Здесь жизнь весела и задорна,
Здесь радостны лица ребят.
Кострами артековской дружбы
Сердца пионеров горят.

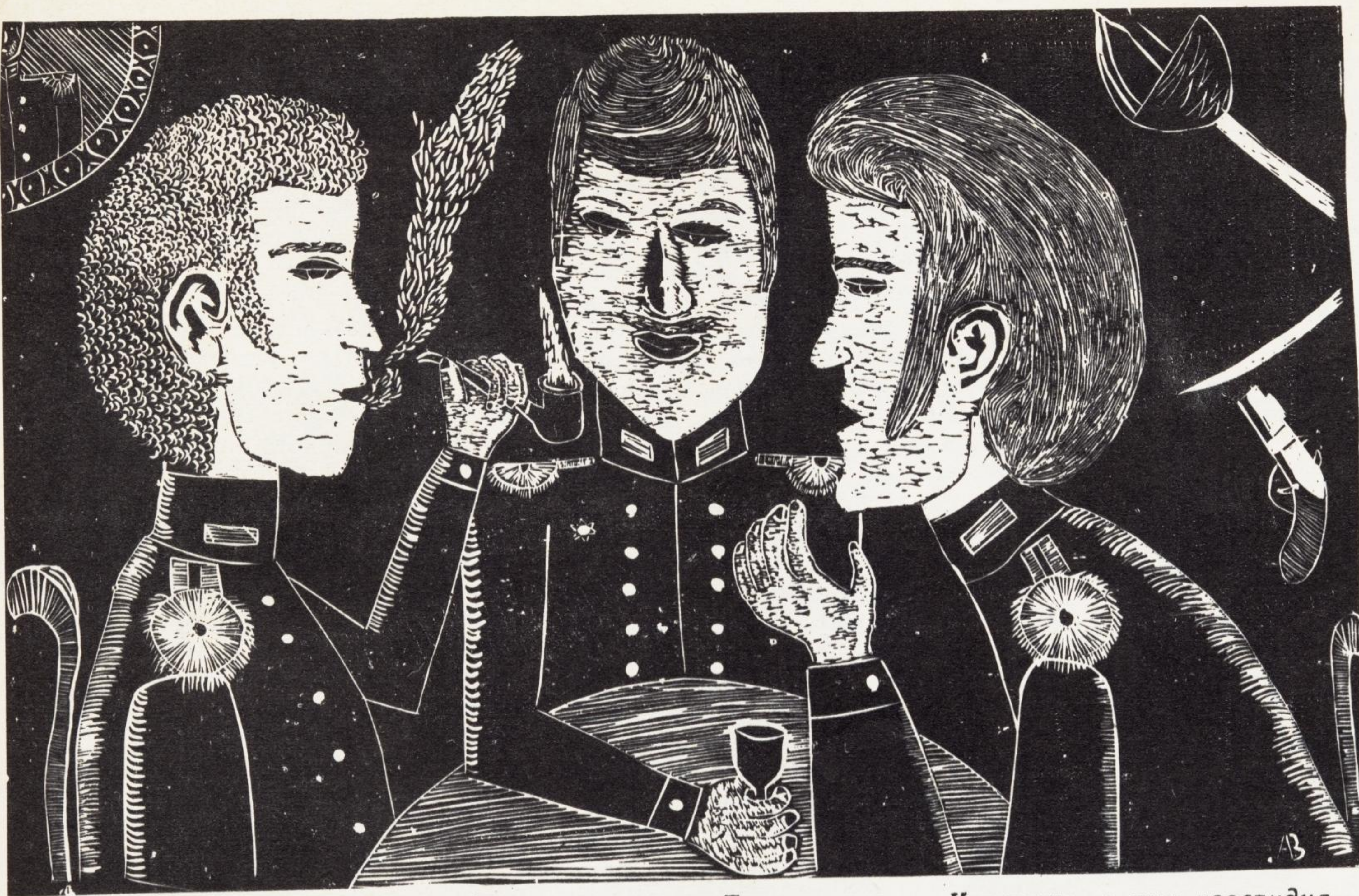
ПРИПЕВ.

Наташа **ВАРЕНИК** тоже восьми-классница. Она живет в городе Белая Церковь.

Июль

В июле солнце беспощадно
Идет в атаку целый день.
И, поборовшись с ним изрядно,
Мы все же отступаем в тень.

В городе Электроугли есть Дом культуры «Керамик», а там изостудия. Собираются ребята, рисуют, очень много занимаются и гравюрой на линолеуме. Всю прошедшую зиму и весну читали сказки, стихи, поэмы, повести Пушкина и рисовали. Больше всего нравилось ребятам рисовать «Барышню-крестьянку», «Пиковую даму», «Евгения Онегина» и, конечно, сказки. Сегодня в «Кораблике» гравюры: Лены Сениной к «Евгению Онегину» (слева) и Валеры Андреева к «Пиковой даме». В следующем «Кораблике» — рисунки к сказкам.

Десятиклассница из Москвы **Алена ЕЗЕПЧУК** прислала в «Кораблик» свой рассказ, который написала в 8-м классе.

Ученый

По узенькой тропинке, замеченной ночной пургой, путаясь и утопая в рыхлом снегу, бежал мальчуган. На вид ему было лет тринадцать. Рыжий чуб, выбившийся из-под съехавшей на затылок шапки, казался огненным на солнце. Зеленые глаза светились радостью и нетерпением.

Мальчик распахнул дубовую дверь маленького домишки и вместе с клубами морозного пара ворвался в горницу.

— Мама, мам... ты понимаешь, мама... — кричал он. — Это же вулкан, он дымился... красный такой, оранжевый... и совсем маленькая горстка, а потом потом... Знаешь, что было потом?.. Он стал расти, расти, из него валил дым, и огонь, и пепел. Он был, как Везувий... только маленький, искусственный... и он стал зеленый, как папкина шинель.

— Да что же это, что? — спросила мать.

— Хром, мама, хром... это элемент такой, ну, в химии, в таблице... в менделеевской.

Наконец, мама поняла, чем так взволнован ее Андрюша: перед ним открылся чудесный мир загадок, познания будущего.

А мальчик, слегка успокоившись, рассказывал ей о том, как сегодня он побывал в химическом кабинете, в мире колбочек, кислот и щелочей, как ему разрешили потрогать лакмусовую бумажку и опустить ее в какую-то мутную жидкость, как учитель что-то зажигал и гасил, что-то шло из пробирок и чем-то невкусно пахло. Но все это не так потрясло воображение Андрейки, как опыт с хромом. С этого дня многое переменилось в Андрее. Химия стала его призванием.

Его крохотная комнатка наполнилась банками, пробирками, колбами. Он не любил, чтобы кто-нибудь входил в его лабораторию: он жил там наедине со своими реактивами и книжками.

Через несколько лет после опыта с хромом Андрей попал в ситуацию, которая чуть не стоила ему жизни.

Как-то вечером вся семья была дома. Мальчик сидел в своей комнате, запершись. И вдруг дом потряс взрыв, по комнатам разлился едкий запах.

Мать, белая, как полотно, стучала в дверь к сыну. Отец, стараясь быть спокойным, дрожащим голосом повторял:

— Андрюха, открой... не молчи... Андрюха, мальчик мой, выйди скорей оттуда.

Но ответа не было. Отец сильно ударил в дверь, она поддалась. Густой сизый дым забивался в нос, рот, глаза, было невозможно дышать. Андрей лежал ничком на полу и повторял:

— Закройте колбу, он ядовитый. Я найду этот элемент... Открою.

*

Прошли годы. Из Андрейки вырос ученый-химик, Андрей Леонидович.

Теперь у него светлая, просторная лаборатория, он работает над новым элементом. Этот элемент уже рассчитан им теоретически.

Точно так же, как и тогда, много лет назад, был морозный январский день. По расчищенной дорожке институтского сада торопливо шел молодой рыжеволосый человек с сияющими зелеными глазами. Он шел взволнованный и гордый, он шел на подвиг.

В здании тишина. Андрей Леонидович с легкостью Андрейки взлетел на пятый этаж, вошел в стерильно белую комнату. Направился к колбе со множеством трубок, от нее сейчас зависело все.

Десятки сердец бились в звенящей тишине. Он оглянулся, сказал негромко:

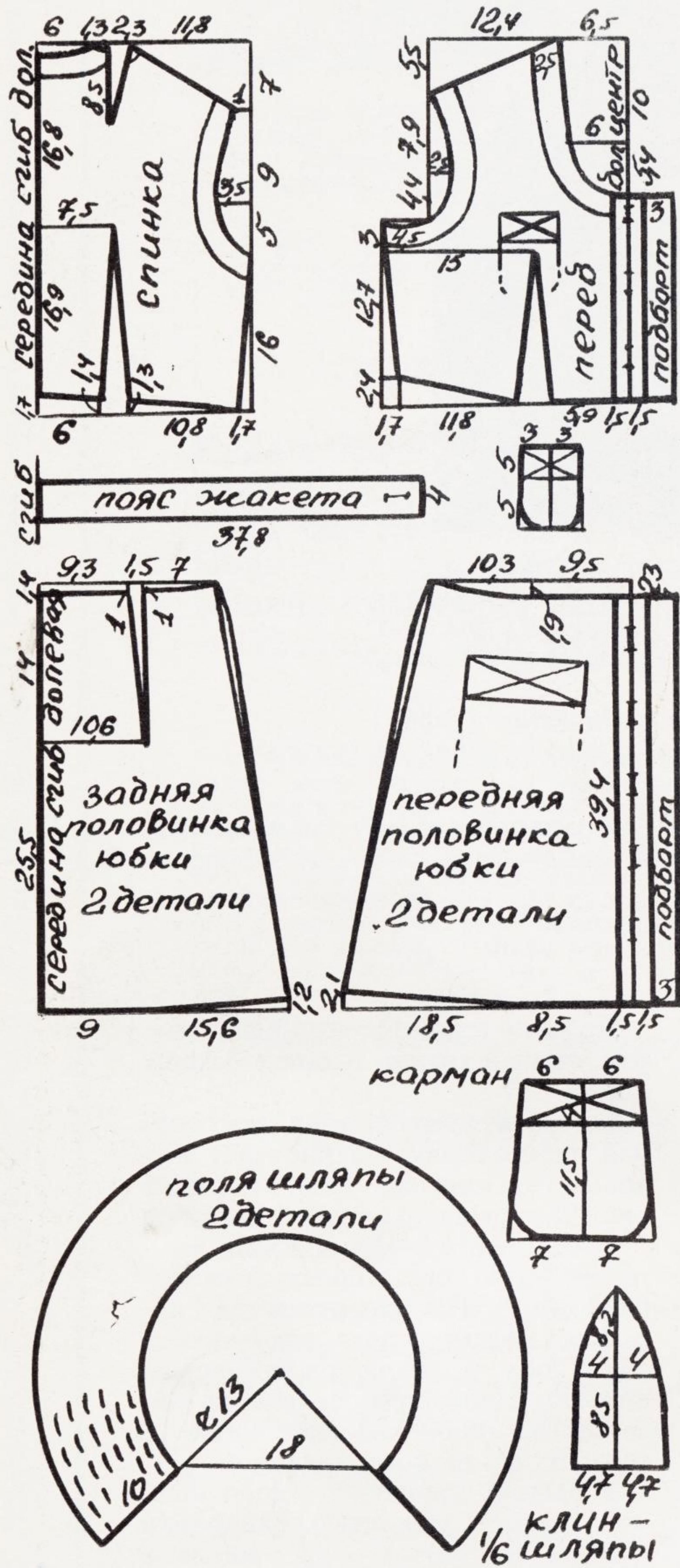
— Можно начинать.

Белые халаты приблизились к столу. Разноцветная жидкость зашипела, заискрилась, запахла, потом полилась из пробирок в трубочки, из них в колбу, а там уже все сворачивалось, сгущалось и застывало. И вот они, контуры крошечного кристаллика. Он пока еще один, но потом их будет много, и они помогут людям.

— Это ценнее золота. Для этого стоило жить...

А н а д е м и я Д о м а ш н и х

«Динь-дон-динь»... «Динь-дон-динь». Сколько бы ни звучал колокольчик Калинкиной шапочки-невидимочки, всегда перезвон этот и для Лёки, и для Марины, и для

ПЛАТЬЕ И ШЛЯПА ДЛЯ ДЕВОЧКИ РАЗМЕР 40

(объем груди — 80, объем талии — 60, объем бедер — 88) Размер шляпы 55.

Припуски на швы на чертеже не указаны — на скрытые срезы прибавьте 0,7 см, на открытые — 2 см. Пояс для юбки кроить такой же, как и для жакета, только на 1 см короче.

Клинья шляпы стачайте и отстрочите. Каждую деталь поля шляпы стачайте, сложите 2 детали лицом к лицу, а сверху положите такой же величины прокладку, сострочите по окружности, выверните и отстрачивайте, как панаму, по окружности для уплотнения полей. Когда поля притачаете к тулье, подшейте подкладку, состоящую из 6 таких же клиньев, что и тулья.

Алеша, и Боба лучше самой прекрасной на свете музыки. Даже для Чубчика. Он знает: прозвонит «Динь-дон-динь», появится маленькая, не больше его лапы, Калинка, посмотрит на всех приветливо, — и завертится все, закрутится. Про Чубчика тоже не забудут: в мяч поиграют, морковку из ничего, из воздуха, добудут, поговорят ласково. Знаете, как собаки любят, когда с ними разговаривают! О чем? О жите-бытие, о погоде, о друзьях, о пятнистой кошке Феликсене. Эта Феликсена даже боксера Тима не боится, а вчера — надо же! — вцепилась в Чубчиково ухо, а он только и хотел, что спросить, правда ли она когти на старой березе точит. Ну, Феликсена и показала какие-то у нее когти... Очень ухо болело, очень...

«Динь-дон-динь... Здравствуйте, это я...»

Нет, не Калинка. У нее голосок ясный, а этот странный, незнакомый. И на столе, откуда ни возмись, шляпа с полями... сама собой перемещается. Чубчик так и нацелился на эту подозрительную шляпу. Враг!

— Поднимите, пожалуйста, шляпу, — взмолился странный голос. — Я шляпу раньше времени увеличила и попала в западню...

Все бросились на помощь и очень обрадовались, когда появилась Калинка, веселая и улыбающаяся. А Чубчик шляпу чуть не разорвал, Лёка еле-еле успела выхватить.

— Что ты, Чубчик! Самая модная вещь. Калинка всегда знает, что нам надо. Смотрите, еще и картинка есть. Летнее платье. Настоящее джинсовое! Ура! Марина, шьем платье! Быстро, быстро! Из сурового полотна или бумажного репса.

— Мне не очень хочется джинсовое платье.

— Не хочется джинсовое, сшей из любой ткани, — сказала Калинка. — Это платье универсальное. На его основе можно сделать любое платье. Из гладкой ткани отстрочить или вышить, к пестрому платью можно подкроить рукав фонариком или добавить бусы. Захочешь, сшей отдельно юбку и кофту. Все для лета можно сшить по этой выкройке.

— А нам тоже что-нибудь для лета есть? — подозрительно так, скрипуче спросили Боб и Алеша. — Джинсовый костюм с курткой — или, быть может, рубашка?

Калинка покачала головой.

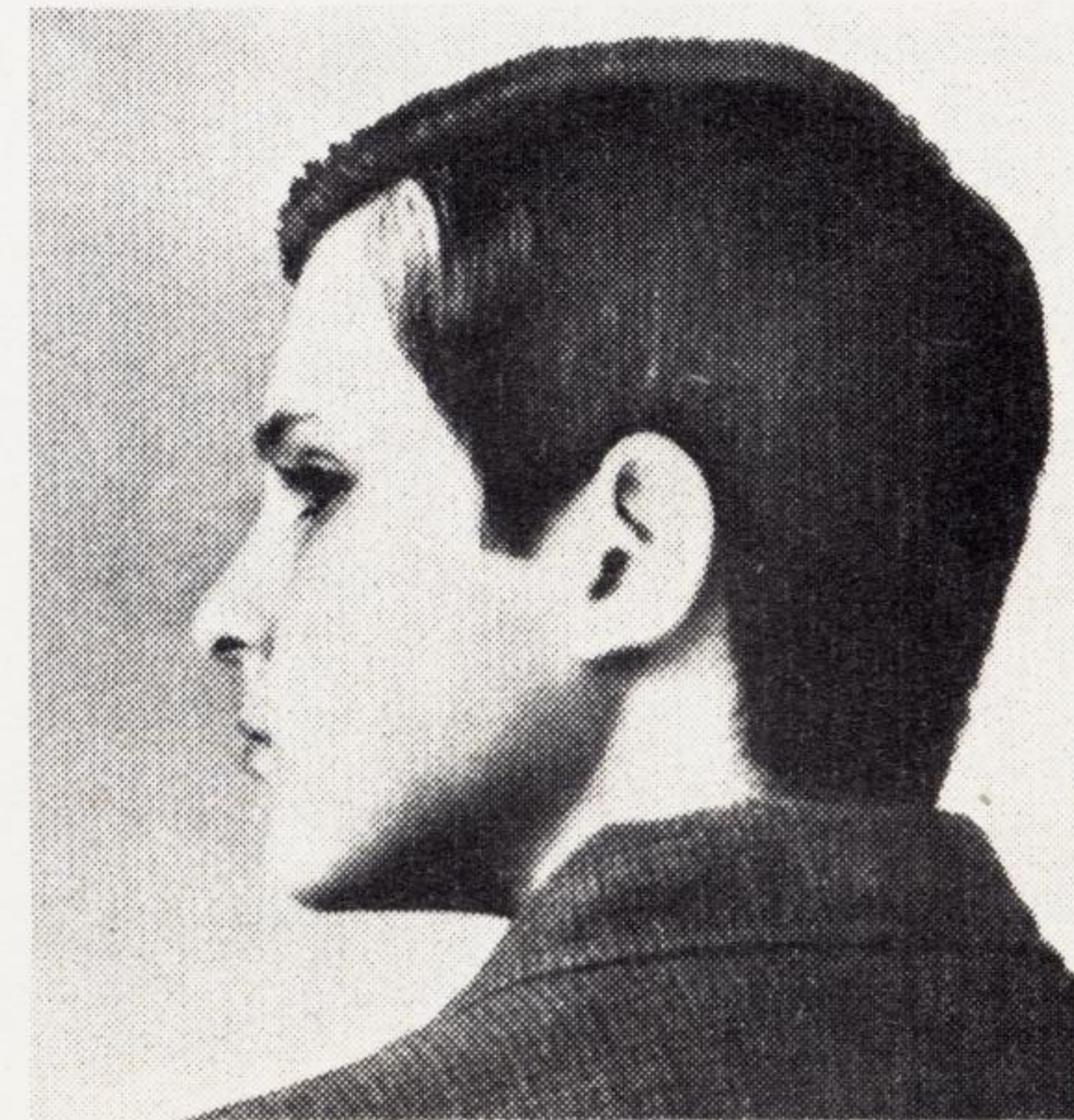
— Нет, мальчики. Не успели мы с Татьяной Ивановной. В следующий раз. Даю слово.

Алеша посмотрел на Боба, Боб — на Алешу. Что тут скажешь? Обидно, но зато честно

Нет — и все. Будет следующий раз. Калинкино слово — это Слово.

— Не огорчайтесь. Я ведь прилетела из знаменитой «Чародейки», от знаменитых московских мастеров Льва Кутарбы и Николая Шинкова, победителей Всесоюзного и Московского конкурсов парикмахеров.

Очень терпеливо сидела я на коробке с салфетками ровно час и двадцать пять минут, пока стригли этих трех мальчиков, Сашу, Диму и Лешу, и вспоминала великую заповедь: не будь тороплив, но будь терпелив, и прическа получится на славу. О, какие они пришли в «Чародейку». Вернее, не все пришли. Одного из них привела мама, крепко ухватив за рукав куртки, второго привели всем звеном — пионерский торжествен-

Волшебников

ный сбор, а он был похож на огородное пугало. И только третий пришел сам, он стрижется у Лёвы Кутарбы уже третий раз и понял, что стриженному человеку на земле живется во много раз лучше.

Это последние-препоследние прически, придуманные мастерами парикмахерских дел. Затылок, видите? Ровно сострижен, шея не обнажена, виски скошены или подчеркнуты тупым срезом. Прорбор сбоку очень точный. Чубчик (Чубчик поднял голову, и все засмеялись), нет, не ты, Чубчик, а чубчик зачесан над лбом или слегка падает на лоб. Смотря, что кому идет.

Стрижка «под горшок» отошла. Лето. Жара. Да и потом мужественность мужского лица очень сейчас в моде. Уж какая мужественность, если волосы сальными прядями закрывают плечи, а челка закрывает и лоб мыслителя, и щеки волевого человека, и ясные глаза.

Новые прически хороши и для школы и для вечера. После мытья волосы можно слегка смазать бриллиантином. Чуть-чуть. Расчесать их во все стороны, как бы взбить слегка, а потом тонкой, чуть влажной расческой аккуратно причесать, прядка к прядке. Дать десять минут подсохнуть, и в путь, Прекрасная голова.

Лёка и Марина рассматривали фотографии, исподтишка косясь на Алешу и Боба, очень обросших, похожих на питекантропов. И Лёка не выдержала:

— Ты не знаешь, Калинка, в какой школе учится этот... эти мальчики. Мне кажется, я его... их видела на Речной улице.

— Они не из нашего района, — твердо сказал Боб.

— Мне кажется, из нашего, — твердо сказала Лёка.

— Ладно, — сказал Боб. — Я еще сегодня успею в эту самую «Чародейку». До свидания, Калинка. Спасибо тебе.

— Алеша, а ты не поедешь с Бобом? — спросила Лёка. — Чубчика оставь, мы с ним погуляем. Нет, пожалуй, мы проводим вас до трамвая.

И все веселой ватагой пошли к трамваю. Чубчик, конечно, впереди, гордый и счастливый, что все его друзья с ним. И Калинка на плече у Лёки болтает красными сапожками.

А потом девочки пошли к реке, потом свернули на яблоневую аллею. И Калинка вдруг слетела с Лёкиного плеча, юркнула в гущу самой раскидистой яблони и вытащила большой красный конверт с калиновым листком вместо марки.

— Что в этом конверте? Кто угадает, тот и откроет. Скажу только: это совершенно необходи-

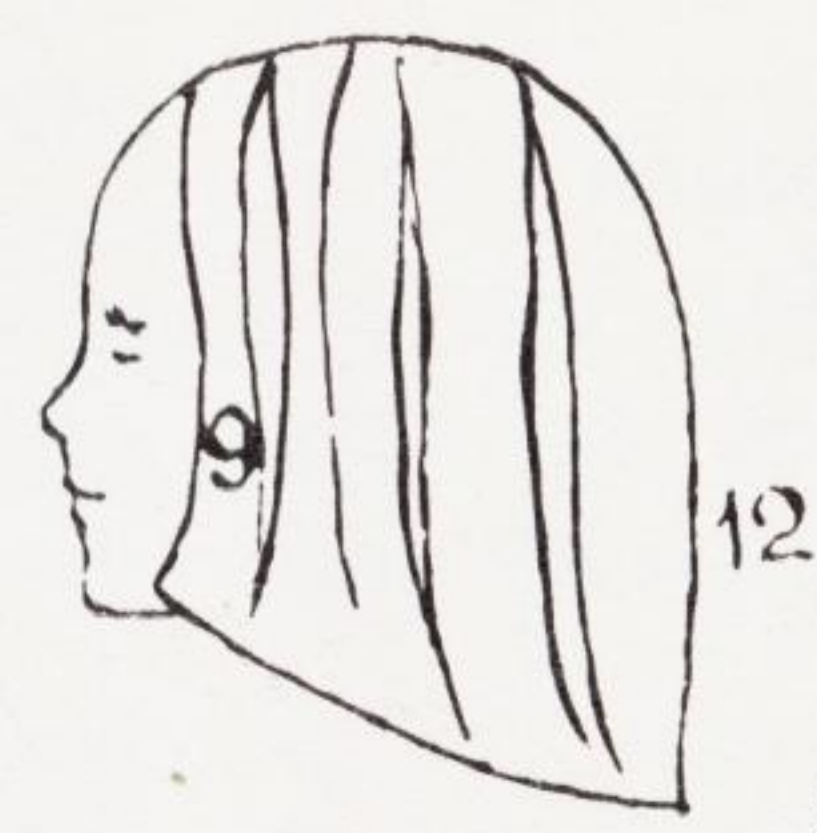
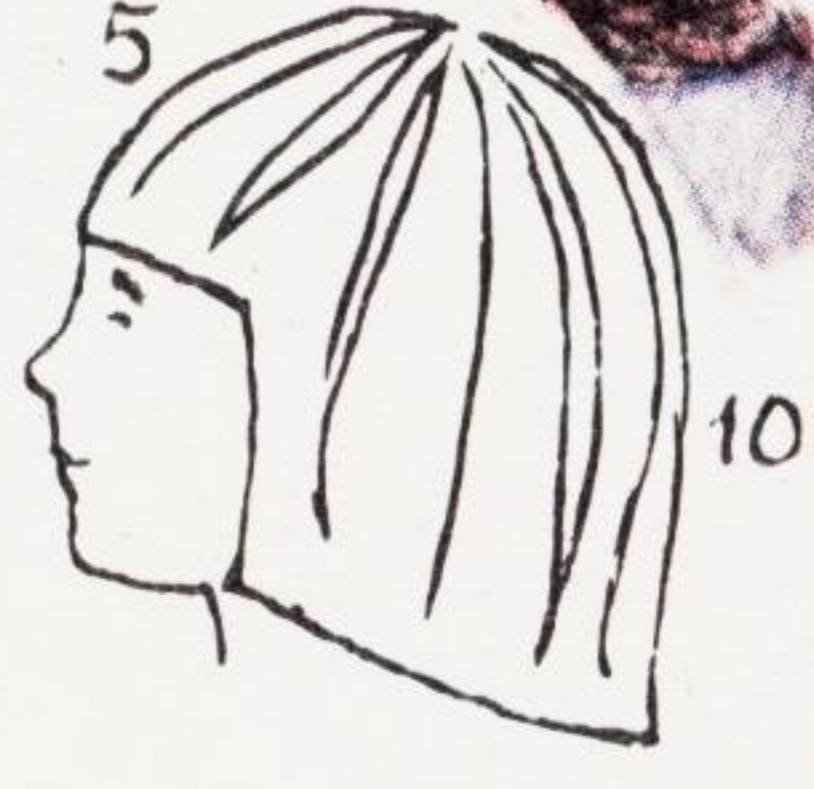
мо вашей подружке Наташе к выпускному вечеру.

— Прически! — не задумываясь ни на секунду, сказали Марина и Лёка. — Нам девчонки все уши прожужжали. — И они с удовольствием распечатали конверт.

— Здесь прически разные; для коротких волос, для средних, для длинных. Короткие волосы стригут ступеньками, средние и подлиннее стригут не ровной линией, как в прошлом году, а сложной линией, от щек к затылку длиннее. Из длинных волос делают узлы. Никаких начесов и сбитых в шапку кудрей. Пучок или узел поднят высоко, шея открыта. Аккуратные, красивые, подобранные головки.

Многие девочки жалуются на свои плохие волосы. Если волосы больные, надо обратиться к врачу. А правила ухода за волосами все те же: волосы любят чистую расческу с тупыми зубьями, расчесывать их надо и утром и вечером не меньше чем раз по сто. И лучше при открытом окне или форточке, чтобы волосы хорошо проветривались и дышали. Мыть волосы лучше мыльной пеной, промывать обильно кипяченой водой или слабым отваром ромашки или календулы.

Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Где камерунский слон?

У Лупы на столе лежат пять перевернутых марок. Их выпустили Египет, Ливия, Нигер, Чад, Камерун. Марки лежат в таком порядке, что ни одна из стран, выпустивших их, не граничит со своими соседями. Скажите, на какой марке изображен камерунский слон. Чтобы помочь вам, подсказываю: слева от этой марки лежит марка с изображением нигерийских жирафов.

Где стрела Орлиного Глаза?

Сейчас увидим, кто из вас
Владеть бы луком мог
Не хуже, чем Орлиный Глаз,
Прославленный стрелок.
Найдите, где его стрела
(Я мучился весь день),
Она им послана была
В далекую мишень.
Попасть, но не пробить насквозь —
Был замысел стрелка.
— Не подвели, — воскликнул вождь, —
Ни глаз твой, ни рука!

Капитан Перо

Живживкины Модельи

Кошка

Поработаю немножко,
Нитки есть, и есть картон,
Моментально выйдет кошка,
У нее простой фасон!

Нос из пуговицы черной,
Спинка выгнута дугой.
Я уверен, ты, бесспорно,
Тоже мастер неплохой.

Кошку сделать постарайся,
Поработай в тишине,
А потом придумай зайца
И рисунок вышли мне!

Живживка

УЗЕЛОК
НИТКИ

ПУГОВИЦА

Заклинатель сосисок

Не высок и не низок,
Но хитер и упрям
Заклинатель сосисок
Знаменитый.....

Расставьте рисунки так, чтобы они сами подсказали вам имя заклинателя сосисок.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 5

Игнат и Федот

Обратите внимание на спину, ухо, волосы, ногу и увидите, чем отличаются друг от друга братья.

Осторожно, тигр!

Марку с тигром под номером 3 выпустил Парагвай. Марки лежат в таком порядке: Бразилия, Чили, Парагвай, Перу, Аргентина.

Что ответил КЕНГУРЁНОК?

Кенгуренка учит мама:
— Кенги, стой на ножках прямо.
Отвечает маме сын:

.....!
Дед Буквоед

ПРИМЕЧАНИЕ ЖИВЖИВКИ: Ответ составьте из букв: и, ооо, ю, яя, б, д, н, сс, тт, ьь. Я справился с этой задачей за десять минут!

Где зарыт клад?

Вот порядок слов, ведущих к кладу: крот, утка, лиса, клад, лупа, сноп, роса, рама, море.

Забил ли гол Рыжик?

Рыжику забить гол не удалось. «Пантера»—«Барс» сыграли 1 : 1. Финальная таблица выглядит так:

	Всего				Итоги встреч				
	Т	П	Б	Л	Забито	Пропущено	Выиграно	Ничья	Пролито
Т	×	0	4	3	7	6	1	0	2
П	1	×	1	0	2	1	1	2	0
Б	5	1	×	0	6	5	1	2	0
Л	0	0	0	×	0	3	0	2	1

СОДЕРЖАНИЕ

Учимся работать головой и руками.— В. Ларин. Фотографии В. Арсирия. Рисунки В. Дудкина	1
«Пятая» трудовая.— Б. Калашников	4
Сказка для летнего номера.— С. Иванов. Рисунок П. Багина	5
Дозором обходим владенья свои.— Рисунки А. Борисова	6
Какое мне дело?— Стихи М. Вейцмана. Рисунки Е. Медведева	8
Вечер у костра. Чудо.— Стихи Н. Юрковой	9
Мальчик со шпагой.— Повесть В. Крапивина. Окончание. Рисунки С. Трофимова и В. Дудкина	10
Каникулы... лето... июнь!— И. Голубева. Фотографии В. Крупского. Рисунки А. Вовиковой	28
Моя Родина — СССР	
На самых дальних наших островах.— В. Коржииков. Рисунки Л. Владимирского	30
Зеленый снизу, голубой и синий сверху.— Г. Файбусович. Рисунки Ю. Карповой	33
Если... Степной колодец.— Стихи К. Тангрыкулиева. Перевел с туркменского Я. Аким	39
«Планетный эксперимент» Сергея Бондаренко.— Рисунок А. Борисова	40
Какой он, Пушкин?— О. Макова	42
Вечно тот же, вечно новый.— В. Берестов	45
Тайна высоты 117.— Приключенческая повесть Я. Пшимановского. Перевел с польского А. Кравченко. Рисунки Ю. Фоменко	46
Песня бедняка. Синица. А-лал-лай! Без пастуха.— Стихи К. Хетагурова. Перевел с осетинского Л. Озеров. Рисунки И. Красулина	60
Сами о себе	61
Со всех сторон следы.— С. Богатырева. Рисунки Н. Марковой	62
Удивительный человек.— К 70-летию со дня рождения Б. Ивантера. И. Андроников	66
Боевой листок	68
...Медведи и жирафы...— Н. Петровская. Рисунки Д. Пивоварова	70
В гостях у «экспоната».— Фельетон Г. Голлендера, О. Тихомирова. Рисунок Ф. Файнштейна	72
«Кораблик»	74
Академия домашних волшебников	76
Ума палата.— Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой	78
Эскадрилья воздушных змеев	80
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдович. Рисунки И. Красулина	III страница обложки

На обложке:

Летняя сказка. Рисунок П. Багина.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. И. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Б. М. ЗУМАКУЛОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, В. Ф. МАТВЕЕВ (зам. главного редактора), С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. И. ОРЛОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА (главный художник), Л. С. СИМОНОВА (зав. отделом школьно-пионерской жизни).

Технический редактор В. П. БОРИСОВА.
Макет А. А. АСТРЕЦОВА.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73. Рукописи не возвращаются.

© «Пионер» 1974 г.

Сдано в набор 26/III 1974 г. А. 00784. Подписано к печати 30/IV 1974 г. Формат 84×60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 550 000 экз. Изд. № 1196. Заказ № 2093.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

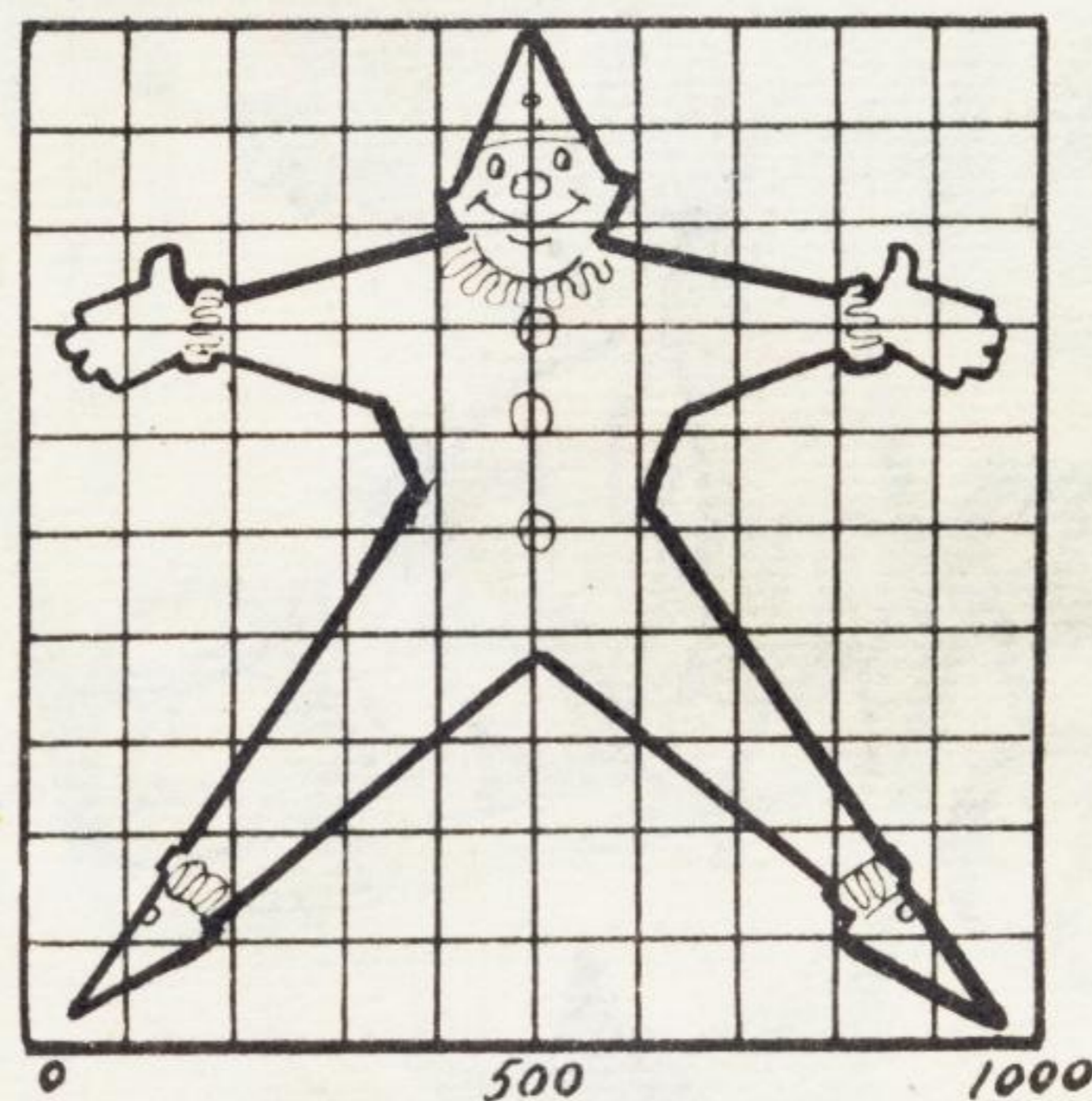
Эскадрилья воздушных змеев

Летунок

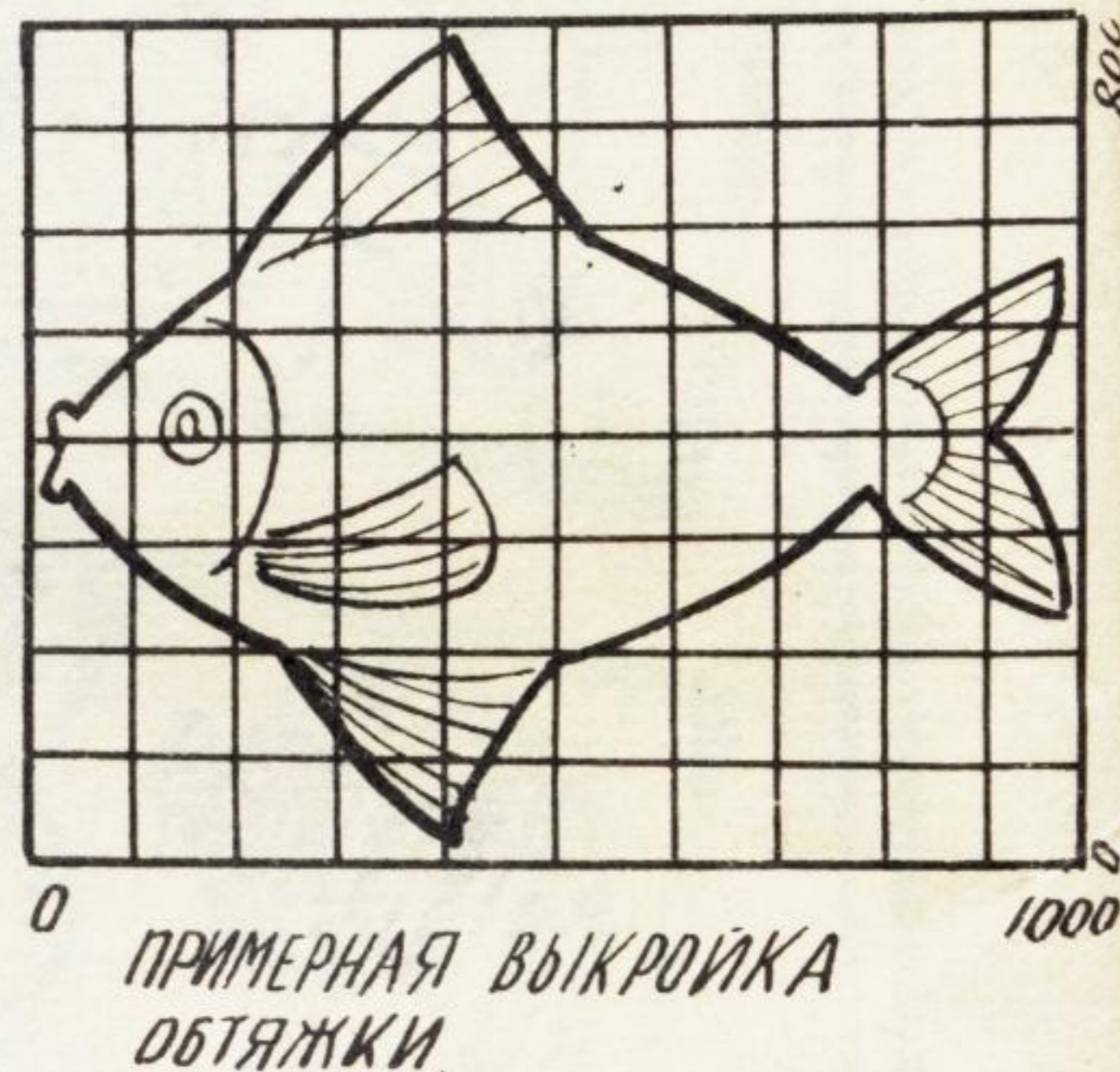
Его можно сделать из плотной бумаги размером 250х250 миллиметров. Сложите его так, как показано на рисунке. Соедините два боковых крыла ниткой или бечевкой, привяжите к нижнему углу «хвост» длиной 1—1,25 метра. Его можно сделать из тонкого шнура.

Рыба

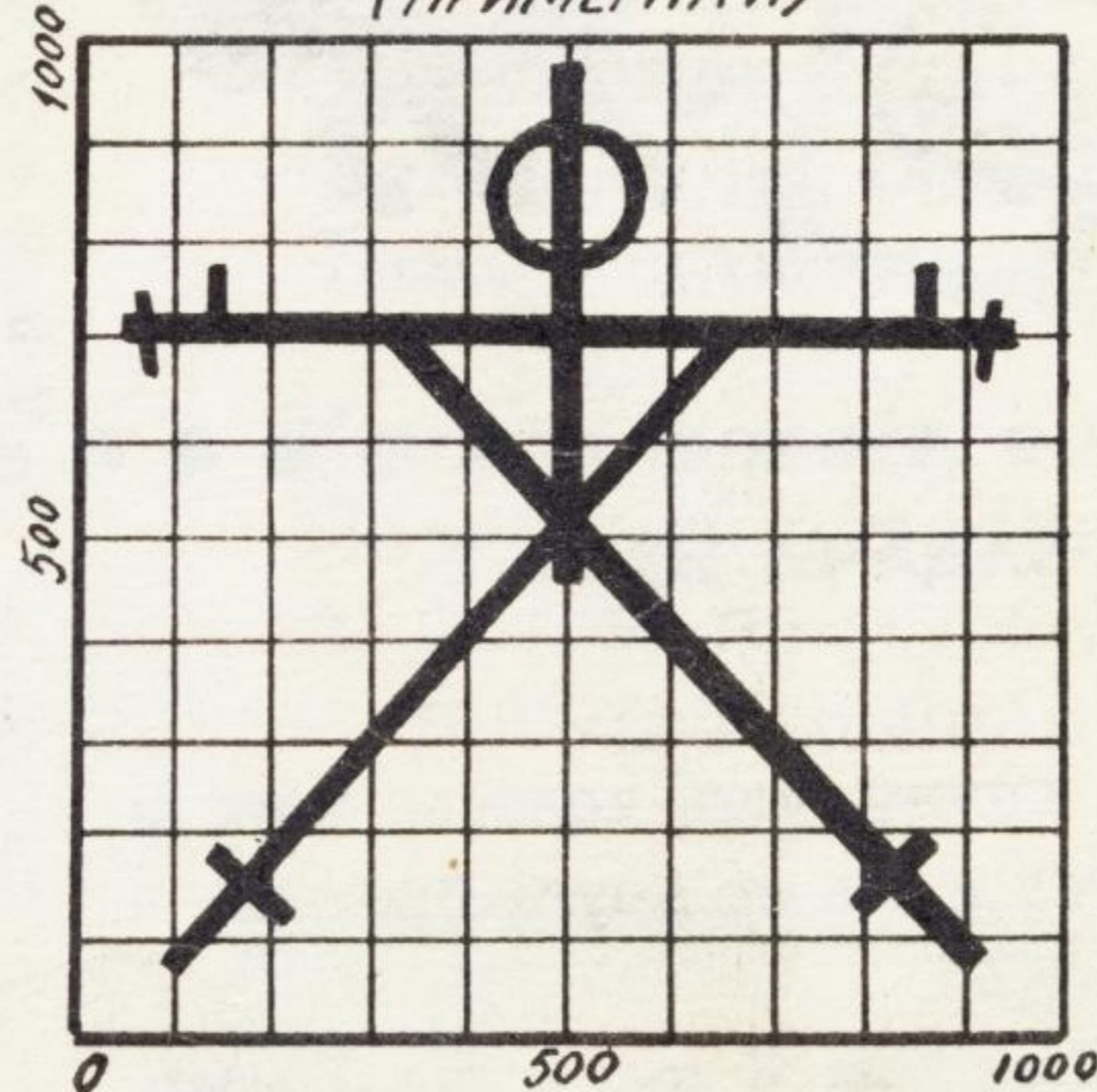
Это змей на каркасе из тонких деревянных планок. Самый простой — прямоугольный. Но можно сделать змей в виде рыбы. Для этого нужен каркас и три деревянные планки. На каркас наклеивается раскрашенная выкройка. Вы видите ее на рисунке. «Хвост» из шнура длиной до полутора метров придаст вашему змею устойчивость.

ВЫКРОЙКА ОБТЯЖКИ
(ПРИМЕРНАЯ)

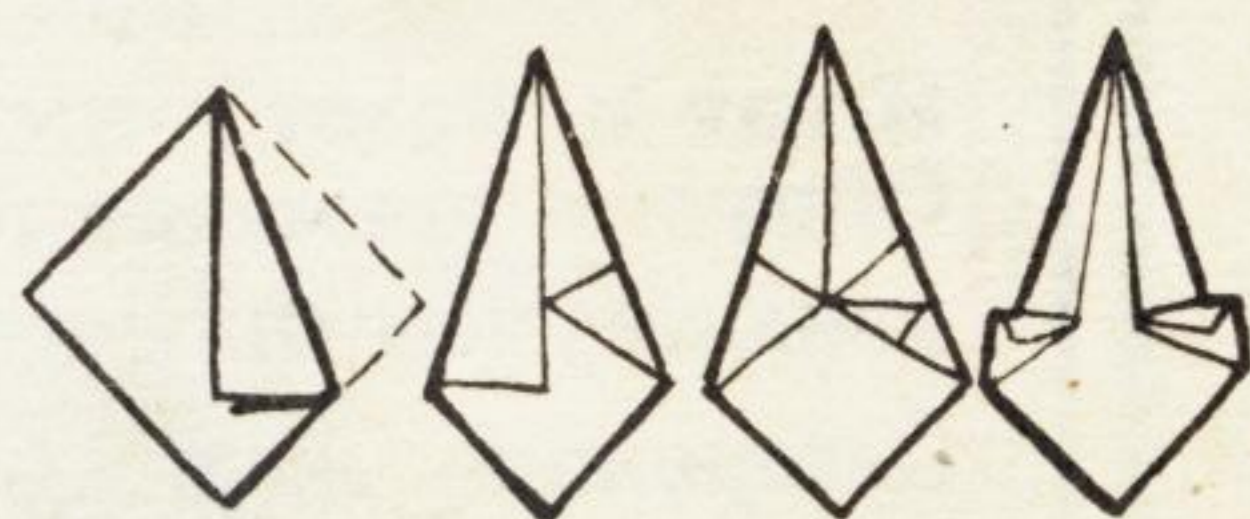
ПРИМЕРНАЯ ВЫКРОЙКА
ОБТЯЖКИ

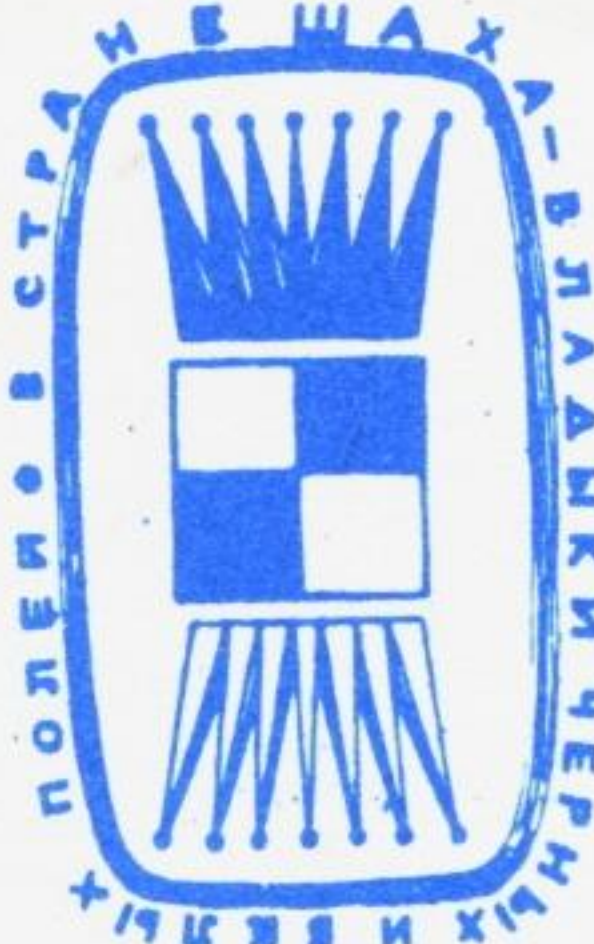
КАРКАС

КАРКАС

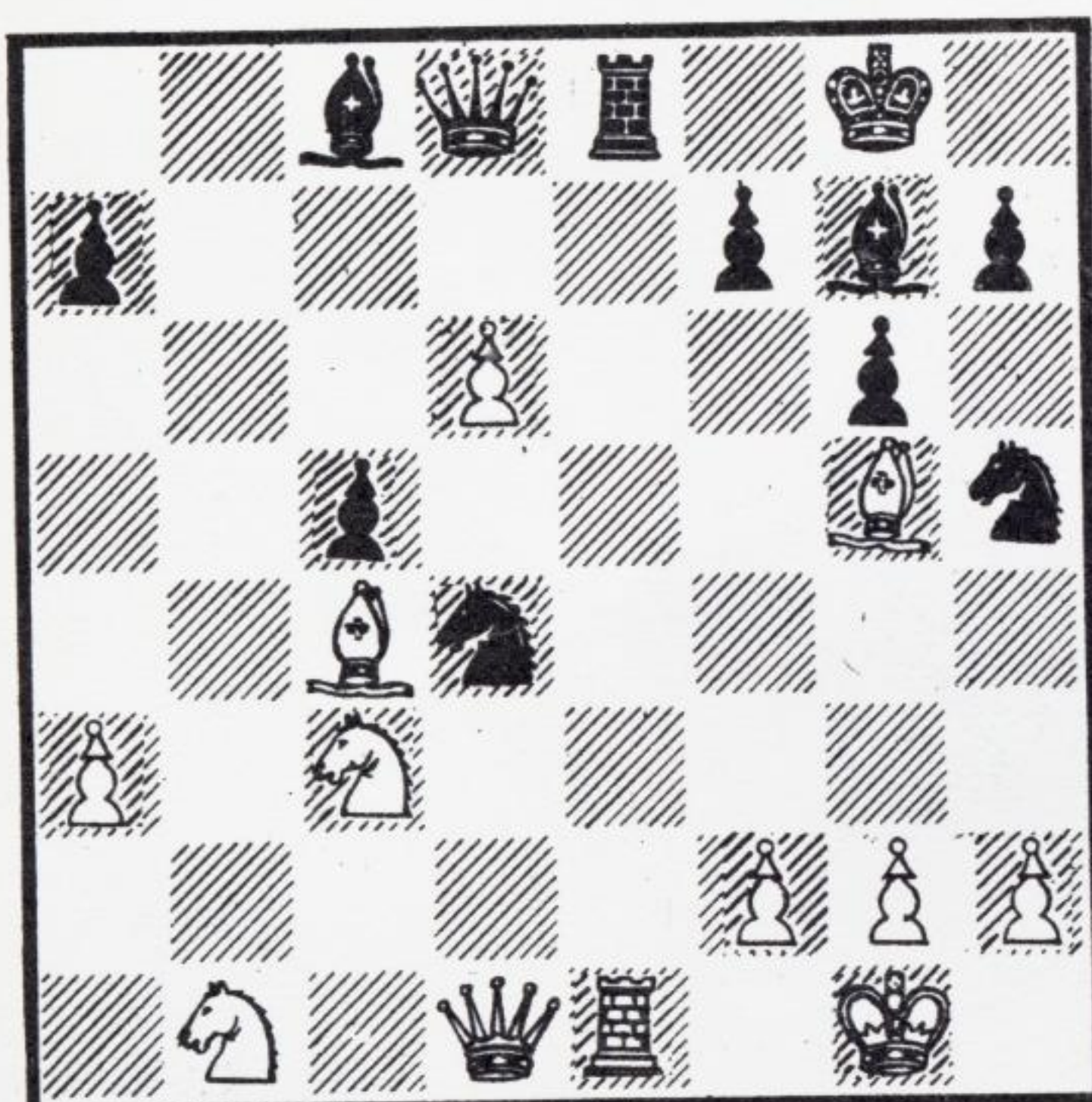
Как сделать «Воздушного акробата», ты увидишь на последней странице журнала.

ная пешка d6 очень опасна) 21. g2:f3 Фd8:g5+ 22. Кpg1 — h1 Ле8:e1+ 23. Фd1:e1 Сg7 — e5 (слон черных занял очень сильную позицию. Грозит 24... Фf4) 24. Фе1 — e3 Кh5 — f4 25. Сс4 — f1 Фg5 — h5 26. Кс3 — e4 Кf4 — d5 27. Ке4 — g3 (и эта переброска резервов уже запоздала) 27... Кd5:e3 Кg3:h5 Ке3:f1 29. f3 — f4 Се5:d6 30. Кh5 — f6+ Кpg8 — f8. Белые сдались!

ТАК ИГРАЮТ РЕБЯТА

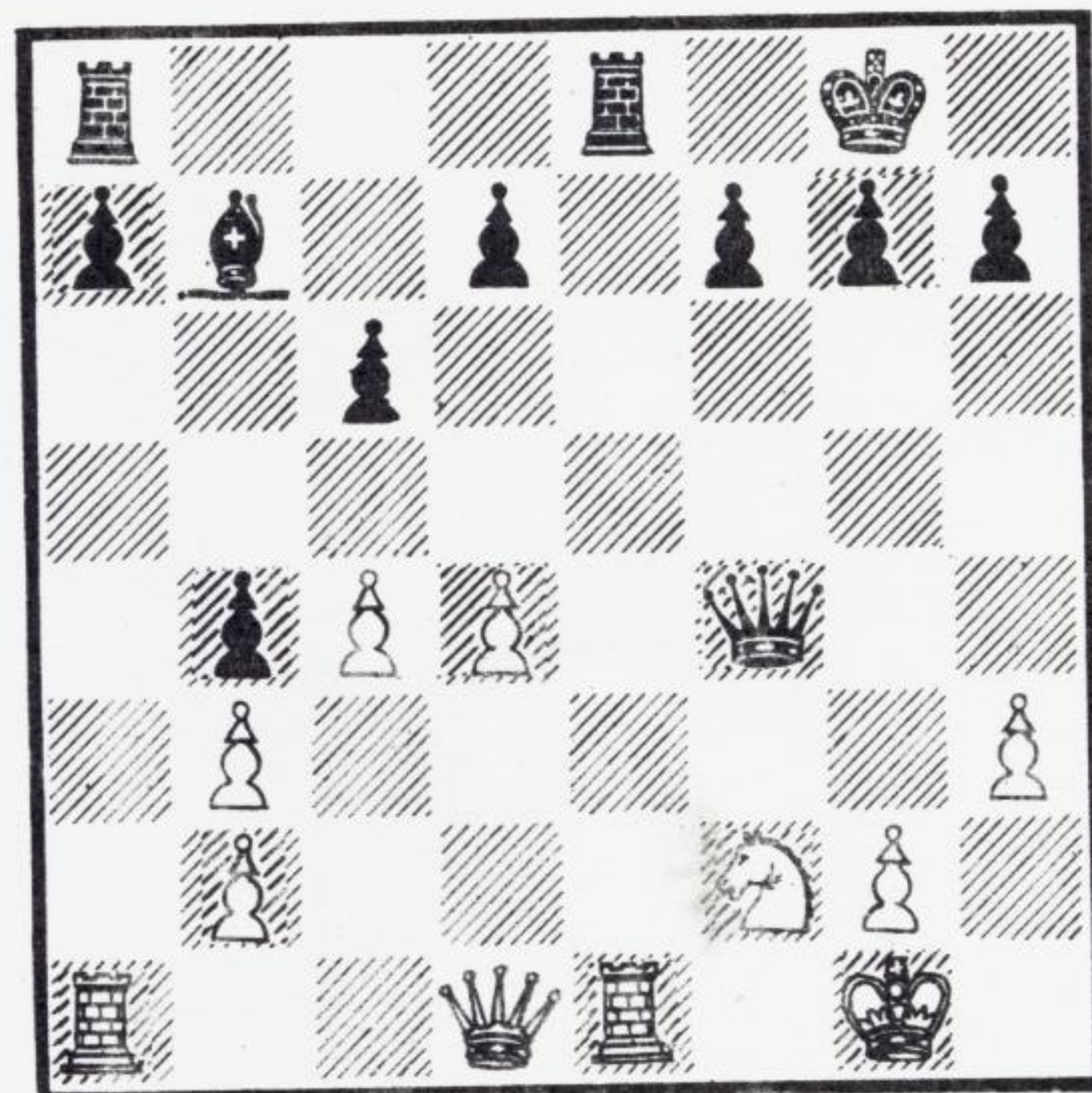
Перед вами — два эпизода из партий первенства страны среди школьников, проходившего в Таллине, в дни зимних каникул.

Эта позиция возникла в партии между учеником 393-й ленинградской школы **Алексеем Ермолинским** и учеником 189-й киевской школы **Леней Зайдом**.

Леня Зайд, занявший первое место в этом турнире, хорошо провел атаку.

События развивались так: 20... Кd4 — f3+ (только не 20... Л:e1+ 21. Ф:e1 Ф:g5 22. Фе8+ Cf8 23. Ф:c8 Фс1+ 24. Cf1. В этом случае проход-

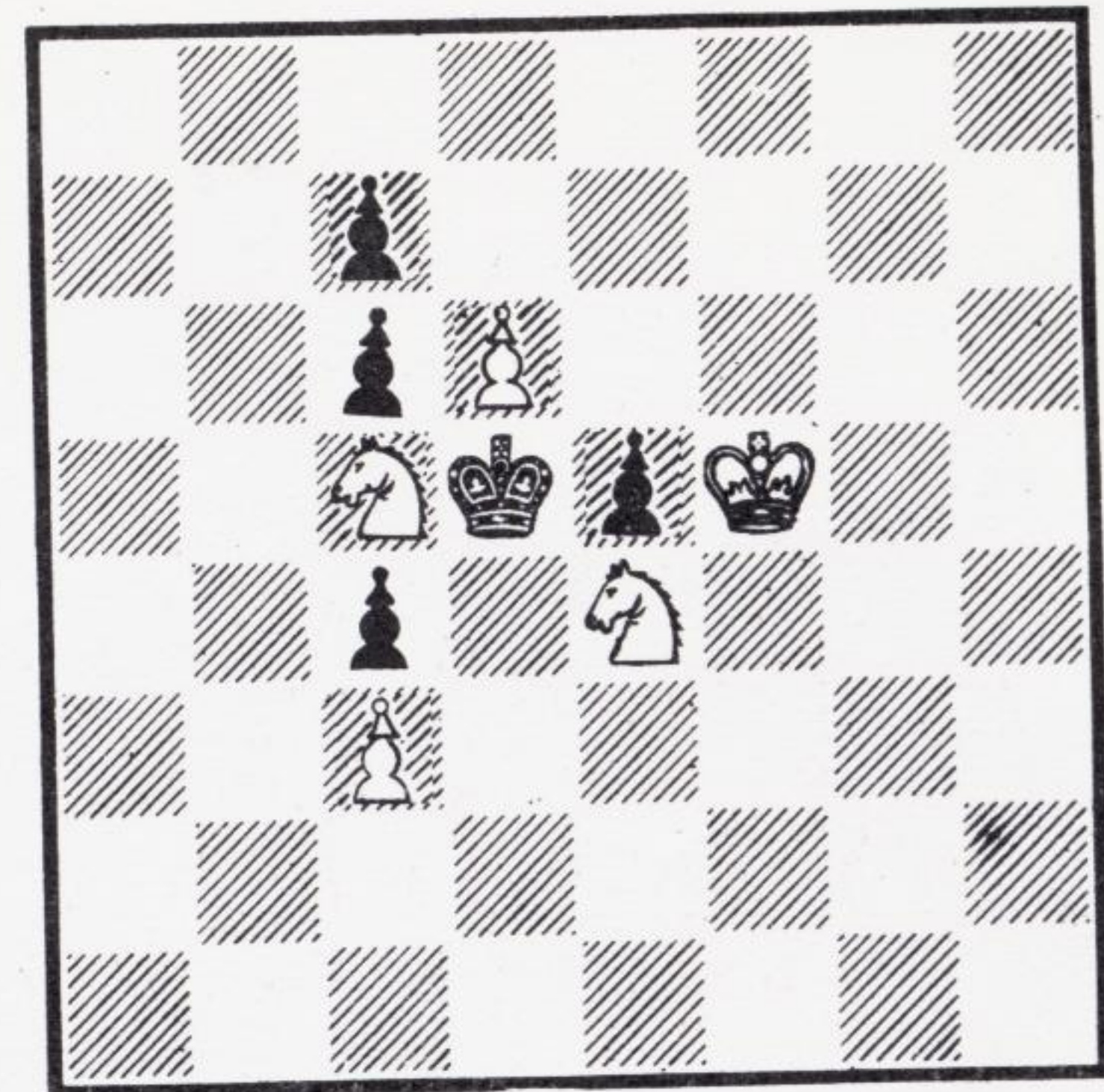

А это финал партии, сыгранной ученицей 9-й московской школы, кандидатом в мастера **Аней Ахшарумовой** и ученицей школы № 5 города Бухары перворазрядницей **Шарифой Бердиевой**. В турнире школьниц Аня Ахшарумова уверенно заняла первое место.

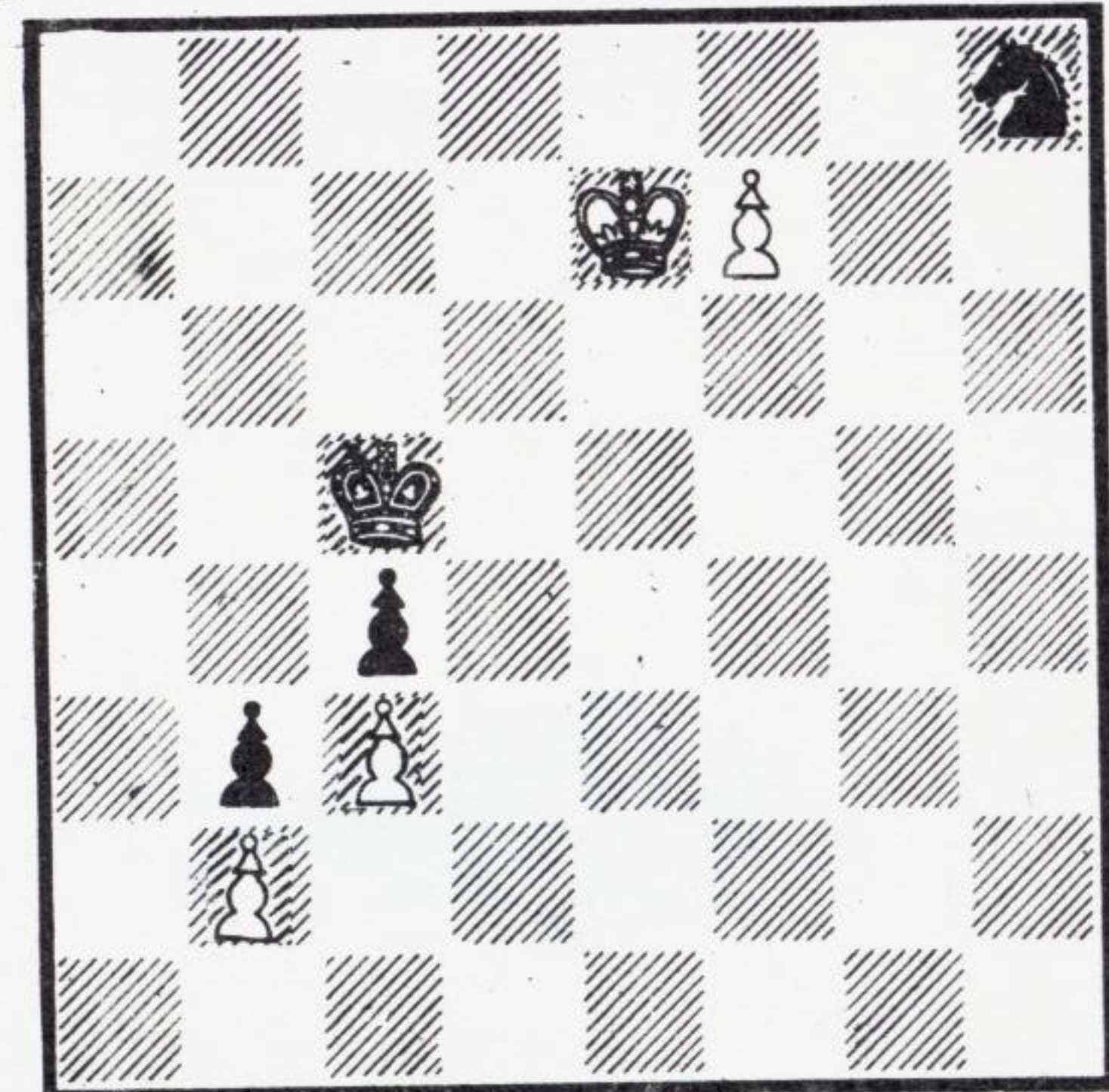
В партии последовало: 23. Ла1:a7! Ле8:e1+ 24. Фd1:e1 Фf4 — b8 (только не 24... Лb8? ввиду 25. Л:b7). 25. Ла7:a8 Фb8:a8 26. Кf2 — e4! (Этот ход еще сильнее, чем очевидное 26. Ф:b4) 26... с6 — с5 27. d4 — d5 Фа8 — f8 28. Фе1 — f2 d7 — d6 29. Фf2 — f4 f7 — f6 30. Фf4:d6 Фf8:d6 31. Ке4:d6 Сb7 — a8 32. Кd6 — e4. Черные сдались.

КОНКУРС ПЕШКИНА

Решение этой задачи неожиданное и очень красивое. Начиная игру, белые дают мат в три хода.

В этом этюде белые начинают и выигрывают. Чтобы найти путь к победе, надо точно рассчитать варианты.

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

Пешкин объявил свой очередной конкурс в № 1. В редакцию каждый день приходят письма с правильными решениями, и Пешкин доволен: многие участники конкурса получают спортивные разряды.

Проверьте, ребята, свои решения.

Задача № 1. К цели ведет короткая рокировка. После 1.0—0! следующим ходом мат черному королю неизбежен!

Этюд. Белые строят неприступную крепость для своего короля. Вначале они угрожают догнать пешку h6, а затем укрываются на поле a5. Решается этюд так:

1. Кре7! h5-2. Кpd6 h4 3. Крс7 h3 4. Кrb6 h2 5. Кра5 h1Ф 6. b6, и белые добиваются пата.

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

264-36

Воздушный акробат

Разлините лист плотной белой бумаги так, как показано на рисунке, и нарисуйте на ней клоуна. Сделайте из деревянных реек каркас, вырежьте акробата и наклейте на каркас. К рукам и ногам воздушного акробата привяжите узелки из ниток или тонких бечевочек. Прикрепите к нему «хвост» — вот змей и готов.

Можно придумать змеев и в виде парусных кораблей, зверей, птиц, драконов. Целую эскадрилью воздушных змеев! Запускать змеев нужно против ветра. Если погода тихая, придется пробежать, чтобы змей взвился в высоту. (Чертеж этого змея смотри на 80-й странице.)

Самсон ГЛАЗЕР,
Рисунок В. ДУДКИНА.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

НОВАЯ